

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

№ 2 (76)
2024

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1813-6230

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издаётся с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель, издатель:
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Главный редактор

М. В. Рыбкина, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Виноградов, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Члены редакционной коллегии

Н. В. Бугель, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Павлов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. Роганов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Силина, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

О. Э. Старовойтова, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

И. С. Кокорин, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Егоров, доктор юридических наук, доцент (Витебск, Республика Беларусь)

А. С. Емельянов, доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)

В. П. Очередыко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Ф. Попондопуло, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. Сырых, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Ю. Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

ISSN 1813-6230

The certificate of the mass media registration FIV No ФЦ77-69774 of 18.05.2017
The journal is issued since 2004
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Founder, publisher:
Pushkin Leningrad State University

Chief editor

M. V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Deputy Chief editor

R. A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Executive editor

O. V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

N. V. Bugel', Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Pavlik, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

K. V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. Silina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

O. E. Starovoitova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

I. S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. V. Egorov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)

A. S. Emelyanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)

V. P. Ochered'ko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. F. Popondopulo, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. M. Syrykh, Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)

Yu. B. Shubnikov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

М. В. Рыбкина, Р. Д. Артамонов, Н. Г. Дашкевич К вопросу о систематизации конституционного законодательства и подзаконных актов на современном этапе	8
В. В. Мамонов Современное прочтение Саратовского проекта Конституции России 1990 года	30
А. П. Назаров Энергетический суверенитет в рамках системы национальной безопасности Российской Федерации	42
М. Р. Ромашова Институт юридической ответственности в системе конституционного правопонимания	57
К. А. Уваркин, Л. Ю. Свистунова, Ю. А. Свистунов Правовая природа параллельного импорта в Российской Федерации: вызовы и практическая реализация	73

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Р. Б. Булатов Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в условиях современного развития цифровых технологий	89
Э. Г. Дадашова Брачный договор и его особенности	103
А. С. Кучина, П. А. Лысиков Перспективы развития хозяйственных партнерств в Российской Федерации	117
Л. Ю. Свистунова, Ю. А. Свистунов Информационно-образовательная среда в условиях цифровой трансформации	133
Е. А. Нахова К вопросу о взаимосвязи концепции предмета доказывания в гражданском процессе и теории иска	150

Е. А. Нахова, Д. В. Царькова

Становление понятия стандарта доказывания в российской правовой доктрине и соотношение с иными категориями доказательственного права

163

М. В. Рыбкина

К вопросу о регулировании сроков страховой выплаты

179

CONTENTS

PUBLIC LAW SCIENCES

Marina V. Rybkina, Roman D. Artamonov, Nikita G. Dashkevich On the Issue of Systematization of Constitutional Legislation and By-laws at the Present Stage	8
Vadim V. Mamonov Modern Interpretation of the Saratov Draft of the Constitution of Russia in 1990	30
Aslan P. Nazarov Energy Sovereignty Within the Framework of the National Security System of the Russian Federation	42
Maria R. Pomashova Institute of Legal Responsibility in The System of Constitutional Legal Understanding	57
Konstantin A. Uvarkin, Ludmula J. Svistunova, Yuri A. Svistunov The Legal Nature of Parallel Imports in the Russian Federation: Challenges and Practical Implementation	73

PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES

Rashid B. Bulatov Protection of Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation in the Context of Modern Development of Digital Technologies	89
Estelita G. Dadashova The Prenuptial Agreement and its Features	103
Anastasia S. Kuchina, Pavel A. Lysikov Prospects for the Development of Business Partnerships in the Russian Federation	117
Lyudmila Yu. Svistunova, Yuri A. Svistunov The Information and Educational Environment in the Context of Digital Transformation	133
Elena A. Nakhova On the Issue of the Relationship Between the Concept of the Subject of Proof in Civil Procedure and the Theory of the Claim	150

Elena A. Nakhova, Daria V. Tsarkova The Formation of the Concept of the Standard of Proof in the Russian Legal Doctrine and its Relation to Other Categories of Evidentiary Law	163
Marina V. Rybkina On the Issue of Regulating the Timing of Insurance Payments	179

К вопросу о систематизации конституционного законодательства и подзаконных актов на современном этапе

М. В. Рыбкина, Р. Д. Артамонов, Н. Г. Дашкевич

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается систематизация нормативных правовых актов конституционного значения на современном этапе развития российского правового государства. Авторы исследуют теоретические и историко-правовые основы систематизации конституционного права и конституционного законодательства, а также анализируют актуальные вопросы юридической техники при систематизации постсоветского конституционного законодательства. Отмечается, что конституционное законодательство играет весомую роль в жизни российского общества. По итогам исследования авторами делается вывод о сложносоставном характере конституционного строительства в условиях новой политической реальности.

Ключевые слова: Конституция, конституционализм, право, конституционное право, систематизация, законодательство.

Для цитирования: Рыбкина М. В., Артамонов Р. Д., Дашкевич Н. Г. К вопросу о систематизации конституционного законодательства и подзаконных актов на современном этапе // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 8–29. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_8. EDN: YILSTI

On the Issue of Systematization of Constitutional Legislation and By-laws at the Present Stage

Marina V. Rybkina, Roman D. Artamonov, Nikita G. Dashkevich

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article deals with the systematization of normative legal acts of constitutional significance at the modern stage of development of the Russian rule of law. The authors investigate theoretical and historical-legal bases of systematization of constitutional law and constitutional legislation, as well as analyze current issues of legal technique in the systematization of post-Soviet constitutional legislation. It is noted that constitutional legislation plays a significant role in the life of Russian society. Based on the results of the study, the authors conclude that constitutional construction in the conditions of the new political reality is complex.

Key words: Constitution, constitutionalism, law, constitutional law, systematization, legislation.

For citation: Rybkina, M. V., Artamonov, R. D. Dashkevich, N. G. (2024) K voprosu o sistemizatsii konstitucionnogo zakonodatel'stva i podzakonnnyh aktov na sovremennom jetape [On the Issue of Systematization of Constitutional Legislation and By-laws at the Present Stage]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (76). Pp. 8–29. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_8. EDN: YILSTI

Введение

Развитие России как правового государства немыслимо без соблюдения норм Конституции, обладающей наивысшей юридической силой и выстраивающей целую систему взаимоотношений органов власти между собой, органов власти с гражданами, граждан друг с другом соответственно. Важность Основного закона также состоит в том, что его нормы обуславливают содержание конституционного строя страны, институтов прав и свобод человека и гражданина, а также организацию и функционирование публичной власти.

Принятая в 1993 г. Конституция РФ «родилась» в крайне непростое время, в период противостояния власти президента Б. Н. Ельцина и Верховного Совета. По словам председателя Конституционного суда РФ В. Д. Зорькина, Россия «непомерной ценой» заплатила за некоторые очень нужные приобретения в сфере свободы и правопорядка¹. По мнению Р. А. Ромашова: «Распад СССР и разрушение мировой семьи социалистического права повлекли за собой создание в России государственно-правовой системы нового постсоветского типа, которая, тем не менее, декларировала на формально-юридическом уровне правопреемственную связь с завершившим свою "государственную историю" СССР» [14, с. 29]. В конечном итоге новый Основной закон был принят 12 декабря 1993 г. и вплоть до 2020 г. действовал без существенных изменений.

Конституция 1993 г. представляла собой цельный документ, который можно оценить как достаточно грамотно подготовленный акт с юридико-технической точки зрения. Однако после конституционной реформы 2020 г. Конституция Российской Федерации страны претерпела значительные изменения – появились новые правовые нормы

¹ Официальный сайт «РБК» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/11/2023/654769659a7947754f90136f?ysclid=lwe2qn10hh83503647> (дата обращения: 01.04.2024).

политического, социально-экономического и культурно-духовного характера. Исследователи замечают, что «рост популярности технико-юридической проблематики в научной литературе на сегодняшний день связан с местом, отводимым исследователями юридической технике в становлении и развитии всей правовой системы»¹.

Метаморфозы жизни нашего общества оказали влияние на содержание и смысловую ценность Конституцию Российской Федерации. В ходе данного исследования будут рассмотрены важнейшие вопросы развития российского конституционализма, а также систематизации конституционного права в современных условиях. Думается, что закон, как средство конструирования права [3, с. 28], сам нуждается в собственном конструировании. Как правильно сказал С. А. Авакьян: «Надо не допустить придания иного смысла конституционным идеям тем, кто применяет нормы Конституции» [1].

Теоретические и историко-правовые основы систематизации конституционного права и конституционного законодательства

Как следует из теории государства и права, право как сложное социальное явление не просто состоит из совокупности правил поведения – эта совокупность носит упорядоченный и иерархизированный характер, представляя таким образом систему. При этом интеграция правовых норм или их дифференциация являются неотъемлемой частью систематизации права, сущность которой, на наш взгляд, состоит в совершенствовании регуляции общественных отношений за счет логически выстроенной системы как результата систематизации. Власть общества в отношениях с государством мы видим

¹ Гордиенко П. Ю. Техника систематизации права: теоретические основы и инструментарий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2015. С. 13.

именно в том, что было сказано чуть выше – через общественные институты помогать государству и оказывать влияние на него [18, с. 60].

Специалисты подчеркивают, что «система права – это исторически складывающаяся, отражающая национальные и культурные особенности права конкретного государства, единство юридических норм и их дифференциацию на отрасли, подотрасли, институты и нормы, выделенные в соответствии с предметом и методом правового регулирования, существующие и развивающиеся общественные отношения, или ими определяемая структурная организация права» [12, с. 249]. Хотя С. С. Алексеев полагал, что объективный характер системы права приводит к тому, что в процессе научного исследования ее «нельзя построить, создать, сконструировать. Задача юридической науки состоит в обнаружении и исследовании объективно существующих связей между институтами права и в установлении на этой основе классификации отраслей» [2, с. 9].

Следует сказать, что важным пунктом является разграничение понятий «система права» и «система законодательства». Говоря об этом, О. А. Красавчиков пришел к выводу, что «система права есть объективная существенная взаимосвязь правовых норм, а система законодательства – система форм выражения правовых норм» [9, с. 68]. Думается, что автор весьма емко и справедливо разграничил данные категории через их сущностную составляющую.

Мы полагаем, что в рамках российской правовой системы понятия «система права» и «система законодательства» находятся в неразрывной связи, поскольку нормативный правовой акт (в том числе и закон) есть официальный источник права, вследствие этого, говоря о систематизации права, мы неминуемо затрагиваем

вопросы систематизации законодательства как фактора роста качества правового регулирования общественных отношений. И. В. Малышева заметила, что «и правотворчество, и систематизация должны быть направлены на приведение системы законодательства в порядок. Правотворчество влияет на состояние системы законодательства. Однако есть и обратное воздействие, когда система законодательства и систематизация влияют на процесс создания правовых норм» [11, с. 4].

Таким образом, конечная цель систематизации законодательства, по мнению Т. В. Гавашели, состоит «в создании гармонии (а это и восполнение пробелов, и устранение юридических коллизий, и согласование нормативных правовых предписаний друг с другом) между содержанием права и его внешней и внутренней формами организации и внешнего выражения (системы права и системы законодательства)»¹. В свою очередь, В. В. Ксенофонтов отмечает, что основная цель систематизации – «это постоянный контроль за динамикой текущего правотворчества, согласованность в единении его структурных элементов, их всевозможная обработка, технико-правовая унифицированность»². При этом некоторые авторы считают, что задача систематизации правовых норм состоит прежде всего в том, чтобы создать такую систему норм и содержащих их актов, которая учитывает негативные стороны правоприменения [17, с. 7]. Вместе с тем можно согласиться с мнением П. Ю. Гординеко о том, что «систематизация права – это особый вид юридической деятельности/практики, в своей реализации проявляющийся как постоянная форма развития и упорядочения действующей правовой системы» [12, с. 252].

¹ Гавашели Т. В. Систематизация законодательства: теория и современная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. С. 44.

² Ксенофонтов В. В. Систематизация российского законодательства. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 15.

Отметим, что система российского конституционного законодательства состоит из Конституции, федеральных конституционных законов, законов Российской Федерации, а также федеральных законов, которые в совокупности качественным образом путем дозволения, предписания и запретов регулируют общественные отношения, составляющие предмет конституционного права.

Думается, что в российском публичном праве распространены нормы запретов и предписаний. По мнению О. Е. Кутафина: «Юридическая характеристика предписаний выражается в том, что они опосредуются правоотношениями, в которых на одну сторону возложена юридическая обязанность совершать активные действия, а другая сторона обладает правом требовать, а в случае неисполнения – возможностью обеспечить реальное исполнение юридической обязанности» [10, с. 39]. Далее автор замечает, что юридические запреты являются важным и необходимым юридическим средством охраны прав и законных интересов граждан, общественных объединений, создания преград для социально вредного поведения, обеспечения организованности в общества [10, с. 39].

Возвращаясь к системе конституционного законодательства, стоит обратить внимание на постановления Конституционного суда РФ, которые, несмотря на то что не являются законодательными актами, играют не последнюю роль в российском правовом пространстве. Нормативность постановлений Конституционного суда РФ в большинстве случаев не подвергается сомнению, однако некоторые исследователи делают акцент на том, что им присущи все общие признаки, свойственные решениям других органов судебной власти [19, с. 244]. Особый статус постановлений Конституционного суда РФ придает значимость и вес документу, однако недостаточен для того, чтобы его можно было рассматривать как один

из элементов системы конституционного законодательства. Вместе с тем предельно ясно, что постановление является источником конституционного права России.

В этой связи исследователи замечают, что в рамках систематизации права смешение нормативных и ненормативных актов ведет к тому, что нарушается системность, приводящая к правовому хаосу, когда любой орган государственной власти сможет выносить предписания нормативного и ненормативного характера [7, с. 267]. Действительно, роль Конституционного суда РФ как высшего судебного органа конституционного контроля дает возможность этому органу заниматься нормотворчеством, что подпадает под понятие нетипичного правотворчества.

Стоит сказать, что формировавшийся в стране на протяжении двух столетий конституционализм является достаточно сложным политико-правовым явлением нашей жизни. Государственные деятели XIX в. неоднократно задумывались над необходимостью ограничения власти монархии посредством введения действия Основного закона, в частности, таковыми были известные проекты М. М. Сперанского, Н. Н. Новосильцева, М. Т. Лорис-Меликова и др.

Скажем, что М. М. Сперанский, который смог уловить потребность общественной жизни в реформировании, попытался при помощи российского императора постепенно эту жизнь усовершенствовать. При этом его труд, несмотря на последующую опалу, не оказался напрасным: в 1810 г. создается Государственный совет, действовавший до конца существования Российской империи [4, с. 44]. В последующий период времени развитие российского государства в спектре становления конституционализма можно рассматривать через государственную идеологию С. С. Уварова «Самодержавие. Православие.

Народность», когда данные категории с совокупности стали политическими скрепами российского общества.

После реформ Александра II «дух либерализма» начал проникать во все сферы жизни общества, что требовало государственно-правовой рефлексии. Подготовленные М. Т. Лорис-Меликовым и воплощенные в конституционном проекте идеи так и не были рассмотрены вследствие убийства императора 1 марта 1881 г. Хотя стоит заметить, что предложения М. Т. Лорис-Меликова, изложенные в его проекте, были только первыми шагами к конституционализму, а не собственно конституцией [6, с. 27]. Но данный «шаг» говорит о том, что государственная власть была озабочена вопросом изменения политико-правовой ситуации в стране и по-своему пыталась найти выход в сложившейся ситуации, дабы не дойти до момента, когда «верхи не могут, а низы не хотят»¹.

С вступлением России в XX в. в обществе назрели революционные настроения, которые выплеснулись в годы первой буржуазно-демократической революции, когда неспособность правящего режима к послаблениям для масс привела к стачкам, забастовкам и вооруженному противостоянию. В череде этих событий в 1906 г. были приняты Основные законы Российской империи, которые можно рассматривать как некий «прообраз» Конституции. Из предшествующих исследований нами сделан вывод о том, что «аксиологическая составляющая Основных законов 1906 г. состоит в том, что формально-юридически были закреплены вопросы государственного значения: обозначены элементы формы государства (форма правления, а также форма государственно-территориального устройства страны)» [5, с. 15]. Однако при этом данная правовая новелла в совокупности с Манифестом от 17 октября 1905 г. и соз-

¹ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // ПСС. Т. 41. С. 69–70.

данием Государственной Думы Российской империи не были должным образом применены властью вследствие чего, в том числе, произошли революционные потрясения в российском обществе.

С приходом власти большевиков в ноябре 1917 г; в стране начался процесс «ревизии права», когда прежние правовые институты заменялись новыми советскими. Так, для того периода времени было характерно декретное управление, стоит отметить, что первые декреты (о мире, о земле, о власти и т. д.), как акты конституционного значения, формировали советское государственное право. Однако его «венцом» стало принятие I Конституции РСФСР 1918 года, состоящей из Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, и собственно текста Основного закона.

Стоит сказать, что Советское государство, как первое в мире государство рабочих и крестьян, имело свои особенности правового регулирования. В частности:

- была высока роль партии [8, с. 24–30];
- не признавались деление права на частное и публичное, принцип разделения властей;
- открыто говорилось о дискриминации «бывших» людей и т. д.

В свою очередь, Р. А. Ромашов замечает, что: «в качестве "живого права", безусловно, доминирующего над позитивным, выступала "линия партии", высшие должностные лица которой (члены Политбюро ЦК КПСС) и являлись фактическими государями Советской России» [13, с. 24]. После введения новой экономической политики, окончательной победы в Гражданской войне и создания Союза ССР требовалось новое конституцирование основных общественных институтов, которые пользовались поддержкой коммунистической партии и власти. Тем самым Конституция 1924 г. не сильно отличалась от Основного закона 1918 г.

В последующем, с «победой социализма» и принятием Конституции 1936 г. государственное право претерпело изменения по вопросам прав и обязанностей граждан, а также новых форм функционирования власти. Уже в 1977 году была принята Конституция «развитого социализма», закрепившая победы советской власти за все предшествующие годы. В ней была продемонстрирована роль и сила «общенародного государства» как символа советской демократии.

Таким образом, систематизация конституционного права и конституционного законодательства является неотъемлемым фактором в правовом пространстве нашей страны вне зависимости от общественно-экономической формации, формы правления и политического режима. При этом, что характерно, в рамках историко-правового анализа систематизации конституционного законодательства прослеживается некая линейная тенденция на структуризацию конституционного права в целом, поскольку как ключевая отрасль права конституционное (государственное) право регулирует вопросы о взаимоотношении власти, общества и человека, вследствие чего потребность в формально-юридическом упорядочивании данных связей была. Тем самым можно поднять еще один вопрос о направлениях систематизации конституционного законодательства в исторической ретроспективе, поскольку юридическая техника изложения нормативных правовых актов и их классификация отличалась от советского опыта. Думается, что на сегодняшний день Российской Федерации стоит учитывать как опыт Российской империи, так и Союза ССР с тем, чтобы предлагаемые пути совершенствования систематизации законодательства были соотносимы с традициями отечественной юриспруденции.

Юридическая техника при систематизации постсоветского конституционного законодательства

Развитие российского конституционализма в первой четверти XXI в. вошло в общественное сознание прежде всего за счет наведения президентом В. В. Путиным конституционного порядка в стране (борьба с сепаратистами на Северном Кавказе, рост социально-экономического благополучия населения, окончательное оформление постсоветского законодательства, приведение законодательства субъектов РФ в соответствие с федеральным и т. д.), принятия Республики Крым и города-героя Севастополь в состав РФ, а также внесением поправок в действующую Конституцию – конституционная реформа 2020 г., в ходе которой Основной закон от 12 декабря 1993 г. претерпел качественные изменения.

Спустя 27 лет, после принятия последней Конституции, возникла необходимость в обновлении Основного закона, инициатором которого в январе 2020 г. стал в соответствии со ст. 134 Конституции президент РФ В. В. Путин: «Я абсолютно убежден в том, что мы правильно делаем, что принимаем поправки к действующей Конституции. Эти поправки будут укреплять нашу государственность и будут создавать условия для поступательного развития нашей страны на десятилетия вперед»¹.

Инициаторы внесения поправок в Основной закон, в том числе сам глава государства и его «команда», решили заручиться поддержкой народа, дабы легитимизировать изменения в Конституцию, подтвердив демократический характер принятия нововведений. Предварительно скажем, что изменения были самыми разными: от поправки про Бога до перераспределения

¹ Официальный сайт «РИА-Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200705/1573913398.html?ysclid=lw3kun3bjk106016861> (дата обращения: 01.04.2024).

полномочий органов государственной власти – в совокупности их насчитывалось порядка 206¹.

Важнейшую роль в данном процессе сыграло использование приёмов юридической техники как совокупности прикладных способов и средств, при помощи которых происходит формирование и изложение юридического текста с целью адекватного смыслового понимания. По словам Р. А. Ромашова, юридическая техника в период конституционной реформы состояла из трех элементов:

«1. преобразование аутентичного конституционного текста в рамках традиционной парламентской деятельности в сфере принятия и изменения федеральных конституционных законов;

2. внесение текстуальных изменений в гл. 3–8, посредством которых осуществляется смысловая коррекция законодательных положений гл. 1, 2, которые объявлены текстуально неизменными;

3. внесение смысловых изменений в конституционный текст путем его интерпретации Конституционным Судом России» [13, с. 26].

Изменения, которые были внесены по итогам конституционной реформы 2020 г., оказали определённое воздействие на прежний вариант Конституции Российской Федерации, бывшей завершённым и логически выверенным документом. Еще в 2011 г. В. Е. Чиркин говорил, что «специфика объекта регулирования современной конституции – все более выраженное стремление к закреплению в ней в целостном виде основ экономической, социальной, политической систем, духовной жизни общества и правового статуса личности, основ взаимосвязей человек – коллектив – государство – общество» [20, с. 47]. Иными словами, та «целостность»,

¹ Официальный сайт LAW.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.ru/article/22899-popravki-v-konstitutsii-rf-2020-spisok-izmeneniy?ysclid=lw3nkcmtm97054338> (дата обращения: 01.04.2024).

о которой сказал автор, подразумевает наличие закономерной и последовательной совокупности правовых норм как правил поведения в зависимости от сферы жизнедеятельности общества.

Так, на сегодняшний день определённые статьи и главы Основного закона содержат нормы, которые не вписываются в их предназначение, а также содержат нормы не конституционного, а отраслевого значения. Например, ст. 67.1 Конституции содержит положения о том, что государство должно заботиться о всестороннем развитии детей, хотя статья входит в 3-ю главу «Федеративное устройство». Таких примеров, к сожалению, по итогам одобрения обновленного текста Конституции на общероссийском голосовании от 1 июля 2020 г. достаточно много, поскольку на сегодняшний день нельзя вносить изменения в 1, 2 и 9 главы Конституции, происходит нарушение логической цепочки существования и функционирования институтов конституционного права. Это естественным образом показывает недостаток принятых поправок в Основной закон из-за того, что отсутствие системности как ключевого признака права в целом, которое выражается в юридической технике создания и подготовки или изменения Основного закона страны, ведёт к путанице.

Конечно, стоит сказать что конституционная реформа 2020 г. была прежде всего фактором политического значения, а не правовой необходимостью. Как подчеркивают специалисты: «Любая конституция исходит из базовых положений, признаваемых властями в качестве ценностей в данной цивилизации, в той или иной форме закрепляет их» [20, с. 22]. Но вместе с тем конституция – это не догма, а это руководство к действию. Если общественная жизнь меняется настолько, что Основной закон страны не отвечает веяниям нового времени,

то такой документ не подлежит изменению. В этой связи возникает еще один дискуссионный вопрос о главенстве политики над правом в целом, что наглядно демонстрирует конституционное право как отрасль, ближе всего «стоящая» к власти.

Конституционное строительство в условиях новой политической реальности

Начавшаяся 24 февраля 2022 г. специальная военная операция отложила определенный отпечаток на конституционное развитие российского государства вследствие того, что данный нетипичный правовой режим привел к переоценке ценностей как морально-нравственного, так и правового характера.

Несмотря на то что некоторые ученые считают, что «ближайшие 5–10 лет следует ожидать сохранения консервативной тенденции, которая, вероятно, приведет к значимым изменениям в существующей конституционно-правовой системе» [16, с. 209], мы полагаем, что режим СВО внесет свои существенные коррективы в систему конституционного законодательства вопреки идеологии «здорового консерватизма».

На сегодняшний день при проведении специальной военной операции актуальной стала тематика роста государственного влияния на общество, в условиях которого систематизация конституционного законодательства и подзаконных актов может принять новые черты, к которым можно отнести следующие:

1. Оперативный характер принятия актов конституционного значения в области обороны и безопасности государства и встраивания их в правовое пространство страны. Таковыми, например, можно считать федеральные конституционные законы о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской

Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, в которых затрагиваются вопросы приведения в соответствие новых регионов с российской экономической, социальной, политической действительностью.

Немаловажную роль сыграл и указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей», принятый в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако стоит сказать, что «скоротечность» принятия таких документов не должна отменять принцип законности как ключевого принципа юриспруденции.

2. Повышение роли подзаконных актов президента РФ как Верховного главнокомандующего Вооруженными силами РФ, актов, принимаемых военно-гражданскими администрациями на вновь присоединенных территориях, а также ведомственных нормативных актов Министерства обороны и Генерального штаба РФ.

Как сказал В. В. Путин на встрече с командующими войсками военных округов: «И еще раз к этому вернусь (наши войска – авт.) выполняют все задачи, поставленные министерством обороны и генеральным штабом. Это то, чего ждет от нас, от вас вся страна»¹. Тем самым, в условиях специальной военной операции документы, принимаемые на подзаконном уровне, в обыденном правосознании играют первостепенную роль как указания, в которых содержится ценная информация как для самих военнослужащих, так и их близких и родных. Стоит добавить, что акты, принимаемые военно-гражданскими администрациями на вновь присоединенных территориях, являются новым видом нормативных документов в правой системе

¹ Официальный сайт «РИА-Новости» [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20240515/putin-1946164698.html?ysclid=lpwplfj92y9420641121> (дата обращения: 01.03.2024).

России из-за специфического статуса уполномоченного на принятие актов органа – в этой связи в парадигме систематизации конституционного законодательства, считаем, что на сегодняшний день целесообразно выделить в качестве 6 подраздела Собрания законодательства РФ подраздел, который включал бы в себя акты, принимаемые военно-гражданскими администрациями. Данный шаг обусловлен прежде всего необходимостью фиксации документов, принимаемых в регионах, в которых введено военное положение с целью их качественного анализа и проработки для дальнейшего совершенствования.

3. При дальнейшей систематизации законодательства необходимо исходить из того, что гражданам РФ должны быть понятны нормы законодательных актов, т. е. предельно важным является адекватное толкование правовых норм юридически неподкованными гражданами с целью недопущения негативных правовых последствий.

В этой связи в качестве дополнения к уже имеющимся мерам информационной и телекоммуникационной поддержки, думается, целесообразно создать в цифровом поле нашей страны информационный бюллетень, в котором бы популярным языком разъяснялись особенности правового статуса участников СВО и членов их семей. Необходимо пресекать ситуации, когда нормы права, в том числе и конституционные, носят декларативный характер, независимо от того, является ли человек участников СВО или нет, хотя проблема носит более фундаментальный характер. По словам Р. А. Ромашова: «Конституция для большинства россиян продолжает оставаться такой же, какой была в советский период – возвышенной, правильной, демократической и... декларативной, а оттого – безжизненной, не связываемой с реальной возможностью обеспечения и защиты конкретного права конкретного российского гражданина» [15, с. 77].

Таким образом, специальная военная операция стала фактором, который может качественным образом изменить правовую систему России с учетом специфики, что имеет место в том числе и на вновь присоединённых территориях. Систематизация конституционного законодательства и актов подзаконного характера в будущем будет иметь свои особенности, к которым необходимо быть готовым.

Заключение

Подводя итоги данному исследованию, стоит сказать, что систематизация конституционного законодательства и актов подзаконного характера есть неминуемый процесс жизнедеятельности российского общества. На протяжении многих лет исторического прошлого государственные деятели Российской империи и Советского Союза предпринимали попытки, в числе которых было множество успешных, по упорядочиванию актов конституционного значения с тем, чтобы механизм управления и власти действовал лучше. Думается, что опыт предшественников нуждается в более детальном анализе с целью поиска полезных свойств и моментов при систематизации для современников. Сегодня же по итогам конституционной реформы 2020 г. стало ясно, что все документы, в том числе и Конституция РФ, могут быть изменены, если в этом будет необходимость. Длительная на протяжении двух лет специальная военная операция показала, в том числе, значимость актов подзаконного характера как документов оперативного управления, которые могут приниматься быстрее и быть в этом смысле более «гибкими», чем законы. Вместе с тем, необходимо отметить, что правовая система России есть «живой организм», скелетом которого является система законодательства, вследствие чего рассмотрение конституцион-

ного законодательства через ракурс различных научных изысканий может привести к вполне положительным результатам исследования.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – М.: Сашко, 2000. – 528 с.
2. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. – М.: Госюриздат, 1961. – 188 с.
3. Алексеев С. С. Право и правовая система // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 27–34.
4. Артамонов, Р. Д., Дашкевич Н. Г., Охотникова М. А. "Введение к уложению государственных законов" М. М. Сперанского – попытка внедрения октроированного конституционализма в Российской империи // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 35–46. – DOI: 10.35231/18136230_2022_4_35. – EDN FSRZDW
5. Артамонов, Р. Д., Дашкевич Н. Г., Подгорный А. А. К вопросу о конституционной сущности "Основных государственных законов" Российской империи 1906 г. // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 4 (66). – С. 8–20. – DOI: 10.35231/18136230_2021_4_8. – EDN: DDKCZW
6. Артамонов, Р. Д., Дашкевич Н. Г. К вопросу о конституционном проекте М. Т. Лорис-Меликова // Теория и практика современной юридической науки: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14 апреля 2022 года. – СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2022. – С. 25–28. – EDN: ARKIPY
7. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М.: Аванта+, 2000. – С. 267.
8. Коровин Кирилл Сергеевич. Предпосылки, факторы и акторы формирования советского конституционализма // Новый ракурс. – 2020. – № 4. – С. 20–39.
9. Красавчиков О. А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1975. – № 2. – С. 62–71.
10. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. – М.: Юристъ, 2001. – С. 39.
11. Малышева И. В. Единство правотворчества и систематизации законодательства: монография. – Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2020. – С. 4.
12. П. Ю. Гордиенко Сущность и юридическая природа систематизации права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 249–252.
13. Ромашов Р. А. Юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе "живого" права современной России // Юридическая техника. – 2023. – № 17. С. 22–26.
14. Ромашов, Р. А. Трансформация этоса юридической науки в контексте циклогенеза государственно-правовой системы России // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5 (134). – С. 26–31. – DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-26-31. – EDN: ZQECIB
15. Ромашов, Р. А. Феномен конституции в новой и новейшей истории Российского // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 1 (59). – С. 70–78. – EDN: NPHWRB

16. Ромашова М. Р., Рыбкина М. В. Понимание Конституции как базовая составляющая конституционного правопонимания // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 198–212. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_198. EDN: FOREHC

17. Сивитский В. А. Систематизация законодательства как способ его развития. – М., 2010. С. 7.

18. Современные проблемы организации публичной власти: монография / Рук. авторского колл. и отв. редактор – д. ю. н., профессор Авакьян С. А. – М.: Юстицинформ, 2014 – С. 60.

19. Татаринов С. А. К вопросу о юридической силе постановлений Конституционного Суда Российской Федерации и актов судов общей и арбитражной юрисдикции // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 401. – С. 244–248.

20. Чиркин В. Е. Конституция в XXI веке. Сравнительно-правовое исследование. – М.: НОРМА, 2011. – С. 22–47.

References

1. Avak'yan, S. A. (2000) *Konstituciya Rossii: priroda, evolyuciya, sovremennost'* [The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity]. Moscow: Sashko. (In Russian).

2. Alekseev, S. S. (1961) *Obshchie teoreticheskie problemy sistemy sovetskogo prava* [General theoretical problems of the system of Soviet law]. Moscow: Gosyurizdat. (In Russian).

3. Alekseev, S. S. (1980) Pravo i pravovaya sistema [Law and the legal system]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie – Izvestia of higher educational institutions. Law studies*. No. 1. Pp. 27–34. (In Russian).

4. Artamonov, R. D., Dashkevich, N. G., Ohotnikova, M. A. (2022) "Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennyh zakonov" M. M. Speranskogo – popytka vnedreniya oktroirovannogo konstitucionalizma v Rossijskoj imperii ["Introduction to the code of state laws" by M. M. Speransky – an attempt to introduce octroed constitutionalism in the Russian Empire]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 4(70). Pp. 35–46. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2022_4_35. EDN: FSRZDW

5. Artamonov, R. D., Dashkevich, N. G., Podgorniy, A. A. (2021) K voprosu o konstitucionnoj sushchnosti "Osnovnyh gosudarstvennyh zakonov" Rossijskoj imperii 1906 g. [On the constitutional essence of the "Basic state laws" of the Russian Empire in 1906]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 4 (66). Pp. 8–20. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2021_4_8. EDN: DDKCZW

6. Artamonov, R. D., Dashkevich, N. G. (2022) K voprosu o konstitucionnom proekte M. T. Loris-Melikova [On the question of the constitutional draft of M. T. Loris-Melikov]. *Teoriya i praktika sovremennoj juridicheskoy nauki* [Theory and practice of modern Legal science]. Proceedings of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 14. Sankt-Peterburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A. S. Pushkina. Pp. 25–28. (In Russian). EDN: ARKIPIY

7. Kerimov, D. A. (2000) *Metodologiya prava (predmet, funkcii, problemy filosofii prava)* [of law (subject, functions, problems of philosophy of law)]. Moscow: Avanta+. (In Russian).

8. Korovin, K. S. (2020) *Predposylki, faktory i aktory formirovaniya sovetskogo konstitucionalizma* [Prerequisites, factors and actors of the formation of soviet constitutionalism]. *Novyj rakurs – New perspective*. No. 4 Pp. 20–39. (In Russian).

9. Krasavchikov, O. A. (1975) Sistema prava i sistema zakonodatel'stva (grazhdansko-pravovoj aspekt) [The system of law and the system of legislation (civil

law aspect]]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie – Izvestia of higher educational institutions. Law studies.* No. 2. Pp. 62–71. (In Russian).

10. Kutafin, O. E. *Predmet konstitucionnogo prava* [The subject of constitutional law]. P. 39. (In Russian).

11. Malysheva, I. V. (2020) *Edinstvo pravotvorchestva i sistematizacii zakonodatel'stva: monografiya* [Unity of law-making and systematization of legislation: monograph]. Novokuzneck: FKOU VO Kuzbasskij institut FSIN Rossii. P. 4. (In Russian).

12. Gordienko, P. Yu. (2012) Sushchnost' i yuridicheskaya priroda sistematizacii prava [The essence and legal nature of the systematization of law]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 5. Yurisprudenciya.* No. 2 (17) Pp. 249–252. (In Russian).

13. Romashov, R. A. (2023) Yuridicheskaya tekhnika izmeneniya konstitucionnogo zakonodatel'stva v sisteme "zhivogo" prava sovremennoj Rossii [Legal technique of changing constitutional legislation in the system of "living" law of modern Russia]. *Yuridicheskaya tekhnika – Legal technique.* No. 17. Pp. 22–26. (In Russian).

14. Romashov, R. A. (2020) Transformaciya etosa yuridicheskoy nauki v kontekste ciklogeneza gosudarstvenno-pravovoj sistemy Rossii [Transformation of the ethos of legal science in the context of the cyclogenesis of the state legal system of Russia]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal – Russian Law Journal.* No. 5 (134). Pp. 26–31. (In Russian). DOI: 10.34076/2071–3797–2020–5–26–31. EDN: ZQECIB

15. Romashov, R. A. (2020) Fenomen konstitucii v novoj i novejshej istorii Rossijskogo [The phenomenon of the Constitution in the new and modern history of the Russian state]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal.* No. 1 (59). Pp. 70–78. (In Russian). EDN: NPHWRB

16. Romashova, M. R., Rybkina, M. V. (2024) Ponimanie Konstitucii kak bazovaya sostavlyayushchaya konstitucionnogo pravoponimaniya [Understanding the Constitution as a basic component of constitutional legal understanding]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal.* No. 1 (75). Pp. 198–212. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_198. EDN: FOREHC

17. Sivitskij, V. A. (2010) *Sistematizaciya zakonodatel'stva kak sposob ego razvitiya* [Systematization of legislation as a way of its development]. Moscow. P. 7. (In Russian).

18. Avak'yan, S. A. (2014) (ed.) *Sovremennye problemy organizacii publichnoj vlasti. Monografiya* [Modern problems of the organization of public power. Monograph]. Moscow: Yusticinform. P. 60. (In Russian).

19. Tatarinov, S. A. (2015) K voprosu o yuridicheskoy sile postanovlenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii i aktov sudov obshchej i arbitrazhnoj yurisdikcii [On the question of the legal force of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and acts of courts of general and arbitration jurisdiction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University.* No. 401. Pp. 244–248. (In Russian).

20. Chirkin V. E. (2011) *Konstituciya v XXI veke. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Constitution in the XXI century. Comparative legal research]. Moscow: NORMA. Pp. 22–47. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
30/30/40 %

Об авторах

Рыбкина Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3321-0353, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

Артамонов Роман Дмитриевич, ассистент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-4096-3663, e-mail: romario20@bk.ru

Дашкевич Никита Германович, преподаватель, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-6642-9728, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

About the authors

Marina V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-3321-0353, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

Roman D. Artamonov, Assistant, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0006-4096-3663, e-mail: romario20@bk.ru

Nikita G. Dashkevich, Lecturer, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-6642-9728, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

*Поступила в редакцию: 05.04.2024
Принята к публикации: 31.05.2024
Опубликована: 28.06.2024*

*Received: 05 April 2024
Accepted: 31 May 2024
Published: 28 June 2024*

Современное прочтение Саратовского проекта Конституции России 1990 года

В. В. Мамонов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Принятию Конституции Российской Федерации (1993 г.) предшествовала работа Конституционной комиссии, которой был объявлен конкурс на проект нового Основного закона страны. Кафедрой государственного права Саратовского юридического института им. Д. И. Курского был отправлен в Конституционную комиссию проект Конституции Российской Федеративной Республики (далее – Саратовский проект). Решением жюри Конституционной комиссии он был отмечен второй премией.

В статье изложены положения, которые могут быть использованы в развитии отечественного конституционализма. Особый интерес представляют положения Саратовского проекта, определяющие преемственность в конституционном развитии России; указывающие на стремление развивать и укреплять отношения сотрудничества со всеми народами мира, способствовать сохранению жизни на Земле; называющие среди принципов деятельности органов публичной власти ответственность государства перед гражданами; регулирующие обязанности граждан.

Ключевые слова: Саратовский проект Конституции России, конституционная преемственность, федеративное устройство, права и свободы человека, органы публичной власти.

Для цитирования: Мамонов В. В. Современное прочтение Саратовского проекта Конституции России 1990 года // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 30–41. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_30. EDN: YRSFPC

Modern Interpretation of the Saratov Draft of the Constitution of Russia in 1990

Vadim. V. Mamonov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The adoption of the Constitution of the Russian Federation (1993) was preceded by the work of the Constitutional Commission, which announced a competition for the draft of a new Constitution of the country. The Department of State Law of the Saratov Law Institute named after D. I. Kursky sent to the Constitutional Commission a draft Constitution of the Russian Federal Republic (hereinafter referred to as the Saratov Draft). By the decision of the jury of the Constitutional Commission, he was awarded the second prize.

The article identifies the provisions of the Saratov project that can be used in the development of domestic constitutionalism. Of particular interest are the provisions of the Saratov draft, defining continuity in the constitutional development of Russia; indicating the desire to develop and strengthen relations of cooperation with all peoples of the world, to contribute to the preservation of life on Earth; naming among the principles of the activities of public authorities the responsibility of the state to citizens; regulating the duties of citizens.

Key words: Saratov draft Constitution of Russia, constitutional succession, federal structure, human rights and freedoms, public authorities.

For citation: Mamonov, V. V. (2024) Sovremennoe prochtenie Saratovskogo proekta Konstitucii Rossii 1990 goda [Modern Interpretation of the Saratov Draft of the Constitution of Russia in 1990]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (76). Pp. 30–41. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_30. EDN: YRSFPC

Введение

К событиям, происходившим в СССР в последние годы его существования, отношение у наших соотечественников разное. Но, бесспорно, что тот период развития страны стал временем великих преобразований, определивших не только будущее государств постсоветского пространства, но ход мировой истории на многие десятилетия вперед. Изменились границы на политической карте мира, Российская Федерация стала субъектом международного права, провозгласившим демократию основой своего конституционного развития.

Пожалуй, уникальным, не имевшим аналогов в отечественной истории явлением стало то, что государственная власть не только заявила о необходимости перемен, но и проявила интерес к мнению граждан о будущем страны, предложила им высказать идеи по вопросам обустройства своей жизни, начала реальный диалог со всеми заинтересованными членами общества о конституционных реформах. Согласимся с определением, данным тому времени Л. Б. Волковым: «В обстановке "перестройки" страна – ее население, ее элиты, ее правящий класс получили историческое право выбора» [1, с. 29]. Конечно, принятию Конституций СССР 1936 и 1977 гг. предшествовали многочисленные обсуждения текстов этих документов в трудовых коллективах, но они носили во многом формальный характер. Иного и не могло быть в несвободном обществе.

Нынешнее время и начало 90-х гг. XX в. – очень разные времена, в том числе и для развития российского конституционализма. Сегодня преобладают императивные методы регулирования общественной жизни, поэтому конституционализм, свидетелями которого мы являемся, можно назвать административным. Периоду принятия действующей Конституции РФ предшествовал роман-

тический конституционализм – пора перемен, надежд и, даже, иллюзий о скором восходе «звезды пленительного счастья», о которой мечтал А. С. Пушкин в стихотворении «К Чаадаеву» [5, с. 307]. В. Т. Кабышев писал: «Саратовский проект Конституции РФ стал отражением той эпохи, маленькой частицей в многообразии идей, концепций, теорий, которые были присущи этому бурному времени» [2, с. 7].

Вопросы, имевшие актуальность для отечественного конституционализма в начале 90-х гг. XX вв. и требующие ответа на современном этапе конституционного развития России

Несмотря на кардинальные отличия конституционного развития России тех лет и современности, эти этапы эволюции государства и общества имеют общую доминанту. Как тогда, так и сейчас, перед нашими соотечественниками стоит извечный вопрос, публично озвученный Н. Г. Чернышевским в названии своего романа: «Что делать?» [8]. По-прежнему требуют научного осмысления фундаментальные, имеющие конституционное значение, проблемы. Назовем лишь некоторые из них:

1) определение национальной идентичности и преемственности Российской Федерации. В принятой Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. Декларации «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» сказано, что государственность России имеет многовековую историю, РСФСР провозглашается суверенным государством. В ст. 67.1 Конституции РФ Российская Федерация провозглашается правопреемником Союза ССР на своей территории, говорится о преемственности в развитии Российского государства, объединении Российской Федерации тысячелетней историей. Понятия

«государство и «государственность» не тождественны. Государство – субъект международного права. Государственность – состояние развития нации.

17 июня 2023 года в Санкт-Петербурге с участием президента Российской Федерации состоялась церемония подъема флагов Российской Федерации, СССР и Российской Империи. СССР был антагонистическим государством по отношению к Российской империи. Конституция РСФСР 1918 г. лишала права избирать и быть избранными членов царствовавшего в России дома. Для выявления национальной идентичности России важно определить, как настоящее и будущее России связано с ушедшими в историю Российской империей и СССР;

2) выстраивание взаимоотношений России с мировым сообществом. Первая глава Конституции РФ «Основы конституционного строя» не содержит специальной статьи о внешнеполитической деятельности. В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ определено лишь место общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России. Регулирование вопросов международного сотрудничества в главе III Конституции РФ «Федеративное устройство» вряд ли корректно по отношению к пунктам «к», «л» ст. 71 Конституции РФ, относящих к предметам ведения Российской Федерации внешнюю политику и международные отношения Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации; вопросы войны и мира; внешнеэкономические отношения Российской Федерации. Внешняя политика государства проистекает из его суверенитета, не зависит от формы государственного устройства;

3) совершенствование федеративного устройства. Последовавшая после внесения в 2020 г. поправок к Конституции РФ ликвидация в ряде субъектов РФ конституционных и уставных судов показывает, что вектор консти-

туционного развития России направлен от федеративной к унитарной форме государственного устройства;

4) организация и деятельность публичной власти.

Главным критерием эффективности публичной власти является повышение уровня жизни граждан. Согласно данным Росстата, в 2022 г. граница бедности составляла 13545 р., а к бедным относилось 9,8 % населения¹. Такие показатели свидетельствуют, что совершенствование конституционной модели публичной власти требует продолжения в дальнейшем.

Положения Саратовского проекта, которые следует использовать при разработке нормативных правовых актов, имеющих конституционное значение

Масштаб конституционных вызовов для современной России столь значителен, что для ответа на них потребуются поиск новых концептуальных подходов и идей. Начинать этот путь следует с изучения отечественного конституционного наследия, в том числе мыслей российских ученых-правоведов об обустройстве России, высказанных в рамках работы Конституционной комиссии, действовавшей в период 1990–1993 годов. Особое место здесь занимает Саратовский проект. Б. А. Страшун писал, что в нем выявилось наибольшее число идей, явно заслуживавших использования в будущей Конституции России [6, с. 500].

Обратим внимание на положения Саратовского проекта, представляющие особый интерес:

1. Упоминание в преамбуле о Декларации о государственном суверенитете РСФСР, провозгласившей суверенитет РСФСР, являющейся важным документом для понимания конституционной природы Российской

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.03. 2024).

Федерации. Тем самым обеспечивается историческая преемственность конституционного развития страны. Дата принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР – 12 июня – в ст. 112 Трудового кодекса РФ определяется как нерабочий праздничный день – День России. К сожалению, о ней не упоминается в действующей Конституции РФ.

2. Указание на стремление развивать и укреплять отношения сотрудничества со всеми народами мира, способствовать сохранению жизни на Земле (преамбула). Конституция РФ определяет человека, его права и свободы как высшую ценность. Аксиология Саратовского проекта более убедительна. Высшая ценность – то, что является предтечей всех иных ценностей, от чего нельзя отказываться ни при каких условиях. Согласно ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом. Вероятно, именно жизнь на Земле следует рассматривать в качестве высшей конституционной ценности. Ее невозможно ограничить. Неслучайно Саратовский проект определяет в качестве конституционного принципа мирную политику Российского государства. Обратим внимание на то, что в тексте Конституции РФ, принятом на референдуме в 1993 г., вовсе отсутствовали нормы о поддержании и укреплении Россией международного мира, обеспечения мирного сосуществования государств. Соответствующие поправки были внесены в Конституцию РФ лишь в 2020 г. (ст. 79.1).

3. Определение среди принципов деятельности органов публичной власти ответственности государства перед гражданами (ст. 4). В Саратовском проекте сказано, что власть служит благу народа (ст. 2). Задачей органов государственной власти всех ступеней определено служение народу, всемерное обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан (ст. 84).

Определение этих идей как основных конституционных задач для публичной власти актуально и сегодня. Для времени составления Саратовского проекта это звучало как прорыв в общественном мышлении. К сожалению, слова В. Т. Кабышева весьма точно определяют отношения власти и человека в нашей стране: «Человек практически всегда в истории России был винтиком государственной машины» [3, с. 52]. Обратим внимание, что в Саратовском проекте раздел II «Права человека и гражданина» начинается с главы «Человек и государственная власть». Причем, на первом месте стоит слово «человек». Это не просто нюанс текста, а осознанно расставленные приоритеты будущего конституционного развития России. Вспомним, что в Конституции РСФСР 1978 г. раздел II назывался «Государство и личность», а в Конституции РСФСР 1937 г. гл. XI именовалась «Основные права и обязанности граждан». В Саратовском проекте четко обозначено: государство не дарует человеку конституционные права и свободы; государственная власть обеспечивает реализацию человеком его конституционных прав и свобод, охраняет и защищает его достоинство.

4. Выделение отдельной главы, определяющей обязанности граждан РФ. В Конституции РФ обязанности человека и гражданина перечислены в гл. II Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина». Слова К. Маркса по прошествии времени не потеряли актуальность: «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» [4, с. 13]. В ст. 43 Саратовского проекта сказано, что осуществление гражданином прав и свобод неотделимо от выполнения обязанностей. Для современного конституционного строительства полезными можно считать нормы ст. 46 и 47 Саратовского проекта, в которых выделяются в качестве обязанностей граждан уважение достоинства и национального достоинства других лиц.

Вместе с тем в условиях экономики, основанной на конкуренции, как рудимент эпохи социализма выглядит закреплённая в Саратовском проекте обязанность граждан добросовестно трудиться, соблюдать дисциплину труда (ст. 45). Труд – важнейшая конституционная ценность, но его стимулирование могут и должны регулировать механизмы соперничества между субъектами экономической деятельности. С позиций нынешних реалий неубедительна и норма о способствовании государства обеспечению полной занятости населения. Безработица, от которой каждый имеет право на защиту и полная занятость – не одно и то же. Безработица – ситуация, когда человек желает, но не может найти работу. Есть граждане, занимающиеся домохозяйством, не состоящие в трудовых отношениях. Полная занятость предполагает принудительный труд, с признанием которого нельзя согласиться.

5. Установление двух сроков, в течение которых одно и то же лицо не может занимать должность президента Российской Федерации (ст. 102). Эта норма предвосхитила внесённую в 2020 г. поправку к ч. 3 ст. 81 Конституции РФ, исключившую слово «подряд» из предложения: «Одно и то же лицо не может занимать должность президента Российской Федерации более двух сроков подряд».

Дискуссионные положения Саратовского проекта

Несмотря на столь богатый на конституционные новеллы Саратовский проект, его следует изучать с учетом контекста своего времени. Начало 90-х гг. XX в. стали периодом неопределённости в федеративных отношениях. Так, был принят Закон СССР от 26 апреля 1990 г. № 1457 – I «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации»¹, в котором автономные республики признавались государствами, являющимися

¹ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 19. ст. 329.

субъектами Федерации – Союза ССР (ст. 1). Подготовленный на исходе существования СССР проект Договора о Союзе Суверенных Государств предусматривал объединение республик СССР в конфедеративное государство¹. В юридической науке известно, что такая форма близка к межгосударственному объединению и не представляет собой единое государство. В Саратовском проекте мало норм, регулирующих федеративное устройство России. Причина тому – отсутствие ясных представлений в обществе о будущем СССР, взаимоотношениях в нем союзных республик, статусе автономий.

Противоречивы нормы Саратовского проекта об организации государственной власти. Политической формой России провозглашается президентская республика (ст. 3), в которой глава государства – Президент Российской Федерации (ст. 101). При этом предусматривается деятельность Совета министров – правительства, являющегося высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти. Известно, что в президентских республиках президент является главой исполнительной власти. Признается принцип разделения властей (ст. 4). Однако Верховный Совет Российской Федерации правомочен рассмотреть и решить любой вопрос, относящийся к ведению Российской Федерации (ст. 88), что явно не вписывается в доктрину разделения властей, предполагающую разграничение полномочий между законодательной и исполнительной властью. Не согласуется с теорией разделения властей отнесение в Саратовском проекте к исключительному ведению Верховного Совета Российской Федерации упразднения, объединения и переименования министерств и ведомств (п. 16 ст. 88).

¹ См.: Проект Договора о Союзе Суверенных Государств // Горбачев М. С. Жизнь и реформы: в 2 кн. Книга 2. М. Новости. 1995. С. 793–802.

Заключение

Ф. Тютчев писал: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» [7. с. 217]. Возможно, сейчас мы не предполагаем, какие положения Саратовского проекта по прошествии лет станут нормами действующей Конституции Российской Федерации или федерального закона. Он был подготовлен коллективом профессионалов, убедительно прозвучал в отечественной конституционной мысли и содержал сгусток идей о дальнейшем развитии страны. Пожалуй, самое главное наследие Саратовского проекта – образец творческого, неравнодушного отношения его авторов к становлению в России конституционализма.

Список литературы

1. Волков Л. Б. Всплеск русского конституционализма 1990–1993 годы // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 г. г.) в 6 т. (10 кн.); Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 г. г.) / Под общ. ред. О. Г. Румянцева. – М.: Фонд конституционных реформ, 2009. – С. 27–72.
2. Кабышев В. Т. Предисловие // Саратовский проект Конституции России. – М.: Формула права, 2006. – С. 3–8.
3. Кабышев В. Т. Человек и власть: конституционные принципы взаимоотношений // С Конституцией по жизни: избранные научные труды. – М.: Формула права, 2013. – С. 318 с.
4. Маркс К. Временный Устав Товарищества // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Т. 16. – М.: Гос. из-во политической литературы, 1960. – 839 с.
5. Пушкин А. С. К Чаадаеву // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. Стихотворения, 1813–1820. – Л.: Наука Ленингр. отд-ние, 1977. – С. 307.
6. Страшун Б. А. Послесловие // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 г. г.) в 6 т. (10 кн.); Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 г. г.) / Под общ. ред. О. Г. Румянцева. – М.: Фонд конституционных реформ, 2009. – С. 500.
7. Тютчев Ф. И. Нам не дано предугадать... // Тютчев Ф. И. Лирика: В 2 т. Т. 1. / АН СССР. – М.: Наука, 1966. – С. 217.
8. Чернышевский Н. Г. Что делать?: Из рассказов о новых людях. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1985. – 367 с.

References

1. Volkov, L. B. (2009) *Vsplesk russkogo konstitucionalizma 1990–1993 gody* [The surge of Russian constitutionalism 1990–1993]. *Iz istorii sozdaniya Konstitucii Rossijskaj Federacii. Konstitucionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993g.g.)*

v 6 t. (10 kn.); T. 5: *Al'ternativnye proekty Konstitucii Rossijskoj Federacii (1990–1993 g. g.)* [From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993) in 6 volumes (10 books); Vol. 5: Alternative drafts of the Constitution of the Russian Federation (1990–1993)]. Ed. O. G. Romyancev. Moscow: Fond konstitucionnyh reform. Pp. 27–72. (In Russian).

2. Kabyshev, V. T. (2006) Predislovie [Preface]. *Saratovskij proekt Konstitucii Rossii* [Saratov draft of the Constitution of Russia]. Moscow: Formula prava. Pp. 3–8. (In Russian).

3. Kabyshev, V. T. (2013) CHElovek i vlast': konstitucionnye principy vzaimootnoshenij [Man and power: constitutional principles of mutual relations]. *S Konstituciej po zhizni: izbrannye nauchnye* [With the Constitution for life: selected scientific works] Trudy. Moscow. Formula prava. (In Russian).

4. Marks, K. (1960) Vremennyj Ustav Tovarishchestva [Temporary Charter of the Partnership]. *K. Marks i F. Engel's. Sobr. Soch. T. 16* [K. Marx and F. Engels. Collected Works. Vol. 16]. Moscow: Gos. iz-vo politicheskoy literatury. (In Russian).

5. Pushkin, A. S. (1977) K CHaadaevu [To Chaadaev]. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij: V 10 t. T.1. Stihotvoreniya, 1813–1820* [Pushkin A. S. Complete works: In 10 volumes. Vol.1. Poems, 1813–1820]. Leningrad: Nauka Leningr. otd-nie. P. 307. (In Russian).

6. Strashun, B. A. (2009) *Posleslovie. Iz istorii sozdaniya Konstitucii Rossijskoj Federacii. Konstitucionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993g.g.) v 6 t. (10 kn.); T. 5: Al'ternativnye proekty Konstitucii Rossijskoj Federacii (1990–1993 g.)* [Afterword. From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: Transcripts, materials, documents (1990–1993). In 6 volumes (10 books); Vol. 5: Alternative drafts of the Constitution of the Russian Federation (1990–1993)]. Ed. O. G. Romyancev. Moscow: Fond konstitucionnyh reform. P. 500. (In Russian).

7. Tyutchev, F. I. (1966) Nam ne dano predugadat'... [We are not given to predict...]. *Tyutchev F. I. Lirika: V 2 t. T. 1. AN SSSR* [Tyutchev F. I. Lyrics: In 2 vols. Vol. 1. / USSR Academy of Sciences]. Moscow: Nauka. P. 217. (In Russian).

8. Chernyshevskij, N. G. (1985) *CHto delat'?: Iz rasskazov o novyh lyudyah* [What to do?: From stories about new people]. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo. (In Russian).

Об авторе

Мамонов Вадим Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009–0001–8274–5991, e-mail: vadimmamonov2020@yandex.ru

About the author

Vadim V. Mamonov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009–0001–8274–5991, e-mail: vadimmamonov2020@yandex.ru

Поступила в редакцию: 02.04.2024
Принята к публикации: 22.05.2024
Опубликована: 28.06.2024

Received: 02 April 2024
Accepted: 22 May 2024
Published: 28 June 2024

Энергетический суверенитет в рамках системы национальной безопасности Российской Федерации

А. П. Назаров

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В условиях современных геополитических реалий возвращение к таким понятиям, как «суверенитет» рассматривается для нашей страны не как политико-правовая дефиниция, порождающая дискуссии и диспуты в научно-правовой среде, а как «необходимость» для обеспечения социально-экономического развития государства, благополучия граждан, укрепления России на международной арене, иными словами, достижения национальных целей развития и защиты национальных интересов.

Экономическая модель функционирования государства (в основном до 2014 г.) базировалась на добыче и продаже энергоресурсов и энергоносителей, соответственно, бюджет Российской Федерации в большей степени пополнялся за счет нефтегазовых доходов. В последующем были разработаны и реализованы меры, в том числе правового характера, направленные на диверсификацию экономики, так называемый «уход» от нефтегазовой «иглы».

Однако нельзя было отрицать значимость и роль энергетического сектора в вопросах достижения состояния защищенности экономики, что в последующем нашло отражение в незаконных санкциях, введенных недружественными странами в отношении России, в отношении данного сектора.

В данной статье рассмотрены вопросы нормативно-концептуального закрепления дефиниции «энергетический суверенитет» в документах стратегического планирования. Выдвинуты предложения по совершенствованию законодательства в указанной сфере с учетом существующих геополитических условий, действующего незаконного санкционного режима в отношении Российской Федерации, применяемых неконкурентных методов со стороны недружественных стран на международных рынках энергоносителей.

Ключевые слова: энергетический суверенитет, энергетическая безопасность, национальные интересы Российской Федерации в сфере энергетики.

Для цитирования: Назаров А. П. Энергетический суверенитет в рамках системы национальной безопасности Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 42–56. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_42. EDN: PZVPCM

Energy Sovereignty Within the Framework of the National Security System of the Russian Federation

Aslan P. Nazarov

Saint-Petersburg State Economic University,
Saint Petersburg, Russian Federation

In the context of modern geopolitical realities, the return to concepts such as "sovereignty" is considered for our country not as a political and legal definition that generates discussions and debates in the scientific and legal environment, but as a "necessity" to ensure the socio-economic development of the state, the well-being of citizens, strengthening Russia in the international arena, in other words, achieving national development goals and protection of national interests.

The economic model of the functioning of the state (mainly until 2014) was based on the extraction and sale of energy resources and energy carriers, respectively, the budget of the Russian Federation was largely replenished by oil and gas revenues. Subsequently, measures were developed and implemented, including legal ones, aimed at diversifying the economy, the so-called "withdrawal" from the oil and gas "needle".

However, it was impossible to deny the importance and role of the energy sector in achieving a state of economic security, which was subsequently reflected in the illegal sanctions imposed by unfriendly countries against Russia in relation to this sector.

This article examines the issues of normative and conceptual consolidation of the definition of "energy sovereignty" in strategic planning documents, as well as put forward proposals to improve legislation in this area, taking into account existing geopolitical conditions, the current illegal sanctions regime against the Russian Federation, the use of uncompetitive methods by unfriendly countries in international energy markets.

Key words: Energy sovereignty, energy security, national interests of the Russian Federation in the field of energy.

For citation: Nazarov, A. P. (2024) Energetichesky suverenitet v ramkax national' noi sistemy bezopasnosti Rossijskoi Federacii [Energy Sovereignty Within the Framework of the National Security System of the Russian Federation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 2 (76). Pp. 42–56. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_42. EDN: PZVPCM

Введение

Невозможно представить социально-экономическое, политическое и правовое развитие государства без рассмотрения вопросов стратегического планирования, национальной безопасности, суверенитета в качестве неотъемлемой составляющей самостоятельной реализации государственной внутренней и внешней политики.

На первый взгляд, странно вновь возвратиться к обсуждению суверенитета в период двадцать первого века. Однако последнее десятилетие запомнится введенными санкциями в отношении России, затрагивающими экономическую, энергетическую и другие сферы деятельности. В таких условиях особую актуальность обретают вопросы национальной безопасности и суверенитета, в том числе в сфере энергетики.

Нормативно-правовая основа регулирования энергетической безопасности Российской Федерации

Как следует из положений Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ¹ законодатель к документам стратегического планирования относит: ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, стратегию национальной безопасности Российской Федерации.

Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ определяет, устанавливает общие принципы, а также содержание деятельности, направленной на обеспечение безопасности государства².

При этом следует обратить внимание, что в указанном федеральном законе не находит своего закрепления дефиниция «безопасность». Законодатель оставил этот

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СЗ РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I), ст. 3378.

² О безопасности: федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // СЗ РФ. 03.01.2011. № 1, ст. 2.

аспект без должного рассмотрения, которое, полагаем, привело к наличию концептуальных правовых пробелов.

Системное взаимодействие и взаимосвязь двух упомянутых законов обусловило издание подзаконного акта «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия)¹.

Стратегия определяет национальную безопасность Российской как «состояние защищенности» национальных интересов (объективных потребностей личности, общества и государства в безопасности и в устойчивом развитии) от внешних и внутренних угроз.

В данном случае становимся свидетелем первого концептуального пробела, выраженного в отсутствии «главной» дефиниции – «безопасность» в нормативном правовом акте высшей силы, закрепления определения национальной безопасности на уровне подзаконного акта.

Для достижения состояния защищенности требуется концентрация усилий и ресурсов трех основных или «укрупнённых» субъектов (с точки зрения системы безопасности): органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества, направленных на реализацию стратегических национальных приоритетов, одним из которых является **экономическая безопасность** [5, с. 188; 8, с. 1833; 13, с. 59].

Согласно положениям Стратегии экономической безопасности Российской Федерации (далее также – Указ № 208)², разработчик документа стратегического планирования под «экономической безопасностью» понимает состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается экономический суверенитет. Иными словами,

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента от 02.07.2021 № 400 // СЗ РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II), ст. 5351.

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20, ст. 2902.

целью экономической безопасности является суверенитет в экономике.

Соответственно, можно сделать утверждение, что достижение состояния защищенности (безопасности) в экономике без объективно существующей независимости государства в реализации (в проведении) внутренней и внешней экономической политики не представляется возможным [7, с. 129; 11, с. 15; 12, с. 88]. В дальнейшем не раз вернемся к данному тезису.

Продолжим изучение Стратегии, которая рассматривает вопрос энергетической безопасности, технологического развития в сфере энергетики в качестве одной из задач достижения целей обеспечения экономической безопасности.

Следовательно, энергетическая безопасность не учитывается в качестве отдельной категории и воспринимается как составной элемент состояния «защищенности экономики» – экономического суверенитета.

Приведенный нами довод находит свое отражение в Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 13.05.2019 № 216 (далее – Доктрина)¹.

Согласно положениям Доктрины, энергетическая безопасность определяется состоянием «защищенности экономики» и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетике, при котором обеспечивается исполнение требований к топливо- и энергообеспечению потребителей.

Полагаем, что существенным дополнением в дефиниции является акцент на важную социальную роль энергетической безопасности в вопросах обеспечения жизнедеятельности общества.

¹ Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 // СЗ РФ. 20.05.2019. № 20, ст. 2421.

Концептуально-правовые основы «энергетического суверенитета»

Доктрина не формулирует, не закрепляет понятие энергетического суверенитета в качестве правовой категории. Следовательно, по логике разработчика документа стратегического планирования, наличие суверенитета в сфере энергетики не является обязательной конечной целью достижения энергетической безопасности.

Однако позволим себе не согласиться с данной позицией, более того, выдвинуть обратный тезис – обеспечение энергетической безопасности должно быть направлено на достижение «энергетического суверенитета».

В подтверждение выдвинутого тезиса приведем следующие доводы:

1. Как ранее нами указывалось, энергетическая безопасность рассматривается в качестве одной из задач достижения состояния защищенности в экономической сфере, направленного на обеспечение «экономического суверенитета».

Соответственно, разумно предположить, что безопасность в сфере энергетики должна быть направлена на обеспечение энергетического суверенитета как неотъемлемого элемента экономического суверенитета.

2. Вопросы энергетической безопасности Российской Федерации исследовались такими авторами, как С. В. Василькова, Н. Г. Жаворонкова, Ю. Г. Шпаковский, которые акцентируют внимание на необходимости совершенствования системы защиты объектов топливно-энергетического комплекса (ТЭК), и рассматривают энергетическую безопасность как неотъемлемую часть системы национальной безопасности Российской Федерации [2, с. 188; 3, с. 9; 4, с. 72].

Кроме того, С. В. Василькова справедливо и обоснованно указывает на необходимость развития собственных

ИТ-систем и софта (в рамках цифровизации), российских программ в целях обеспечения защиты объектов топливно-энергетического комплекса (ТЭК) от киберугроз, а также совершенствования системы подбора и обучения персонала для охраны объектов ТЭК с нормативным установлением требований к лицам, претендующим на осуществление трудовой, профессиональной деятельности.

Вместе с тем в Доктрине отсутствие собственных ИТ-технологий, отечественных программных продуктов в сфере энергетики не рассматривается в качестве внутренних вызовов или угроз энергетической безопасности или рисков, связанных с ними, а вопросы недостаточной обеспеченности трудовыми ресурсами, в том числе высококвалифицированными кадрами сформулированы пространно, широко и не дают представления, о каких направлениях деятельности в энергетической сфере идет речь.

Полагаем, что рассмотренные вопросы в рамках Доктрины могут быть отнесены к рискам энергетической безопасности, непосредственно затрагивающим внутренние вызовы и угрозы такой безопасности.

Также хотелось бы обратить внимание на еще один аспект, Доктрина подразумевает энергетическую безопасность как самоцель, конечный итог. Иными словами, главное – добиться состояния «защищенности экономики и населения», в рамках которого обеспечивается соблюдение требований к топливно- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательства (ограниченный подход).

Продолжая данную логику, становится закономерной, например, незаинтересованность в разработке, активном внедрении на объектах ТЭК отечественных ИТ-технологий, программ и продуктов в условиях доступного зарубежного рынка «софта» и других программных обеспечений (до 24 февраля 2022 года) или совершенствования

системы отбора и обучения персонала для охраны объектов ТЭК и т. д. [1, с. 21; 6, с. 15; 10, с. 19].

Позволим себе с таким концептуальным решением не согласиться. Нами предлагается более широкий подход, в рамках которого энергетический суверенитет – высшая ступень или планка энергетической безопасности.

Напомним, что в условиях санкционного режима, запрета на поставки в Россию оборудования, технологий, использование неконкурентных методов на международном рынке энергоносителей, установление «потолка цен» на российские энергоносители (фактически распространение национальной юрисдикции на третьи страны вопреки международному праву)¹² становится актуальным вопрос об объективно существующей независимости в проведении государственной политики (внутренней и внешней) в энергетической сфере исходя из национальных интересов (энергетический суверенитет).

Полагаем, что обеспечение энергетической безопасности должно быть направлено на достижение энергетического суверенитета как на конечную цель. Предложенное концептуальное изменение позволит переориентировать деятельность уполномоченных государственных органов, в рамках «целеполагания», на реализацию единой, независимой государственной политики в сфере энергетики для обеспечения экономического суверенитета страны.

Кроме того, введение в правовой оборот дефиниции «энергетический суверенитет» создаст благоприятные условия для устранения негармонизированных и несогласованных между собой положений Стратегии, Указа № 208, Доктрины.

¹ Страны Запада установили потолок цен на российскую нефть. Что это значит. РБК «Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/02/12/2022/637dd9519a7947da0e7dd7b5?ysclid=lw4rpiqzvot869427775> (дата обращения: 01.12.2023).

² Путин: Россия переориентировала поставки нефти на рынки Юга и Востока. Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6267746?ysclid=lw4pkmc06v336780254> (дата обращения: 01.12.2023).

3. В рамках международного форума «Российская энергетическая неделя» 11.10.2023 глава государства обратил внимание на обязательное наличие энергетического суверенитета для защиты национальных интересов в условиях глобальных экономических процессов перехода к «многополярной» модели, обусловленного изменением инвестиционных, торговых и кооперационных связей¹. С точки зрения главы государства, экономика России находится на одном из этапов такой структурной трансформации.

Соответственно, смеем предположить, что энергетический суверенитет не привилегия, а необходимость.

Кроме того, были обозначены, по сути, **четыре** ключевых элемента обеспечения энергетического суверенитета.

Первый. Приоритетное обеспечение национального рынка топливно-энергетическими ресурсами. Следует отметить, акцент поставлен на повышении и стимулировании энергопотребления, что не исключает сам факт удовлетворения текущего спроса. В продолжение данной позиции можно привести пример – реализацию программы «социальной газификации» (которая стала бессрочной), запланированное объединение газотранспортных систем запада и востока (газопровод «Сила Сибири» соединится с газопроводом «Сахалин – Хабаровск – Владивосток»), запланированное строительство газопровода «Сила Сибири 2».

Как отметил президент В. В. Путин, в 2022 г. был зафиксирован рекордный объем энергопотребления, ожидается, что по результатам 2023 г. указанный рекорд будет обновлен².

В рамках реализации первого ключевого элемента подлежат решению вопросы повышения надежности

¹ Выступление Президента Российской Федерации в ходе пленарного заседания международного форума «Российская энергетическая неделя» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72480> (дата обращения: 01.12.2023).

² Там же.

энергоснабжения регионов, обеспечение стабильности и доступности цен на электроэнергию и сырье.

Второй. Создание максимально добавленной стоимости, развитие глубокой переработки нефти и газа¹.

В своем выступлении, президент обратил особое внимание на эффективную реализацию крупных и значимых проектов в нефте- и газохимической отраслях при участии и поддержке государства. Одним из примеров может послужить построенный нефтехимический завод в Тобольске.

Третий. Структурная трансформация топливно- энергетического комплекса России (ТЭК России)². Такая трансформация предполагает достижение технологического суверенитета, финансового и кадрового обеспечения данной отрасли.

Как отметил президент РФ, в стране ведется системная, комплексная и постоянная работа, направленная на создание, использование отечественного оборудования, с последующим совершенствованием такого оборудования, по производству необходимых объемов российской продукции. Напомним, что в рамках процесса импортозамещения были освоены технологии по производству более 140 видов российской продукции (ранее импортируемых в Россию).

Четвертый. Расширение географии экспорта работ, услуг, товаров (продукции) ТЭКа³. По сути, речь идет о выходе на новые рынки, их экономическое освоение и закрепление в странах, готовых к сотрудничеству с Российской Федерацией.

Ранее принятые меры государственной поддержки во взаимодействии

¹ Выступление Президента Российской Федерации в ходе пленарного заседания международного форума «Российская энергетическая неделя» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72480> (дата обращения: 01.12.2023).

² Там же.

³ Там же.

с энергетическими компаниями позволили существенно нарастить флот для транспортировки нефти и нефтепродуктов, разработать и использовать новые механизмы для осуществления платежей, страхования (в том числе, перестрахования грузов). Указанные меры позволили переориентироваться на новые, динамично растущие рынки других регионов мира.

Расширение поставок энергоносителей потребует развития инфраструктуры экспорта энергоносителей.

Так, поставки российской нефти в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Африки и Латинской Америки будут увеличены. Для увеличения поставок нефти в страны АТР за год «Транснефть» нарастила мощность перевалки нефти в порту Козьмино до 42 млн т. К 2026 г. мощности магистральных нефтепроводов планируется расширить на 32 млн т. Запланировано строительство 600 км нефтепроводов, ПАО «НК «Роснефть» подтвердила транспортировку 30 млн т нефти по нефтепроводу «Сковородино – Мохэ» в течение 2023 г. Экспорт трубопроводного газа в текущем году в КНР увеличится до 22 млрд м³ или на 43% [14].

Полагаем, что одновременное наличие четырех ключевых элементов позволит обеспечить достижение энергетического суверенитета как неотъемлемую часть экономического суверенитета.

Заключение

В завершение позволим себе сформулировать дефиницию «энергетический суверенитет», под которым предлагаем понимать объективно существующую независимость в проведении внешней и внутренней государственной политики в энергетической сфере исходя из национальных интересов, с учетом взятых международных обязательств.

Разумеется, введение в правовой оборот такого понятия повлечет за собой необходимость определения и описания национальных интересов в энергетической сфере (плодотворная тема для дальнейших исследований).

Кроме того, представляется целесообразным:

- сформулировать базовое, основное определение «безопасности» с последующим закреплением такой дефиниции в Федеральном законе от 28.12.2010 № 390 – ФЗ;
- сформулировать понятие «энергетический суверенитет» с последующим нормативным закреплением в Доктрине;
- изменить в Доктрине содержание дефиниции «энергетическая безопасность» с учетом необходимости достижения энергетического суверенитета;
- указать в Доктрине отсутствие собственных ИТ-технологий, отечественных программных продуктов в сфере энергетики в качестве внутренних вызовов;
- сформулировать и ввести в правовой оборот понятие «национальные интересы Российской Федерации в сфере энергетики».

Список литературы

1. Анисимова П. С. Анализ развития энергетической отрасли в РФ // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2017. – № 12. – С. 15–22. – EDN: YMTRWI
2. Василькова С. В. Вызовы и угрозы в энергетической сфере и меры по противодействию им // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации: сборник трудов конференции. – 2021. – С. 185–196. – EDN: KQFAGJ
3. Василькова С. В. Правовое обеспечение энергетической безопасности и защиты прав участников энергетических рынков // Ученые записки юридического факультета. – 2021. – № 1. – С. 8–10. – EDN: TSFXWF
4. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Энергетическая безопасность в системе национальной безопасности современной России // Право и безопасность. – 2012. – № 1 (41). – С. 70–75. – EDN: PAIOUH
5. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Новая доктрина энергетической безопасности России: вопросы стратегического планирования // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 4 (55). – С. 187–196. – EDN: NOANLT
6. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Правовое регулирование обеспечения безопасности функционирования топливно – энергетического комплекса Рос-

сии в условиях цифровой экономики // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 1 (11). – С. 13–20. – EDN: OENSRO

7. Гадзацев К. В. Вызовы и угрозы энергетической безопасности России // Век глобализации. – 2020. – № 1. – С. 126–134. – EDN: MJPHIU

8. Егина Н. А. Энергетическая безопасность как стратегический приоритет национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2022. – Том 18, № 10 (415). – С. 1828–1856. – EDN: JBFUPK

9. Елкина О. С. Внутренние угрозы энергетической безопасности и пути их нейтрализации // Теоретическая экономика. – 2021. – № 10 (82). – С. 56–70. – EDN: UBVJRB

10. Ефремов И. А. Безопасность объектов топливно-энергетического комплекса должны обеспечивать профессионалы // Безопасность бизнеса. – 2016. – № 4. – С. 18–22. – EDN: WWHAIF

11. Клочков В. В., Данилин М. Н. Анализ влияния новых технологий в энергетике на экономику России в долгосрочной перспективе // Национальные приоритеты: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 46. С. 13–28. – EDN: ERHKTW

12. Кондраков О. В. Механизм обеспечения экономической безопасности в энергетической сфере // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – Т. 12, № 8 (341). – С. 86–99. – EDN: WISVJV

13. Кононов Л. А. Роль официальных документов: концепций, доктрин и стратегий в политическом управлении Российской Федерации // Право и современные государства. – 2017. – № 2. – С. 55–66. EDN: ZUCSYF

14. Новак А. В. Энергетическая политика России: разворот на Восток // Энергетическая политика [Электронный ресурс]. URL: <https://energypolicy.ru/energeticheskaya-politika-rossii-razvorot-na-vostok/business/2023/14/08/?ysclid=lw-4pe3h4x774613237> (дата обращения: 01.12.2023).

15. Трифонов П. В., Кебадзе Е. А. Анализ киберугроз и перспективы информационной безопасности для бизнеса в России // Безопасность бизнеса. – 2018. – № 4. – С. 35–39. – EDN: XRRJCX

References

1. Anisimova, P. S. (2017) Analiz razvitiya energeticheskoy otрасli v RF [Analysis of the development of the energy industry in the Russian Federation]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika – Economics and Business: theory and practice*. No. 12. Pp. 15–22. (In Russian). EDN: YMTRWI

2. Vasilkova, S. V. (2021) Vyzovy i ugrozy v energeticheskoy sfere i mery po protivodejstviyu im [Challenges and threats in the energy sector and measures to counter them]. *Prognoziruemye vyzovy i ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i napravleniya ih neitralizacii* [Projected challenges and threats to the national security of the Russian Federation and directions for their neutralization]. Proceedings of the conference. Pp. 185–196. (In Russian). EDN: KQFAGJ

3. Vasilkova, S. V. (2021) Pravovoe obespechenie energeticheskoy bezopasnosti i zashchity prav uchastnikov energeticheskikh rynkov [Legal provision of energy security and protection of the rights of participants in energy markets]. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta – Academic notes of the Faculty of Law*. No. 1. Pp. 8–10. (In Russian). EDN: TSFXWF

4. Zhavoronkova, N. G., Shpakovsky, Yu. G. (2012) Energeticheskaya bezopasnost' v sisteme nacional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii [Energy security in the national security system of modern Russia]. *Pravo i bezopasnost' – Law and security*. No. 1 (41). Pp. 70–75. (In Russian). EDN: PAIOUH

5. Zhavoronkova, N. G., Shpakovsky, Yu. G. (2019) Novaya doktrina energeticheskoy bezopasnosti Rossii: voprosy strategicheskogo planirovaniya [The new doctrine of Russia's energy security: issues of strategic planning]. *Problemy nacional'noj strategii – Problems of the national strategy*. No. 4 (55). Pp. 187–196. (In Russian). EDN: NOANLT
6. Zhavoronkova, N. G., Shpakovsky, Yu. G. (2021) Pravovoe regulirovanie obespecheniya bezopasnosti funkcionirovaniya toplivno – energeticheskogo kompleksa Rossii v usloviyah cifrovoj ekonomiki [Legal regulation of ensuring the safety of the functioning of the fuel and energy complex of Russia in the digital economy]. *Pravo i cifrovaya ekonomika – Law and the digital economy*. No. 1 (11). Pp. 13–20. (In Russian). EDN: OENSRO
7. Gadzatsev, K. V. (2020) Vyzovy i ugrozy energeticheskoy bezopasnosti Rossii [Challenges and threats to Russia's energy security]. *Vek globalizatsii – The age of globalization*. No. 1. Pp. 126–134. (In Russian). EDN: MJPHIU
8. Egina, N. A. (2022) Energeticheskaya bezopasnost' kak strategicheskij prioritet nacional'noj bezopasnosti [Energy security as a strategic priority of national security]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' – National interests: priorities and security*. Volume 18, No. 10 (415). Pp. 1828–1856. (In Russian). EDN: JBFUPK
9. Elkina, O. S. (2021) Vnutrennie ugrozy energeticheskoy bezopasnosti i puti ih neytralizatsii [Internal threats to energy security and ways to neutralize them]. *Teoreticheskaya ekonomika – Theoretical economics*. No. 10 (82). Pp. 56–70. (In Russian). EDN: UBVJRB
10. Efremov, I. A. (2016) Bezopasnost' ob"ektov toplivno-energeticheskogo kompleksa dolzhny obespechivat' professionaly [The safety of fuel and energy complex facilities should be ensured by professionals]. *Bezopasnost' biznesa – Business security*. No. 4. Pp. 18–22. (In Russian). EDN: WWHAIF
11. Klochkov, V. V., Danilin, M. N. (2015) Mekhanizm obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti v energeticheskoy sfere [Analysis of the impact of new technologies in the energy sector on the Russian economy in the long term]. *Nacional'nye priority: priority i bezopasnost' – National priorities: priorities and security*. No. 46. Pp. 13–28. (In Russian). EDN: ERHKTW
12. Kondrakov, O. V. (2016) Mekhanizm obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti v energeticheskoy sfere [The mechanism of ensuring economic security in the energy sector]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' – National interests: priorities and security*. Vol. 12. No. 8 (341). Pp. 86–99. (In Russian). EDN: WISVJV
13. Kononov, L. A. (2017) Rol' oficial'nyh dokumentov: koncepcij, doktrin i strategij v politicheskom upravlenii Rossijskoj Federatsii [The role of official documents: concepts, doctrines and strategies in the political management of the Russian Federation]. *Pravo i sovremennye gosudarstva – Law and modern states*. No. 2. Pp. 55–66. (In Russian). EDN: ZUCSYF
14. Novak, A. V. (2023) Energeticheskaya politika Rossii: razvorot na Vostok [Energy policy of Russia: a turn to the East]. *Energeticheskaya politika – Energy policy*. Available at: <https://energypolicy.ru/energeticheskaya-politika-rossii-razvorot-na-vostok/business/2023/14/08/?ysclid=lw4pe3h4x774613237> (accessed 12 January 2023). (In Russian).
15. Trifonov, P. V., Kebabze, E. A. (2019) Analiz kiberugroz i perspektivy informacionnoj bezopasnosti dlya biznesa v Rossii [Analysis of cyber threats and prospects of information security for business in Russia]. *Bezopasnost' biznesa – Business security*. No. 4. Pp. 35–39. (In Russian). EDN: XRRJCX

Об авторах

Назаров Аслан Пахливанович, ассистент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-0566-1467, e-mail: apnazar@yandex.ru.

About the authors

Aslan P. Nazarov, Assistant, Saint-Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0006-0566-1467, e-mail: apnazar@yandex.ru.

*Поступила в редакцию: 16.04.2024
Принята к публикации: 08.05.2024
Опубликована: 28.06.2024*

*Received: 16 April 2024
Accepted: 08 May 2024
Published: 28 June 2024*

Институт юридической ответственности в системе конституционного правопонимания

М. Р. Ромашова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируется институт юридической ответственности как форма правового состояния, в рамках которого физические и юридические лица обязаны претерпевать и претерпевают негативные последствия совершения ими активных (действий) и пассивных (бездействий) противоправных деяний.

В контексте конституционного правопонимания институт юридической ответственности предлагается рассматривать в качестве структурно-функционального элемента механизма применения конституции, представляющей в данном контексте универсальное средство регулятивно-охранительного воздействия – нормативный правовой акт высшей юридической силы и прямого действия.

Исследуется институт конституционной ответственности в виде досрочного отстранения от должности представителей публичной власти. Делается вывод о том, что данный институт носит комплексный характер, предполагающий либо межотраслевой (отстранение от должности президента в рамках процедуры импичмента), либо этико-правовой (отстранение от должности на основании «утраты доверия», «совершения поступка, порочащего честь и достоинство») характер.

Ключевые слова: юридическая ответственность, конституционная ответственность, наказание, конституционное правопонимание, представитель публичной власти, импичмент, утрата доверия.

Для цитирования: Ромашова М. Р. Институт юридической ответственности в системе конституционного правопонимания // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 57–72. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_57. EDN: QHEHNF

Institute of Legal Responsibility in The System of Constitutional Legal Understanding

Maria R. Pomashova

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The institution of legal liability is analyzed as a form of legal state within which individuals and legal entities are obliged to endure and are undergoing the negative consequences of committing active (actions) and passive (inactions) illegal acts.

In the context of constitutional legal understanding, the institution of legal responsibility is proposed to be considered as a structural and functional element of the mechanism for applying the constitution, which in this context represents a universal means of regulatory and protective influence - a normative legal act of the highest legal force and direct action.

The institution of constitutional responsibility in the form of early removal from office of representatives of public authority is studied. It is concluded that this institution is complex in nature, involving either intersectoral (removal of the president from office as part of the impeachment procedure) or ethical and legal (removal from office on the basis of "loss of trust", "committing an act discrediting honor and dignity") character.

Key words: legal responsibility, constitutional responsibility, punishment, constitutional legal understanding, representative of public authority, impeachment, loss of trust.

For citation: Romashova, M. R. (2024) Institut yuridicheskoy otvetstvennosti v sisteme konstitucionnogo pravoponimaniya [Institute of Legal Responsibility in the System of Constitutional Legal Understanding]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (76). Pp. 57–72. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_57. EDN: QHEHNF

Введение

Юридическая ответственность в качестве межотраслевого правового института традиционно привлекает к себе внимание ученых, специализирующихся в областях как общетеоретических, так и отраслевых, и прикладных правовых исследований [1, с. 106–108; 3, с. 190–191; 4, с. 57–62; 7, с. 26–33; 10, с. 9–21 и др.]. При этом, несмотря на обилие публикаций, все они могут быть условно объединены в три предметные группы: связанные с пониманием юридической ответственности как таковой, нормативным закреплением видов и мер юридической ответственности в санкциях отраслевых поведенческих норм, применением юридической ответственности.

В контексте общетеоретического понимания юридической ответственности основное внимание уделяется формулированию «универсальной» (применимой ко всем отраслям права и законодательства) дефиниции, а также продолжающейся вплоть до настоящего времени дискуссии о соотношении ретроспективной (негативной) и перспективной (позитивной) ответственности субъектов.

Проблема нормативного закрепления (санкционирования) юридической ответственности рассматривается в основном применительно к разграничению понятий «юридическая ответственность», «наказание», «меры принудительного правообеспечения», «иные меры принудительного характера».

Что касается применения юридической ответственности, то здесь, как правило, основные дискуссии сводятся к выяснению юридико-технических особенностей, обусловленных отраслевой спецификой регулятивно-охранительного воздействия [6, с. 37–45], а также атрибутами, связанными с разграничением публичного и частного права [9, с. 468–472].

Предметом предлагаемой статьи являются общетеоретическая конструкция юридической ответственности, адаптированная к современному российскому конституционному правопониманию, а также особенности санкционирования конституционной ответственности и ее применения применительно к отдельным категориям представителей публичной власти (действующему президенту РФ, президенту РФ, прекратившему исполнение полномочий, высшему должностному лицу субъекта РФ).

В качестве основного целеполагания выступает формирование теоретико-праксиологической модели конституционной ответственности как структурно-функционального элемента механизма применения конституции. При этом конституция выступает в качестве нормативного правового акта (закона), наделенного как общими (формальность, нормативность, государственная гарантированность и санкционированность), так и специальными (высшая юридическая сила, прямое действие, особый порядок применения) признаками.

Достижение поставленной цели потребовало от нас решения ряда научных задач, основными среди которых являются:

- осуществление общетеоретического и системного анализа понятия «юридическая ответственность»;
- адаптация теоретической конструкции юридической ответственности к современному конституционному правопониманию;
- изучение особенностей нормативного закрепления юридической ответственности субъектов конституционно-правовых отношений, а также юридической техники применения конституционной ответственности в отношении отдельных категорий представителей публичной власти.

Юридическая ответственность как общетеоретическая категория

Как было отмечено, общетеоретический анализ юридической ответственности сводится к многочисленным попыткам формулирования ее дефиниции [12, с. 16–22; 11, с. 153–155 и др.], а также к столь же многочисленным спорам относительно соотношения ретроспективного и перспективного действия ответственности как средства публичного (объективного) либо частного (субъективного) правоограничения [5, с. 10–12; 8, с. 117–120; 2, с. 47–50 и др.].

Относительно подходов к общетеоретическому пониманию юридической ответственности следует сказать, что все они, безусловно отличаясь по предлагаемым формулировкам, едины в следующих характерных признаках:

- юридическая ответственность представляет собой форму субъективной обязанности, предполагающей претерпевание субъектом определенного негативного воздействия (наказания) со стороны лица, установившего вид и меру такого наказания и гарантирующего возможность его применения;

- вид и мера наказания закрепляются в негативных (карательных) санкциях норм права;

- основанием применения юридической ответственности является факт совершения субъектом-адресатом деяния, квалифицируемого в качестве правонарушения.

Что касается разграничения ретроспективной и перспективной юридической ответственности. По нашему мнению, дискуссия в данной области связана с различным пониманием категории «юридическая обязанность».

Те, кто полагают, что обязанность «отвечать» возникает у субъекта только после того, как он совершил то, по поводу чего, собственно говоря, предстоит «давать ответ», считают юридическую ответственность институтом ретроспективного действия и считают, что ее наступление

обусловлено двумя обстоятельствами: объективным – закрепление вида и меры ответственности в санкции нормы права и субъективным – совершения правосубъектным лицом деяния, за которое ответственность предусмотрена.

Сторонники теории перспективной ответственности полагают, что обязанность «отвечать» возникает у субъекта сразу после вступления в юридически значимое взаимодействие с другим лицом, независимо от последствий такого взаимодействия, которые могут с равной вероятностью быть как правомерными, так и противоправными. Полагая описанный спор между апологетами представленных теоретических концепций юридической ответственности практически неразрешимым, а значит вечным, в дальнейшем будем придерживаться ретроспективного подхода, в соответствии с которым юридическая ответственность является следствием правонарушения.

Конституционная ответственность как системный элемент современного российского конституционного правопонимания на этапе его становления

Конституционное правопонимание представляет собой способ восприятия и оценки конституции на уровне индивидуального, группового, общественного (национального) правосознания [14, с. 41–44]. С учетом выделения в структуре правосознания двух базовых компонентов: юридической психологии и юридической идеологии, необходимо дифференцировать психологическое и идеологическое понимание конституции, а это, в свою очередь, предполагает различие в подходах к пониманию конституционной ответственности.

Психологическое представление о конституции в современной России может с определенной долей

условности быть названо «конституционной малограмотностью». По данным социологического опроса, проведенному ВЦИОМ в 2018 г., выяснилось, что только 6 % респондентов посчитали, что они хорошо знают Конституцию, 23 % из числа участников опроса признались, что никогда не держали ее в руках и незнакомы со структурой и содержанием этого документа¹. Естественно, что при таком подходе говорить о сколько-нибудь конструктивном отношении к конституции как к средству правового регулирования и правовой ответственности можно лишь в плане весьма отдаленной желательной перспективы.

Идеологическое понимание конституции связано с представлением о ней как о некоей правовой форме «высшего порядка», гарантом которой выступает действующий глава государства – президент РФ, а интерпретатором «конституционного духа» является Конституционный суд РФ. В качестве субъектов, определяющих идеологическую составляющую конституционного правопонимания, выступают конкретные персоналии – граждане, занимающие соответствующие должности и наделенные определенными прерогативами в области понимания конституции и практического применения конституционных норм.

При этом, как показывает история современного российского конституционализма, персональные изменения, касающиеся лица занимающего высшую государственную должность, оказывают определяющее влияние как на конституционное правопонимание в целом, так и на место в его системе института конституционной ответственности. В качестве примера можно назвать ситуацию, сложившуюся в октябре 1993 г., когда своими

¹ ВЦИОМ: только 6 % россиян хорошо знают Конституцию [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/207345/> (дата обращения: 10.02.2024).

указами «гарант Конституции» президент РФ Б. Н. Ельцин прекратил деятельность Съезда народных депутатов РФ (в соответствии с действовавшей на тот период Конституцией), являвшегося высшим органом государственной власти, и Верховного Совета России¹, а также приостановил деятельность Конституционного суда РФ², тем самым фактически сосредоточив в своих руках абсолютную государственную власть.

Указанные примеры следует рассматривать как в контексте конституционного правопонимания, так и в связи с конституционной ответственностью. В указе «О поэтапной конституционной реформе» отмечалось, что Верховный Совет и Съезд народных депутатов РФ, попытались узурпировать государственную власть, а также определялось, что деятельность названных органов не соответствует парламентским стандартам качества. В качестве меры коллективной ответственности президент РФ постановил: «Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации»³. В свою очередь Конституционный суд РФ в своем заключении от 21 сентября 1993 г. признал неконституционным вышеназванный указ президента, посчитав данное решение «основанием для отрешения президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности...»⁴. В качестве ответной меры, как уже было отмечено ранее прези-

¹ О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21.09.1993 г. № 1400.

² О Конституционном Суде Российской Федерации: указ Президента РФ от 7 октября 1993 г. № 1612.

³ О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21.09.1993 г. № 1400.

⁴ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года.

дент приостановил деятельность Конституционного суда, обвинив последний в том, что он «из органа конституционного правосудия превратился в орудие политической борьбы, представляющее исключительную опасность для государства»¹. Таким образом, каждый из перечисленных субъектов в своих решениях ссылался на Конституцию, обвиняя противоположную сторону в антиконституционных действиях. В конечном итоге «силу права» победило «право силы», и дальнейшее развитие конституционной реформы проходило в контексте «указного права» действующего главы государства.

Конституционная ответственность представителей публичной власти: понятие, основания, юридическая техника

Прежде чем приступить к рассмотрению конституционной ответственности представителей публичной власти, следует определиться с общими понятиями. В сфере конституционно-правового регулирования отраслевая ответственность возникает у субъектов, вовлеченных в публично-правовые отношения, связанные с осуществлением властных полномочий. К числу таких субъектов относятся президент, председатель правительства, правительство, Государственная дума, высшие должностные лица субъектов федерации, законодательные органы субъектов федерации и др.

В качестве оснований конституционной ответственности представителей публичной власти следует выделить факторы как компетентностного, так и этического характера. В качестве компетентностных оснований выступают негативно оцениваемые деяния, связанные с осуществлением определенных правомочий (компетенций). К примеру, ст. 111 Конституции РФ, регламенти-

¹ О Конституционном Суде Российской Федерации: указ Президента РФ от 7 октября 1993 г. № 1612.

рует порядок назначения председателя правительства, путем утверждения представленной президентом РФ кандидатуры депутатами Государственной думы. В случае трехкратного отклонения парламентариями представленной кандидатуры, президент вправе распустить Государственную думу и назначить досрочные выборы. В приведенном примере роспуск Государственной думы, является мерой конституционной ответственности, основанием которой являются компетентностные издержки работы депутатского корпуса, следствием чего может стать дестабилизация политической и экономической обстановки в стране.

К этическим основаниям конституционной ответственности следует отнести «утрату доверия» со стороны президента РФ [15, с. 14–17]. При этом в качестве инициаторов применения данного вида ответственности может выступать как непосредственно глава государства, так и представительные органы публичной власти, обладающие правом высказывания недоверия, однако не наделенные правомочием, связанным с применением конституционной ответственности по данному основанию. Примером конституционной ответственности представителя публичной власти в связи с недоверием президента является досрочное прекращение полномочий мэра Москвы Ю. М. Лужкова¹. Еще одним примером конституционной ответственности является отставка правительства в связи с высказанным депутатами Государственной думы недоверием. Особенностью в данном случае является тот факт, что в качестве субъекта, выражающего вотум недоверия, выступает представительный орган законодательной власти, однако окончательное решение принимает президент, который может либо поддержать

¹ О досрочном прекращении полномочий мэра Москвы: указ Президента Российской Федерации от 28.09.2010 г. № 1183.

депутатский корпус и отправить правительство в отставку, тем самым подтвердив утрату правительством доверия, «либо не согласиться с решением Государственной Думы. В случае если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие правительству Российской Федерации, Президент Российской Федерации объявляет об отставке Правительства Российской Федерации либо распускает Государственную Думу и назначает новые выборы» (ст. 117 Конституции РФ). Во втором случае конституционная ответственность приобретает альтернативный характер и может быть применена, в зависимости от усмотрения главы государства как к правительству, так и к Государственной думе.

В отношении представителей федерального судейского корпуса в качестве этического основания конституционной ответственности в виде отрешения от должности выступает «совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи» (ст. 102 Конституции РФ).

Самостоятельным видом конституционной ответственности выступает ответственность президента РФ, а также президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий. При этом для действующего президента ответственность выражается в досрочном прекращении полномочий, а для бывшего Президента – в лишении его неприкосновенности. В обоих случаях в качестве основания ответственности Конституция определяет «выдвинутое Государственной Думой обвинение в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденное заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации, как действующего, так и прекратившего исполнение своих полномочий, признаков преступления и заключением Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении

установленного порядка выдвижения обвинения» (ст. 95 Конституции РФ). Получается, что в качестве основания конституционной ответственности выступает обвинительная презумпция из области уголовного права [13, с. 17–22]. Причем выдвижение обвинения осуществляет государственный орган, не обладающий подобного рода компетенцией в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом. Кроме того, непонятно, влечет ли досрочное прекращение полномочий президента автоматическое лишение его неприкосновенности с последующим привлечением к уголовной ответственности.

Перечисленные особенности конституционной ответственности позволяют констатировать, что данный институт находится в состоянии становления. При этом вплоть до настоящего времени не удалось достичь единства во взглядах как на теоретическую модель конституционной ответственности, так и на ее субъектный состав и содержание.

Заключение

Юридическая ответственность представляет собой форму правового состояния, в рамках которого физические и юридические лица обязаны претерпевать и претерпевают негативные последствия совершения ими активных (действий) и пассивных (бездействий) противоправных деяний. В таком понимании юридическая ответственность включает динамическую (процесс реализации) и статическую (результат) составляющие.

Современное российское конституционное правосознание основывается на конституционном правосознании, системными элементами которого выступают конституционная психология и конституционная идеология. Конституционная психология характеризует ценностное восприятие конституции на индивидуальном психологи-

ческом уровне. Конституционная идеология представлена официальной конституционной доктриной, основными акторами которой являются действующий президент РФ (гарант Конституции) и Конституционный суд РФ (интерпретатор Конституции).

В контексте современного российского конституционного правопонимания конституционная ответственность представляет собой обязанность субъектов конституционно-правовых отношений подвергнуться негативному воздействию со стороны компетентных органов и должностных лиц публичной власти. Мы предлагаем дифференцировать компетентностные и этические основания конституционной ответственности.

Особое место в системе конституционной ответственности занимает ответственность действующего президента РФ и президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий. Отмечается, что несмотря на различные виды конституционной ответственности (для действующего президента – отрешение от должности, для президента, прекратившего исполнение своих полномочий – лишение неприкосновенности), законодателем предусмотрены одинаковые основания для ее реализации. При этом проблемой, по нашему мнению является то, что в качестве основания конституционной ответственности выступает презумпция совершения президентом (бывшим президентом) преступного деяния, закрепленного в качестве такового уголовным законом. Кроме того, нуждается в разрешении «компетентностная» коллизия, возникающая между конституционными нормами, закрепляющими право Государственной думы выдвигать обвинение в совершении преступления, и уголовно-процессуальными нормами, определяющими перечень государственных органов и должностных лиц, наделенных правом выдвижения обвинения

и не относящих Государственную думу к числу субъектов уголовного процесса.

Список литературы

1. Байбатыров М. Б., Иналкаева К. С. Современное понимание сущности юридической ответственности // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1 (229). – С. 106–108. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_106. – EDN: IUWDEZ
2. Бортников С. П. Проспективная и ретроспективная ответственность // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 54. – С. 47–50. – EDN: PVFDTV
3. Бычкова Т. С. К вопросу о современном понимании юридической ответственности // Бизнес в законе. – 2008. – № 1. – С. 190–191. – EDN: JWSITN
4. Бытко С. Ю. Единообразное понимание понятия "уголовная ответственность" как проявление правовой культуры // Правовая культура. – 2015. – № 4 (23). – С. 57–62. – EDN: VFXYSX
5. Горбунов А. Е. О соотношении дефиниций "государственное принуждение" и "ретроспективная юридическая ответственность" // Научный поиск. – 2017. – № 2.1. – С. 10–12. – EDN: YUAYZV
6. Жариков Ю. Г. О применении юридической ответственности за экологические правонарушения // Журнал российского права. – 2010. – № 7(163). – С. 37–45. – EDN: NDLXOZ
7. Коблева М. М., Лусегенова З. С. Актуальная методология понимания административной ответственности // Мировой судья. – 2022. – № 12. – С. 26–33. – DOI: 10.18572/2072-4152-2022-12-26-33. – EDN: SGYDZH
8. Маркин А. В. Перспективность ретроспективной юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 3. – С. 117–120. – EDN: PFWWJL
9. Останкова Е. В. Частное и публичное право. Соотношение и взаимодействие частного и публичного права в системе права России // Вестник науки. – 2023. – Т. 2, № 6 (63). – С. 468–472. – EDN: HQRGZH
10. Очуренко, С. В., Ротань В. Г. Понятие и виды ответственности в гражданском праве России, // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 8 (201). – С. 9–21. – DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.009-021. – EDN: UISXHA
11. Погодина, Н. А., Пашкевич Я. Г. К вопросу о понятии "юридическая ответственность" // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 3. – С. 153–155. – EDN: PFWWPF
12. Поцелуев Е. Л., Горбунов А. Е. О дефиниции "юридическая ответственность" // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 16–22. – DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-1-16-22. – EDN: XQYPUD
13. Трофимова Г. А. Основания конституционно-правовой ответственности Президента РФ // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 1. – С. 17–22. – EDN: NDFMMJ
14. Юн, Л. В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства // Ученые записки Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия". – 2023. – Т. 19. – С. 41–44. – EDN: PMWNWS
15. Якубенко Д. Э. Утрата доверия Президента РФ за ненадлежащее исполнение своих обязанностей: конституционно-правовая ответственность главы

субъекта РФ // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 2. – С. 14–17. – DOI: 10.18572/1813-1247-2022-2-14-17. – EDN: SZOVEW.

References

1. Baibatyrov, M. B., Inalkaeva, K. S. (2024) Sovremennoe ponimanie sushchnosti yuridicheskoy otvetstvennosti [Modern understanding of the essence of legal responsibility]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and the State: theory and practice*. No. 1. (229). Pp. 106–108. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_1_106. (In Russian). EDN: IUWDEZ
2. Bortnikov, S. P. (2012) Prospektivnaya i retrospektivnaya otvetstvennost' [Prospective and retrospective responsibility]. *Voprosy ekonomiki i prava – Questions of economics and law*. No. 54. Pp. 47–50. (In Russian). EDN: PVFDTV
3. Bychkova, T. S. (2008) K voprosu o sovremennom ponimanii yuridicheskoy otvetstvennosti [On the question of the modern understanding of legal responsibility]. *Biznes v zakone – Business in law*. No. 1. Pp. 190–191. (In Russian). EDN: JWSITN
4. Bytko, S. Y. (2015) Edinobraznoe ponimanie ponyatiya "ugolovnaya otvetstvennost'" kak proyavlenie pravovoy kultury [Uniform understanding of the concept of "criminal liability" as a manifestation of legal culture]. *Pravovaya kul'tura – Legal culture*. No. 4 (23). Pp. 57–62. (In Russian). EDN: VFXYSX
5. Gorbunov, A. E. (2017) O sootnoshenii definicij "gosudarstvennoe prinuzhdenie" i "retrospektivnaya yuridicheskaya otvetstvennost'" [On the correlation of definitions of "state coercion" and "retrospective legal responsibility"]. *Nauchnyj poisk – Scientific search*. No. 2.1. Pp. 10–12. (In Russian). EDN: YUAYZV
6. Zharikov, Yu. G. (2010) O primenenii yuridicheskoy otvetstvennosti za ekologicheskie pravonarusheniya [On the application of legal liability for environmental offenses]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 7 (163). Pp. 37–45. (In Russian). EDN: NDLXOZ
7. Kobleva, M. M., Lusegenova, Z. S. (2022) Aktual'naya metodologiya ponimaniya administrativnoj otvetstvennosti [Actual methodology of understanding administrative responsibility]. *Mirovoj sud'ya – Justice of the Peace*. No. 12. Pp. 26–33. (In Russian). DOI: 10.18572/2072-4152-2022-12-26-33. EDN: SGYDZH
8. Markin, A. V. (2010) Perspektivnost' retrospektivnoj yuridicheskoy otvetstvennosti [The prospects of retrospective legal responsibility]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki – Vector of science of Tolyatti State University. Series: Legal Sciences*. No. 3. Pp. 117–120. (In Russian). EDN: PFWWJL
9. Ostankova, E. V. (2023) Chastnoe i publichnoe pravo. Sootnoshenie i vzaimodejstvie chastnogo i publichnogo prava v sisteme prava Rossii [Private and public law. Correlation and interaction of private and public law in the Russian legal system]. *Vestnik nauki – Bulletin of Science*. Vol. 2. No. 6 (63). Pp. 468–472. (In Russian). EDN: HQRGZH
10. Ochurenko, S. V., Rotan', V. G. (2023) Ponyatie i vidy otvetstvennosti v grazhdanskom prave Rossii [The concept and types of responsibility in the civil law of Russia]. *Lex Russica (Russkij zakon) – Lex Russica (Russian law)*. Vol. 76. No. 8(201). Pp. 9–21. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.009-021. EDN: UISXHA
11. Pogodina, N. A., Pashkevich, Ja. G. (2010) K voprosu o ponyatii "yuridicheskaya otvetstvennost'" [On the question of the concept of "legal responsibility"]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki – Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Legal Sciences*. No. 3. Pp. 153–155. (In Russian). EDN: PFWWPF
12. Poceluev, E. L., Gorbunov, A. E. (2018) O definicii "yuridicheskaya otvetstvennost'" [On the definition of "legal responsibility"]. *Yuridicheskij vestnik Samar-*

skogo universiteta – Legal Bulletin of Samara University. Vol. 4. No. 1. Pp. 16–22.
DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-1-16-22. (In Russian). EDN: XQYPUD

13. Trofimova, G. A. (2011) Osnovaniya konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti Prezidenta RF [Bases of constitutional and legal responsibility of the President of the Russian Federation]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and municipal law*. No. 1. Pp. 17–22. (In Russian). EDN: NDFMMJ

14. Yun, L. V. (2023) Konstitucionnoe pravoponimanie kak vazhnyj element konstitucionnogo sudoproizvodstva [Constitutional legal understanding as an important element of constitutional judicial proceedings]. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala "Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya" – Scientific notes of the Kazan branch of the Russian State University of Justice*. Vol. 19. Pp. 41–44. (In Russian). EDN: PMWNWS

15. Yakubenko, D. E. (2022) Utrata doveriya Prezidenta RF za nenadlezhashchee ispolnenie svoih obyazannostej: konstitucionno-pravovaya otvetstvennost' glavy sub-"ekta RF [Loss of confidence of the President of the Russian Federation for improper performance of his duties: constitutional and legal responsibility of the head of the subject of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State power and local self-government*. No. 2. Pp. 14–17. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-2-14-17. (In Russian). EDN: SZOVEW

Об авторе

Ромашова Мария Романовна, соискатель, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009–0003–0504–5822, e-mail: 7029807@mail.ru.

About the author

Maria R. Romashova, Candidate, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009–0003–0504–5822, e-mail: 7029807@mail.ru

Поступила в редакцию: 12.04.2024
Принята к публикации: 23.05.2024
Опубликована: 28.06.2024

Received: 12 April 2024
Accepted: 23 May 2024
Published: 28 June 2024

Правовая природа параллельного импорта в Российской Федерации: вызовы и практическая реализация

К. А. Уваркин, Л. Ю. Свистунова, Ю. А. Свистунов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Интеллектуальная собственность – это комплексный институт, регулирующий общественные отношения по поводу создания и использования результатов интеллектуальной деятельности, а также приравненных к ним средств индивидуализации. В свою очередь, право на данную собственность означает, что все третьи лица не имеют права ее использовать без разрешения правообладателя. Такой подход гарантирует, что только владелец исключительного права может распоряжаться своей интеллектуальной собственностью, реализуя её коммерческий потенциал. Запрет на использование без согласия правообладателя поддерживает экономическую ценность интеллектуальной собственности, обеспечивая её защиту и эксклюзивное использование. В тоже время существуют результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которые, помимо традиционного правомочного «использования», обладают возможностью, указанной в законе на «иное введение в гражданский оборот». Это введение возможно посредством исчерпания прав, например на товарный знак через механизм параллельного импорта. Однако на сегодняшний день, существуют взгляды, что параллельный импорт не функционирует в полной мере из-за ограниченности объектов его применения, а также, что данный механизм потенциально может принести больше негативных, чем положительных аспектов. Этим обусловлена актуальность настоящей темы.

Ключевые слова: параллельный импорт, таможенно-правовое регулирование, анализ, совершенствование, административное регулирование.

Для цитирования: Уваркин К. А., Свистунова Л. Ю., Свистунов Ю. А. Правовая природа параллельного импорта в Российской Федерации: вызовы и практическая реализация // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 73–88. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_73. EDN: NYDTYG

The Legal Nature of Parallel Imports in the Russian Federation: Challenges and Practical Implementation

Konstantin A. Uvarkin, Ludmila J. Svistunova, Yuri A. Svistunov

Saint-Petersburg State Economic University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Intellectual property is a comprehensive institution that regulates public relations regarding the creation and use of the results of intellectual activity, as well as equated means of individualization. In turn, the right to this property means that all third parties do not have the right to use the protected property without the permission of the copyright holder. This approach ensures that only the owner of the exclusive right can dispose of his intellectual property, realizing its commercial potential. The prohibition of use without the consent of the copyright holder supports the economic value of intellectual property, ensuring its protection and exclusive use. At the same time, there are results of intellectual activity and means of individualization, which, in addition to the traditional legitimate "use", have the opportunity specified in the law for "other introduction into civil circulation". This introduction is possible through the exhaustion of rights, for example, to a trademark through a parallel import mechanism. However, to date, there are views that parallel import does not function fully due to the limited scope of its application, and also that this mechanism can potentially bring more negative than positive aspects. This is the reason for the relevance of this topic.

Key words: parallel import, customs and legal regulation, analysis, improvement, administrative regulation.

For citation: Uvarkin, K. A., Svistunova, L. J., Svistunov, Yu. A. (2024) Pravovaja priroda paralelnogo importa v rossijskoj federacii: vyzovy i praktičeskaja realizacija [The Legal Nature of Parallel Imports in the Russian Federation: Challenges and Practical Implementation]. *Leningradskij juridičeskij žurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (76). Pp. 73–88. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_73. EDN: NYDTYG

Введение

Актуальность указанной темы состоит в том, что данный механизм долгое время являлся правонарушением по отечественному законодательству и лишь крайне редкие прецеденты избегали санкций при его использовании. Однако в 2022 г. из-за сложной внешнеполитической обстановки параллельный импорт стал легален. Если быть точным, то частично легальным, так как ряд товаров разрешено ввозить параллельным импортом, без опасения получения за это санкций. Считаем, что необходимо дать оценку роли параллельного импорта с момента частичной легализации в Российской Федерации и разработке потенциального пути к совершенствованию данного механизма.

Стоит оценить актуальность и достоверность данных суждений и понять, имеют ли они место в современных реалиях, или же параллельный импорт уже полностью соответствует текущим требованиям нашей страны.

Развитие современного общества под влиянием глобализации, и в частности международных торговых отношений, привели к формированию крупных транснациональных компаний, которые в свою очередь могут поглощать целые рыночные сферы. В то время, когда даже крупные (в рамках государства) компании могут закрыть лишь часть потребностей населения ввиду большого различия в таких аспектах, как ценовая доступность, вкусовые предпочтения, технические особенности, международные компании будут выпускать широкий спектр продукции ориентированной сразу на всех. Это ведёт к повышению ассортимента национальных рынков, соответственно к неравным возможностям для покупателей из разных стран [2, с. 47].

Примером подобных неравных возможностей выступают так называемые «региональные цены». Данный

термин можно трактовать, как территориальную дифференцированную цену, которая отражает ситуацию экономико-географических условий на стоимости конечного товара [4, с. 49]. Международные компании, чтобы иметь возможность конкурировать на национальном рынке и получать прибыль, могут оптимизировать свои расходы на производстве того или иного товара в конкретном регионе или сделать ставку на количество проданного товара, а не стоимость за одну единицу, т. е. выставить оптимальную цену для конкретного товара для каждого национального рынка. Ярким примером подобного можно выделить ценовую политику мировых ИТ-компаний, которые для получения популярности и прибыли выставляют более низкие цены на конечный продукт в таких странах, как Турция, Аргентина, Казахстан. Также примером неравных возможностей можно назвать то, что товар международной компании может быть недоступен на том или ином рынке в связи с рядом причин [3, с. 398].

Данные условия привели к существованию такого явления, как параллельный импорт. Для получения недоступного или более дешёвого товара лица закупают его на зарубежных рынках с целью использовать и (или) реализовать на национальном рынке.

Понятие и сущность параллельного импорта

Как уже было обозначено, отсутствие единого регламентированного подхода к регулированию данного явления привело к тому, что некоторые компании запрещали ввоз продукции, которая имеет их товарный знак или ограничивали, ссылаясь на материальные отличия, а некоторые из-за возможности монополистического регулирования ценовой политики завышали цену.

Попытка получения товара нужного качества и по нужной цене в рамках гражданского оборота своей стороны – в этом заключается сущность и необходимость параллельного импорта, так как при подобных ситуациях покупателям оставалась только переплачивать за один и тот же товар. Помимо автомобильной отрасли, это было наиболее распространённо в фармацевтической [1, с. 23].

Параллельный импорт, который, несмотря на свою уже долгую историю, как в рамках международного, так и нашего национального законодательства не имеет своего легального определения. Более того, на это не повлияло даже принятое правительством РФ решение, которое позволяет частично легализовать данное явление¹.

Параллельный импорт – это импортированный и введённый в гражданский оборот товар, который защищён товарным знаком, без получения разрешения правообладателя данной интеллектуальной собственности². До 29 марта 2022 г. это было запрещено, основываясь на ст. 1487 Гражданского кодекса РФ. Опираясь на данную статью, мы можем считать, что обладатель товарного знака обладает уникальным, исключительным правом на его реализацию любыми методами, которые не противоречат закону. Также это касается вопросов по разрешению или запрету использования данного товарного знака. В ситуации, когда лицо, которое не обладает правом или полномочиями ввозить товар, защищённый товарным знаком, на территорию государства и вводить его в гражданский оборот, то данные действия рассматривались как нарушение, посягающее на права владельца товарного знака.

¹ О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы: постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2022 г. № 506 (ред. от 28.06.2023).

² Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994 г.) [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 29.04.2024).

Соответственно, товар, который был ввезён таким образом, признавался контрафактным, а лицо, осуществившее импорт, подлежало к применению санкций.

Правовое регулирование параллельного импорта в России: до 2022 г. и в наши дни

Параллельный импорт в зависимости от политики страны в его отношении может восприниматься совершенно различно. Это касается и нашей страны, в частности, когда-то параллельный импорт считался практически полностью нелегальным, а продукция, которая ввозилась данным образом, считалась контрафактной, т. е. товаром, который включает в себя произведение интеллектуальной деятельности или используемые для отличия товаров и услуг способы идентификации, и которые производятся, распространяются, используются, импортируются, транспортируются или хранятся вопреки ключевым условиям соглашения о передаче эксклюзивных прав на подобные действия с стороны правообладателя, что нарушает его исключительные права и признаётся правонарушением [10, с. 74]. В данный же момент данные действия имеют полностью легальный характер при соблюдении некоторых условий. Так как мы видим в современных условиях некую двойственность в подходе рассмотрения понятия «параллельного импорта», считаем необходимым рассмотреть его, основываясь на ретроспективе позиции законодателя до марта 2022 г. и в настоящее время [7, с. 47].

Начнём с позиции до частичной легализации параллельного импорта.

Разберём ситуацию, когда данное действие уже являлось правонарушением, то есть с момента введения товара в гражданский оборот. Основываясь на п. 1 ст. 129 ГК РФ, можем судить, что под понятием гражданского

оборота будет пониматься передача, наследование или переход по иным причинам между субъектами гражданских прав объекта права.

В ст. 1484 ГК РФ находится неисчерпывающий список методов того, как товар может поступать в оборот. Упомянуты следующие варианты:

- изготовление(производство) товара;
- выставление на продажу;
- непосредственная продажа;
- демонстрация в специально отведённых местах или иным способом.

Соответственно, можем сделать вывод о том, что под введением в гражданский оборот может быть не только непосредственная передача права, но и производство.

Аналогичного мнения придерживается и Г. Н. Черничина, которая утверждает, что переход права собственности не является самодостаточным, необходимо ещё наличие возмездной основы для этого [15, с. 268].

Приведём также позицию Конституционного суда Российской Федерации: «Ввод товара в гражданский оборот будет считаться моментом подачи таможенной декларации, которой этот товар был заявлен и допущен к обращению в соответствии с таможенными режимами Российской Федерации»¹.

Также необходимо рассмотреть ситуацию, когда данный товар не предполагалось реализовывать, а он был ввезён для исключительно личного использования. В соответствии со ст. 1273 ГК РФ предусмотрена возможность для законного воспроизведения обнародованного произведения для личных нужд без требования обращения

¹ По делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 1252, ст. 1487 и пп. 1, 2 и 4 ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»: постановление Конституционного суда РФ от 13.02.2018 г. № 8-П // СЗ РФ. 2018. 26 февраля.

к автору или иным правообладателям, а также без выплаты за это вознаграждения. Более того, абз. 5 ст. 1359 ГК РФ определяет использование патентов изобретений, полезных моделей или промышленных образцов для удовлетворения личных потребностей, не связанных с коммерческой деятельностью.

Однако в гл. 76 ГК РФ, которая касается средств индивидуализации, подобное положение отсутствует. В данном случае предполагается, что личное использование имеет сильные отличительные особенности, главная из которых – неосуществление попытки ввода в гражданский оборот.

Помимо личного использования, под параллельный импорт не будут попадать и случаи, когда было получено официальное разрешение от правообладателя товарного знака. Таким является лицензионный договор о предоставлении права на использование товарного знака. Его регламентирует ст. 1489 ГК РФ, положения которой свидетельствуют о том, что заключается соглашение, с одной стороны, лицом, обладающим исключительным правом на товарный знак (лицензиар), которое предоставляет в данный момент или обязуется предоставить в будущем другой стороне (лицензиару) право использования товарного знака в определённых пределах, с указанием или без территории, где разрешено пользоваться данным товарным знаком, а также с указанием или без на какую часть товаров данного товарного знака это распространяется.

Соответственно, мы видим, что только единичные исключения не были рассмотрены как нарушение закона, однако, как мы видим, данные ситуации также возникали, поэтому на основании этого в связи со сложной геополитической обстановкой были осуществлены изменения в законодательстве, которые нас отсылают к современной трактовке.

Перейдём к рассмотрению современной позиции нашего законодательства к параллельного импорту.

Предпосылкой к этому служила возможность в рамках законодательства Евразийского экономического союза, по которому допускается частичная легализация параллельного импорта, а именно по его нормативно-правовым положениям допускается использование товарного знака не только самим владельцем, но и сторонами, которые обладают соответствующими правами на основе лицензионного договора о предоставлении права на использование товарного знака или другими лицами, действующими под управлением и контролем владельца товарного знака¹.

Под параллельным импортом в настоящее время понимается официальный легализованный ввоз продукции из зарубежных стран, при условии наличия товарного знака правообладателя. Этот товар не является подделкой или контрафактом, так как изготовлен законным производителем по официальным стандартам и имеет все необходимые документы и разрешения. Данная категория неразрывна переплетена с принципом исчерпания права или «доктриной первой продажи». Это определяет возможность свободного распространения товаров с маркировкой уже после того, как она законно поступила в реализацию со стороны правообладателя или его представителя.

Обращаясь к международному законодательству, можно выделить несколько режима, применимых к принципу исчерпания права:

- национальный;
- региональный;
- международный.

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения 09.04.2024).

Национальный режим будет наиболее выгодным для правообладателя товарного знака, и он наиболее распространён, основываясь на мировой практике [9, с. 108]. В соответствии с данным принципом, уже после того, как продукция законно поступает в оборот, обладая официальной маркировкой в установленных пределах внутри страны, у правообладателя теряется возможность каким-либо образом влиять и ограничивать дальнейшую продажу. Это также применимо и для нашего законодательства и имеет отражение в ст. 1487 ГК РФ, что и было, в частности, использовано для легализации параллельного импорта в нашей стране.

Региональный режим уже в свою очередь не позволяет владельцу авторских прав влиять на дальнейшее распространение маркированных товарным знаком изделия после их выпуска для массового потребления. Основным моментом при использовании регионального режима является обязательное соблюдение территориальных ограничений, которые определяются правообладателем [11, с. 20].

Международный режим будет являться наименее выгодным и предпочтительным из всех вышеупомянутых. Согласно нему, если товар был допущен до гражданского оборота в какой-то из стран, то правообладатель сразу же теряет возможность влиять на его распространение по всему миру, в том числе и ограничивать [8, с. 127].

Соответственно для нашей страны, как мы уже упомянули ранее, наиболее предпочтителен национальный режим, а также существует ситуация ограничения импорта товаров из-за санкций с стороны ряда стран. В связи с этим, чтобы смягчить негативный эффект от санкций, было утверждено постановлением правительства¹.

¹ О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы: постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2022 г. № 506 (ред. от 28.06.2023).

В соответствии с данным законодательным актом на ряд категорий товаров применяется вышеупомянутый нами принцип исчерпания права. Однако поступление товаров параллельным импортом не освобождает от полного соответствия с установленными нормами контроля, поэтому предоставляются все необходимые документы и сертификаты, а также уплачиваются таможенные пошлины, налог на добавочную стоимость, другие необходимые сборы. Точный перечень необходимых документов и размер уплачиваемых платежей будет зависеть от конкретной специфики товара и классификации его по коду товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, мы можем видеть самое главное отличие между легальным и нелегальным импортом. Пока соблюдается все необходимые процедуры в строгом соответствии с регламентом, данные действия будут благом, если же этого не осуществлять, то данный импорт будет невозможен и, более того, поступят санкции, как минимум со стороны правообладателя.

Заключение

О параллельном импорте как «ином способе введения в гражданский оборот» до сих пор ведутся бурные дискуссии, как в российском, так и зарубежном юридическом обществе [14, с. 104]. Несмотря на отсутствие официального закрепления определения параллельного импорта, его механизм остаётся довольно схожим у всех стран, которые его применяют, хоть и с некоторыми особенностями [5, с. 54].

Легализация параллельного импорта – ситуация, которая случилась не только из-за внешнеэкономического давления, но и в отсутствии возможности прямых закупок непосредственно у правообладателя торгового знака,

предпосылки к этому были уже давно [13, с. 89]. Например, Конституционный суд РФ в своём постановлении от 13.02.2018 г. № 8-П указывал о том, что возможность использовать параллельный импорт была ещё задолго до официальной легализации данных действий, но только для ряда товаров, которые имеют жизненно важное значение, т. е. лекарственных средств, оборудования для медицинских учреждений¹.

Однако до 2022 г. чаще всего было распространены ситуации, когда Арбитражный суд признавал данные действия незаконными.

Примером может послужить постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2021 г. № 05АП-4215/2021 по делу № А51-15768/2020, в котором официальный представитель «Хендэ Мотор Компании» запретил ввоз товара, который поступил на таможенную территорию посредством параллельного импорта, имеющего торговый знак, на который они являются правообладателями².

Что же касается текущих дней, то частичная легализация параллельного импорта привела к активному интересу с стороны отечественных предпринимателей [6, с. 23].

В 2023 г. глава Федеральной таможенной службы Владимир Булавин заявил, что за 2022 г. в Российскую Федерацию было ввезено 2,4 млн т товаров, которые в совокупности составляют сумму, превышающие 20 млрд долл. США и прогнозировал увеличение данного значения до общей суммы в более 40 млрд долл. за 2023 г. Однако исходя из данных Федеральной таможенной служ-

¹ По делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 1252 ст. 1487 и пп. 1, 2 и 4 ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»: постановление Конституционного суда РФ от 13.02.2018 г. № 8-П // СЗ РФ. 2018. 26 февраля.

² Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2021 г. № 05АП-4215/2021 по делу № А51-15768/2020.

бы, этого не произошло. Более того, импорт сократился на 2,3 млрд долларов¹.

Это свидетельствует для нас прежде всего о том, что со стороны правительства Российской Федерации был принят грамотный комплекс мер, поддерживающий в том числе и отечественного производителя, который позволяет грамотно отвечать на все существующие вызовы для экономики нашей страны [12, с. 10]. Если бы необходимость в его расширении существовала, то мы бы имели тенденцию к росту импорта, однако мы видели, что он не только не возрос, но даже несколько снизился. Это говорит о том, что механизмы импортозамещения также выполняют свой функционал в достаточной мере и не приводят к беспорядочному сваливанию в неконтролируемый импорт зарубежной продукции на данный момент.

В дальнейшем полагаем необходимым закрепление параллельного импорта в отдельном законе, что позволит сформировать отношения, когда параллельный импорт, пусть и допускается, но строго в определённых рамках и с максимальной защитой для отечественного производителя.

Список литературы

1. Авдашева С. Интеллектуальная собственность и развитие общества: время прагматики. – М.: Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонд «Сколково»), 2013. – 230 с.
2. Азжеурова М. В. Сущность и роль международной торговли в экономике страны // Наука и образование. – 2022. – № 2. – С. 47–55.
3. Алиев О. М. Международная торговля в эпоху глобализации // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 7. – С. 398–399.
4. Архипов В. Л. Классификация цен и их виды, система цен в экономике Российской Федерации // Военный инженер. – 2016. – № 1. – С. 49–53.

¹ Официальный сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения 09.04.2024).

5. Бабанов А. Б. Перспективы использования параллельного импорта в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 1. – С. 54–60.
6. Гуменюк В. П. Административно-правовое регулирование параллельного импорта в условиях санкций // Юридическая наука. – 2023. – № 6. – С. 23–28.
7. Еременко В. И. Принцип исчерпания права на товарный знак и проблемы параллельного импорта // Законодательство и экономика. – 2013. – № 1. – С. 47–48.
8. Иванов Н. В. Исчерпание исключительного права на товарный знак и параллельный импорт // Закон. – 2019. – С. 127–137.
9. Карпухин М. А. Тенденции применения механизма параллельного импорта в Российской Федерации в 2021 году // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 47. – С. 107–119.
10. Маслова И. С. Понятие контрафакта в российском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 5. – С. 74–76.
11. Пирогова В. В. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт: монография. – М.: Статут, 2008. – 155 с.
12. Серегин Д. И. Параллельный импорт: казнить нельзя помиловать // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2018. – № 5. – С. 9–15.
13. Старженецкий В. В. Параллельный импорт в Российской Федерации: дифференциация или эрозия ответственности за нарушение исключительных прав? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 7. – С. 89–97.
14. Хусаинов Р. И. Оттенки серого: тенденции в спорах о параллельном импорте // Хозяйство и право. – 2019. – № 1. – С. 103–109.
15. Черничкина Г. Н. К вопросу о понятии «иное введение в гражданский оборот» продуктов и товаров, содержащих охраняемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6. – С. 268–271.

References

1. Avdasheva, S. (2013) *Intellektual`naya sobstvennost` i razvitie obshchestva: vremya pragmatiki* [Intellectual property and development of society: the time of pragmatics]. Moscow: Foundation for the Development of the Center for the Development and Commercialization of new Technologies (Skolkovo Foundation). (In Russian).
2. Azzheurova, M. V. (2022) *Sushchnost` i rol` mezhdunarodnoj trgovli v e`konomike strany`* [The essence and role of international trade in the country's economy]. *Nauka i obrazovanie – Science and education*. No. 2. Pp. 47–55. (In Russian).
3. Aliyev, O. M. (2019) *Mezhdunarodnaya trgovlya v e`poxu globalizatsii* [International trade in the era of globalization]. *Evrazijskiy yuridicheskij zhurnal – Eurasian Law Journal*. No. 7. Pp. 398–399. (In Russian).
4. Arkhipov, V. L. (2016) *Klassifikatsiya cen i ix vidy`, sistema cen v e`konomike Rossijskoj Federatsii* [Classification of prices and their types, the price system in the economy of the Russian Federation]. *Voenny`j inzhener – Military engineer*. No. 1. Pp. 49–53. (In Russian).
5. Babanov, A. B. (2023) *Perspektivy` ispol`zovaniya parallel`nogo importa v Rossijskoj Federatsii* [Prospects for the use of parallel imports in the Russian Federation]. *Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie. Ucheny`e zapiski – State and municipal administration. Scientific notes*. No. 1. Pp. 54–60. (In Russian).
6. Gumenyuk, V. P. (2023) *Administrativno-pravovoe regulirovanie parallel`nogo importa v usloviyax sankcij* [Administrative and legal regulation of parallel imports under sanctions]. *Yuridicheskaya nauka – Legal science*. No. 6. Pp. 23–28. (In Russian).

7. Eremenko, V. I. (2013) Princip ischerpaniya prava na tovarny`j znak i problemy` parallel`nogo importa [The principle of exhaustion of trademark rights and problems of parallel import]. *Zakonodatel`stvo i e`konomika – Legislation and economics*. No. 1. Pp. 47–48. (In Russian).

8. Ivanov, N. V. (2019) Ischerpanie isklyuchitel`nogo prava na tovarny`j znak i parallel`ny`j import [Exhaustion of the exclusive right to a trademark and parallel import]. *Zakon – Law*. Pp. 127–137. (In Russian).

9. Karpukhin, M. A. (2021) Tendencii primeneniya mexanizma parallel`nogo importa v Rossijskoj Federacii v 2021 godu [Trends in the application of the parallel import mechanism in the Russian Federation in 2021]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie – Innovations. Science. Education*. No. 47. Pp. 107–119. (In Russian).

10. Maslova, I. S. (2018) Ponyatie kontrafakta v rossijskom zakonodatel`stve [The concept of counterfeit in Russian legislation]. *Probely` v rossijskom zakonodatel`stve – Gaps in Russian legislation*. No. 5. Pp. 74–76. (In Russian).

11. Pirogova, V. V. (2008) *Ischerpanie isklyuchitel`ny`x prav i parallel`ny`j import: monografiya* [Exhaustion of exclusive rights and parallel import: monograph]. Moscow: Statut. (In Russian).

12. Seregin, D. I. (2018) Parallel`ny`j import: kaznit` nel`zya pomilovat` [Parallel import: execution cannot be pardoned]. *Patenty` i licenzii. Intellektual`ny`e prava – Patents and licenses. Intellectual property rights*. No. 5. Pp. 9–15. (In Russian).

13. Starzhenetsky, V. V. (2018) Parallel`ny`j import v Rossijskoj Federacii: differenciaciya ili e`roziya otvetstvennosti za narushenie isklyuchitel`ny`x prav? [Parallel import in the Russian Federation: differentiation or erosion of responsibility for violation of exclusive rights?]. *Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii – Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. No. 7. Pp. 89–97. (In Russian).

14. Khusainov, R. I. (2019) Ottenki serogo: tendencii v sporax o parallel`nom importe [Shades of grey: trends in disputes over parallel imports]. *Xozyajstvo i pravo – Economy and law*. No. 1. Pp. 103–109. (In Russian).

15. Chernichkina, G. N. (2023) K voprosu o ponyatii «inoe vvedenie v grazhdanskij oborot» produktov i tovarov, sodержashhix oxranyaemy`j rezul`tat intellektual`noj deyatel`nosti ili sredstvo individualizacii [On the issue of the concept of "other introduction into civil circulation" of products and goods containing a protected result of intellectual activity or a means of individualization]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and government: theory and practice*. No. 6. Pp. 268–271. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
35/35/30 %

Об авторах

Уваркин Константин Андреевич, бакалавр, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009–0001–5508–4235, e-mail: uvarkin-kostya@mail.ru

Свистунова Людмила Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0001–7864–7566, e-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Свистунов Юрий Андреевич, магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009–0003–0155–1015, e-mail: svistunovyuri99@gmail.com

About the authors

Konstantin A. Uvarkin, Bachelor, Saint-Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009–0001–5508–4235, e-mail: uvarkin-kostya@mail.ru

Lyudmila J. Svistunova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Saint-Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0001–7864–7566, e-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Yuri A. Svistunov, Master's student, Saint-Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009–0003–0155–1015, e-mail: svistunovyuri99@gmail.com

Поступила в редакцию: 11.04.2024

Принята к публикации: 30.05.2024

Опубликована: 28.06.2024

Received: 11 April 2024

Accepted: 30 May 2024

Published: 28 June 2024

Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в условиях современного развития цифровых технологий

Р. Б. Булатов

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся защиты прав и свобод человека и гражданина в эпоху цифровизации. Проанализированы нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность органов публичной власти, связанную с использованием цифровых технологий. Сформулированы проблемы законодательного закрепления положений, касающихся использования цифровых технологий, а также возникающих при их правоприменении. Отмечается, что среди органов публичной власти, защищающих права и свободы граждан, реализуются процессы цифровой трансформации, которые имеют положительные черты, однако формируют новые проблемы, требующие решения. Дана оценка деятельности прокуратуры РФ, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и органов муниципальной власти в сфере цифровизации их деятельности. Предложены рекомендации по внесению изменений в некоторые законодательные акты и организацию деятельности органов публичной власти.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, цифровизация, цифровая трансформация, прокуратура РФ, Уполномоченный по правам человека, органы муниципальной власти, публичная власть, обращения граждан, цифровые технологии.

Для цитирования: Булатов Р. Б. Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в условиях современного развития цифровых технологий // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 89–102. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_89. EDN: LHZBAT

Protection of Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation in the Context of Modern Development of Digital Technologies

Rashid B. Bulatov

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article discusses issues related to the protection of human and civil rights and freedoms in the era of digitalization. The normative legal acts regulating the activities of public authorities related to the use of digital technologies are analyzed. The problems of legislative consolidation of the provisions governing the use of digital technologies, as well as those arising from their enforcement, are formulated. It is noted that among the public authorities protecting the rights and freedoms of citizens, digital transformation processes are being implemented, which have positive features, but form new problems that need to be solved. The assessment of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and municipal authorities in the field of digitalization of their activities is given. In conclusion, the study offers recommendations on making changes to some legislative acts and the organization of activities of public authorities.

Key words: human and civil rights and freedoms, digitalization, digital transformation, Prosecutor's Office of the Russian Federation, Commissioner for Human Rights, municipal authorities, public authorities, citizens' appeals, digital technologies.

For citation: Bulatov, R. B. (2024) Zashhita prav i svobod cheloveka i grazhdani-na v Rossijskoj Federacii v uslovijah sovremennogo razvitija cifrovih tehnologij [Protection of Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation in the Context of Modern Development of Digital Technologies]. *Lenin-gradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 2 (76), Pp. 89–102. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_89. EDN: LHZBAT

Введение

На сегодняшний день цифровые технологии используются при оказании практически любых государственных и муниципальных услуг. Они постепенно проникают во все сферы жизнедеятельности общества и становятся ключевым инструментом защиты прав и свобод человека и гражданина в процессе взаимодействия органов публичной власти и населения. Действительно, цифровые технологии позволяют увеличить темпы, а в некоторых случаях за счет снижения нагрузки на государственных и муниципальных служащих даже повышают качество оказываемой помощи населению органами публичной власти. Однако такая стремительная цифровизация поднимает ряд проблем, в том числе в области нормативно-правового регулирования и правоприменения [1, 2, 3, 4].

Законодательство Российской Федерации не поспевает за всеми цифровыми внедрениями, это порождает такую тенденцию, как рост цифровых преступлений в нашей стране. Среди таких преступлений особенно выделяются мошенничество с использованием электронного банковского приложения; кражи персональных данных из электронных хранилищ; нецелевое использование профиля на Госуслугах.

Современные методы защиты прав и свобод человека и гражданина органами публичной власти с использованием цифровых технологий

В 2012 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации¹ были внесены ст. 159.3 (ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа) и ст. 159.6 (ответственность за мошенничество в сфе-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

ре компьютерной информации). Эти положения стали правовой основой для борьбы с преступлениями, в которых инструментом для его совершения являются цифровые технологии. Однако преступники с каждым годом придумывают новые, более изощрённые способы нарушения законодательства, порой правоприменители находятся в замешательстве, так как нормативно-правовое регулирование некоторых преступлений в законодательстве присутствует лишь косвенно. Так, например, использование чужого профиля на Госуслугах не регулируется напрямую законодательством. Ответственность предусмотрена лишь за кражу персональных данных, а также за совершение каких-либо финансовых операций с их использованием.

Также на законодательном уровне не урегулированы деятельность проекта «Госуслуги» и порядок предоставления ими услуг в электронном виде. Основным до сих пор остается Федеральный закон № 210-ФЗ¹, в котором закреплены положения, регулирующие порядок организации деятельности многофункциональных центров и использование средств цифровизации при оказании государственных и муниципальных услуг, а про электронную систему «Госуслуги» не упоминается. В законе отмечены общие положения работы многофункциональных центров, которые нуждаются в уточнении. В связи с этим нами предлагается разработать и принять правовые акты, которые регулировали бы деятельность каждого учреждения или проекта (например, «Госуслуги») отдельно, в расширенном виде, с учетом тех проблем, которые существуют при оказании государственных или муниципальных услуг с использованием цифровых технологий.

¹ Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // СЗ РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4179.

Права и свободы человека и гражданина в нашей стране, согласно Конституции РФ¹, признаны высшей ценностью, и их защита является приоритетным направлением деятельности государства. В России эта обязанность возложена на органы публичной власти. Среди ключевых из них следует выделить: прокуратуру РФ; институт Уполномоченного по правам человека, в том числе специализированные уполномоченные; органы муниципальной власти. Все они осуществляют свою деятельность на соответствующем уровне: федеральном, региональном и местном [5, с. 193; 6, с. 130].

В системе прокуратуры Российской Федерации находятся Генеральная прокуратура РФ, прокуратуры субъектов, а также территориальные органы прокуратуры. Среди функций прокуратуры следует выделить решение вопросов граждан по обращениям. Согласно Приказу Генеральной прокуратуры РФ № 627² в органах прокуратуры введены ведомственные электронные базы, в которых содержатся различные данные по обращениям, проведенным проверкам, вынесенным прокурорским, судебным решениям и т. д. Статистические данные заносятся в государственную автоматизированную систему правовой статистики (ГАС ПС), прокурорами по результатам своей деятельности.

Также в органах прокуратуры разработана единая система регистрации и работы с обращениями граждан. Создан единый портал прокуратуры (ЕПП), через который люди могут обратиться в органы прокуратуры в дистанционном формате, оформив обращение на сайте прокуратуры. Вторым цифровым способом направления

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008, № 7ФКЗ, от 05.02.2014, № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.

² Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14.09.2017. № 627

обращения является единый портал предоставления государственных услуг (ЕППГУ), через него пользователи, которые имеют профиль на Госуслугах, могут зайти в электронное приложение «Госуслуги» и отправить свое обращение в органы прокуратуры, после чего оно переадресуется по назначению в территориальный орган прокуратуры и будет рассмотрено в соответствии с Федеральным законом № 59-ФЗ¹ в тридцатидневный срок.

Однако существуют некоторые проблемы, которые возникают при использовании этих систем, например, сотрудники прокуратуры вынуждены оформлять не только бумажные варианты надзорных производств, заполняя огромное количество документов, но и вносить все это в электронные системы. При этом они ограничены законодателем сроками, в которые зачастую просто невозможно успеть. Ко всему прочему, коммуникация путем цифровых систем зачастую может давать сбои, и граждане, подавшие свои обращения в электронном виде, вынуждены ожидать, когда система будет исправна. Соответственно, сроки, предоставляемые прокурору для проведения прокурорской проверки по обращению гражданина, продлеваются. Однако такое основание, как «неисправность цифровых систем подачи обращений», в законе не предусмотрено, что также является упущением законодателя.

В современном мире, где цифровые технологии играют всё более значимую роль в повседневной жизни людей, вопросы защиты прав и свобод в цифровом пространстве становятся особенно актуальными [7, с. 58; 8, с. 63]. Отчет за 2021 г., подготовленный Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации Татьяной Москальковой, поднимает эти важнейшие темы, осве-

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // СЗ РФ. 08.05.2006. № 19. Ст. 2060.

щая прогресс и вызовы в этой сфере¹. Особое внимание в документе уделяется тому, как цифровизация влияет на базовые права и свободы граждан.

Т. М. Москалькова подчеркивает значительное влияние цифровизации на обеспечение и защиту прав человека. Внедрение цифровых технологий открывает новые возможности для участия граждан в управлении государством, доступа к труду, образованию, свободе самовыражения и многому другому. Доступ к Интернету и цифровым технологиям, как отмечается в докладе, превращается в одно из ключевых прав современного человека, наравне с традиционными правами и свободами.

В докладе федерального омбудсмена Т. Москальковой освещается, как цифровая среда становится местом реализации многих прав граждан, обеспечивая доступ к информации, образовательным ресурсам и платформам для общения². Это подчеркивает необходимость разработки и совершенствования механизмов защиты данных прав в условиях всеобщей цифровизации.

В заключительной части доклада изложены выводы и предложения о том, как улучшить защиту прав человека в цифровой эпохе. Подчеркивается, что, несмотря на все достижения, перед государством стоят задачи по дальнейшему развитию и адаптации законодательства к быстроменяющимся условиям цифровой среды. Развитие цифровых технологий открывает новые горизонты для обеспечения и защиты прав и свобод граждан, однако требуется одновременно уделять особое внимание правовому регулированию этих процессов для предотвра-

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Татьяны Москальковой за 2021 год // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/54763/> (дата обращения: 10.02.2023).

² Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/14493f2b-4975-49d0-86dd-c9ac917436fe/0447a931-4bc9-4ce6-ae92-b32f8d741412.pdf> (дата обращения: 10.02.2023).

щения злоупотреблений и нарушений. Несмотря на все блага, которые приносит прогресс, существуют и его темные стороны. Манипуляции в Сети, ограничение личного пространства, создание условий цифрового неравенства и повышенные угрозы для личной безопасности – все это стало неотъемлемой частью современного мира.

По нашему мнению, в этой связи значительно возрастает роль таких институтов, как омбудсмен, призванных не только содействовать защите прав человека, но и адаптировать существующий механизм защиты к условиям новой цифровой эпохи. Приспособление к таким условиям и предоставление эффективной защиты в рамках цифровой реальности – задача, стоящая перед современными защитниками прав человека.

Таким образом, обеспечение безопасности и защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровую эпоху становится еще более важным направлением деятельности государства. Изменения, происходящие в обществе под влиянием цифровизации, приводят к изменению характера и содержания обращений граждан. Стремительное увеличение числа жалоб, связанных с нарушениями прав человека, которые имеют прямое или опосредованное отношение к процессам цифровизации, требует особого внимания и актуализации подходов в работе омбудсмена [9, 10, 11].

В частности, рост подобных обращений отражает проблемы, затрагивающие основные права и свободы граждан. Среди ключевых вопросов, поступающих на рассмотрение, преобладают такие жалобы, как нарушение конфиденциальности персональных данных, проблемы доступности государственных услуг через цифровые платформы, необоснованная блокировка контента в социальных сетях, ограничения доступа к интернет-ресурсам, разнообразные формы киберпреступлений,

а также распространение нежелательной или вредоносной информации онлайн.

Для эффективного ответа на эти вызовы институт омбудсмена должен не только реагировать на поступающие жалобы, но и активно работать над предупреждением нарушений, в том числе через просветительскую деятельность и сотрудничество со специалистами в области компьютерных технологий для совершенствования цифровой инфраструктуры и законодательства в этой сфере. Отслеживание тенденций и анализ данных по жалобам помогут выявлять системные проблемы и разрабатывать меры по их предотвращению.

Принимая во внимание все вышеупомянутые аспекты, необходимо подчеркнуть, что «цифровая трансформация» работы института омбудсмена является не просто актуальной задачей, но и неотложной нуждой. Только через обновление подходов к работе, внедрение новых технологий и методов анализа можно обеспечить должную защиту прав и свобод в цифровую эпоху. Это будет способствовать не только разрешению текущих проблем, но и предотвращению потенциальных угроз в будущем, укрепляя доверие общества к институту и усиливая его роль в защите прав граждан.

Деятельность органов муниципальной власти также подверглась цифровизации и на сегодня продолжает совершенствовать подходы к осуществлению местного самоуправления в эпоху цифровых технологий. Оказание муниципальных услуг удаленно способствует оперативному решению вопросов местного значения и реализации прав и свобод населения муниципального образования [12, с. 32–33; 13, с. 325]. Вследствие принятия Федерального закона № 83-ФЗ¹ органы муниципальной

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования организации местного самоуправления: федер. закон от 18 апреля 2018 г. № 83-ФЗ // СЗ РФ. 23.04.2018. № 17. Ст. 2432.

власти стали официально публиковать муниципальные акты в сети Интернет, что повысило открытость деятельности муниципальных органов и укрепило доверии со стороны населения к ним. Также это способствует повышению уровня правовой культуры среди граждан муниципального образования, что оказывает положительное воздействие на развитие Российской Федерации как правового государства.

В деятельности органов муниципальной власти, подобно органам прокуратуры, организована возможность подачи электронных обращений граждан [14, с. 54]. Считаем, что это является важнейшим элементом реализации правозащитной функции органов муниципальной власти, а цифровой подход позволяет оперативно реагировать на проблемы населения муниципального образования, что в свою очередь позволяет говорить о их правовой защищенности.

Однако существуют некоторые проблемы, связанные с реализацией цифрового подхода в некоторых муниципальных образованиях. Так, например, на отдельных территориях (сельских поселениях, горные районы) отсутствует возможность подключения этих систем. Более того, представители муниципальной власти в таких регионах зачастую не обладают необходимыми навыками компьютерной грамотности и не могут предоставлять муниципальные услуги в цифровом виде.

В этой связи предлагается организовать единую систему методического обеспечения муниципальных служащих по вопросам цифровой грамотности и работы с цифровыми технологиями при осуществлении своих полномочий. Необходимо учесть специфику муниципалитетов, их территориальную принадлежность. Также необходимо обеспечить малоразвитые в цифровой среде регионы кадрами, которые обеспечили бы подготовку сотрудников на местах.

Цифровое развитие органов публичной власти продолжает реализовываться в рамках Указа президента № 474¹, где выделено такое направления развития нашей страны, как «цифровая трансформация». Считаем, необходимо подчеркнуть, что параллельно с «цифровой трансформацией» должна проходить трансформация нашей правовой системы, в том числе с учетом выявленных нами проблем.

Заключение

Таким образом, следует отметить, что несмотря на положительные свойства цифровизации деятельности органов публичной власти, отражающиеся на повышении оперативности реагирования на обращения граждан; открытости их деятельности; доступности средств правовой защиты (самозащиты) населения, существуют проблемы, в том числе в области нормативно-правового регулирования этих процессов, которые требуют вмешательства законодателя, а также внимания со стороны правоприменителей. Защита прав и свобод в эпоху цифровизации стоит на повестке дня как никогда актуально, формирование новых видов преступлений, в числе которых киберпреступность, мошенничество с использованием цифровых технологий и т. д. заставляют законодателя и правоприменителей постоянно совершенствовать механизмы обеспечения законности и правопорядка в обществе.

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // СЗ РФ. 27.07.2020. № 30. Ст. 4884.

Список литературы

1. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2 (254). – С. 5–17.
2. Ладенков Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. – 2021. – № 1 (96). – С. 164–168
3. Николаев А. И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2019. – № 4 (36). – С. 44–48.
4. Булатов Р. Б. Развитие нотариата в эпоху цифровизации // Ленинградский юридический журнал. – 2022. № 4 (70). – С. 109–116.
5. Кобзарь-Фролова М. Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – № 2. – С. 192–202.
6. Серов С. К. Правовой статус органов публичной власти // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 4. – С. 130–134.
7. Украинчик А. В. Реализация и защита конституционных прав граждан в условиях цифровизации общества // Вестник экспертного совета. – 2022. – № 4 (31). – С. 58–66.
8. Баранов П. П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 2. – С. 63–69.
9. Мочалов А. Н. Об учреждении в России должности Уполномоченного по защите прав человека в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (68). – С. 27–39.
10. Ишук В. Г. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: правовая основа, полномочия и пути повышения эффективности деятельности // Вестник УЮИ. – 2020. – № 3 (89). – С. 38–43.
11. Двойменный И. А. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации как специализированный институт по защите прав и свобод граждан // РСЭУ. – 2018. – № 1 (40). – С. 143–147.
12. Булатов Р. Б., Костычев С. С. Правозащитная деятельность органов муниципальной власти: проблемы ее эффективности и их преодоление // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 1. – С. 30–33.
13. Костычев С. С. Правозащитная деятельность органов муниципальной власти: понятие и содержание // Закон. Право. Государство. – 2022. – № 3(35). – С. 323–326.
14. Степкин С. П. Проблемы правовой регламентации и особенности подачи обращений в форме электронного документа // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 7 (140). – С. 49–58.

References

1. Talapina, E. V. (2018) Pravo i cifrovizaciya: novye vyzovy i perspektivy [Law and digitalization: new challenges and prospects]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 2 (254). Pp. 5–17. (In Russian).
2. Ladenkov, N. E. (2021) Transformaciya pravovoj sistemy pod vliyaniem cifrovizacii: prichiny i tendencii [Transformation of the legal system under the influence of digitalization: causes and trends]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. No. 1 (96). Pp. 164–168. (In Russian).
3. Nikolaev, A. I. (2019) Voprosy cifrovizacii prava v sovremennoj yuridicheskoj doktrine [Issues of digitalization of law in modern legal doctrine]. *Vestnik MGPU. Seriya*

«Yuridicheskie nauki» – *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series "Legal Sciences"*. No. 4 (36). Pp. 44–48. (In Russian).

4. Bulatov, R. B. (2022) Razvitiye notariata v epohu cifrovizacii [The development of the notary in the era of digitalization]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 4 (70). Pp. 109–116. (In Russian).

5. Kobzar-Frolova, M. N. (2021) Sistema organov publichnoj vlasti Rossijskoj Federacii: ponyatie, harakternye priznaki, vzaimodejstvie [The system of public authorities of the Russian Federation: concept, characteristic features, interaction]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie – Siberian Legal Review*. No. 2. Pp. 192–202. (In Russian).

6. Serov, S. K. (2023) Pravovoj status organov publichnoj vlasti [The legal status of public authorities]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry – Civil service and personnel*. No.4. Pp. 130–134. (In Russian).

7. Ukrainchik, A.V. (2022) Realizaciya i zashchita konstitucionnyh prav grazhdan v usloviyah cifrovizacii obshchestva [Realization and protection of constitutional rights of citizens in the context of digitalization of society]. *Vestnik ekspertnogo soveta – Bulletin of the Expert Council*. No.4 (31). Pp. 58–66. (In Russian).

8. Baranov, P. P. (2019) Konstitucionnye prava i svobody cheloveka v cifrovuyu epohu [Constitutional human rights and freedoms in the digital age]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik – North Caucasian Legal Bulletin*. No. 2. Pp. 63–69. (In Russian).

9. Mochalov, A.N. (2022) Ob uchrezhdenii v Rossii dolzhnosti Upolnomochennogo po zashchite prav cheloveka v sfere informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij [On the establishment of the position of Commissioner for Protection in Russia human rights in the field of information and telecommunication technologies]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika – The rule of law: theory and practice*. No. 2 (68). Pp. 27–39. (In Russian).

10. Ishchuk, V. G. (2020) Upolnomochennyj po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii: pravovaya osnova, polnomochiya i puti povysheniya effektivnosti deyatel'nosti [Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: legal framework, powers and ways to improve the effectiveness of activities]. *Vestnik UYul – Bulletin of the UUI*. No. 3 (89). Pp. 38–43. (In Russian).

11. Dvoimenny, I. A. (2018) Upolnomochennyj po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii kak specializirovannyj institut po zashchite prav i svobod grazhdan [Commissioner for Human Rights in the Russian Federation as a specialized institute for the protection of the rights and freedoms of citizens]. *RSEU*. No.1 (40). Pp. 143–147. (In Russian).

12. Bulatov, R. B., Kostychev, S. S. (2024) Pravozashchitnaya deyatel'nost' organov municipal'noj vlasti: problemy ee effektivnosti i ih preodolenie [Human rights activities of municipal authorities: problems of its effectiveness and their overcoming]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Bulletin of Economic Security*. No. 1. Pp. 30–33. (In Russian).

13. Kostychev, S. S. (2022) Pravozashchitnaya deyatel'nost' organov municipal'noj vlasti: ponyatie i sodержanie [Human rights activities of municipal authorities: concept and content]. *Zakon. Pravo. Gosudarstvo – Law. Right. State*. No. 3 (35). Pp. 323–326. (In Russian).

14. Stepkin, S. P. (2022) Problemy pravovoj reglamentacii i osobennosti podachi obrashchenij v forme elektronnoho dokumenta [Problems of legal regulation and peculiarities of submitting applications in the form of an electronic document]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Current problems of Russian law*. No. 7 (140). Pp. 49–58. (In Russian).

Об авторе

Булатов Рашид Борисович, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID 0000-0003-1980-2313, e-mail: bulatovrash@mail.ru

About the author

Rashid B. Bulatov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID 0000-0003-1980-2313, e-mail: bulatovrash@mail.ru

Поступила в редакцию: 04.04.2024

Принята к публикации: 17.05.2024

Опубликована: 28.06.2024

Received: 04 April 2024

Accepted: 17 May 2024

Published: 28 June 2024

Брачный договор и его особенности

Э. Г. Дадашова

Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал) Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,
Ивангород, Российская Федерация

В статье рассматриваются понятие брачного договора, права и обязанности супругов при заключении, изменении и расторжении брачного договора. Анализируются правовые меры заключения брачного договора в период гражданского брака и до регистрации гражданского брака. Также исследуется вопрос расторжения брачного договора по соглашению сторон и в судебном порядке. Проводится анализ судебной практики по вопросу расторжения брачного договора.

Ключевые слова: брачный договор, Семейный кодекс Российской Федерации, супруги, имущество, права и обязанности супругов, гражданский брак, расторжение брачного договора, судебный порядок.

Для цитирования: Дадашова Э. Г. Брачный договор и его особенности // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 103–116. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_103. EDN: GZJQVK

The Prenuptial Agreement and its Features

Estelita G. Dadashova

Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch) St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Ivangorod, Russian Federation

The article examines the issue of the concept of a marriage contract, the rights and obligations of spouses when concluding, changing and terminating a marriage contract. The issue of legal measures for concluding a prenuptial agreement during a civil marriage and before the registration of a civil marriage is being investigated, the issue of termination of a prenuptial agreement by agreement of the parties and in court is also being investigated. The analysis of judicial practice on the issue of termination of a marriage contract is carried out.

Key words: prenuptial agreement, Family code of the Russian Federation, spouses, property, rights and obligations of spouses, civil marriage, termination of the prenuptial agreement, judicial procedure.

For citation: Dadashova, E. G. (2024) Brachnyj dogovor i ego osobennosti [The Prenuptial Agreement and its Features]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (76). Pp. 103–116. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_103. EDN: GZJQVK

Введение

Семейное законодательство устанавливает и регулирует взаимоотношения лиц, находящихся в официально зарегистрированном браке. К соответствующей области регулирования семейных взаимоотношений также относится сфера имущественных взаимоотношений супругов. В этой связи брачное соглашение между сторонами выступает одним из способов регулирования имущественных прав сторон в период их брака. Под брачным договором понимается «соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения»¹. По своей сути брачный договор обеспечивает гарантию защиты имущественных прав сторон такого договора, в том числе и защиты прав одного супруга, если в этом возникает необходимость.

Императивность норм семейного законодательства, связанных с заключением брачного договора, указывает на обязательное нотариальное удостоверение такого рода соглашения между супругами. Иными словами, утверждение соответствующего договора супругов со стороны нотариуса обеспечивает не только правовое закрепление данного факта, но и соблюдение его корректной письменной формы [12]. Вместе с тем, исходя из позиции законодателя, брачное соглашение должно носить определённый и точный характер условий о соответствующих имущественных правах и обязанностях супругов. Природа брачного договора исходит из установления равновесия между правами и обязанностями сторон такого договора. В этой связи необходимо отметить главное: что своё правовое действие брачный договор приобретает исключительно в супружеском союзе двух сторон договора. Так,

¹ Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗРФ. 1996. № 1. Ст. 16.

одной из особенностей начала действия брачного договора выступает фактическая регистрация брака.

Несмотря на наличие большого количества научных работ по исследованию института брачного договора, в настоящее время проблемными аспектами соответствующего института по-прежнему являются порядок изменения и расторжения брачных соглашений и признание таких соглашений недействительными. В этой связи особенно важно напомнить о возможных причинах и условиях недействительности брачного договора, а равно о наличии обстоятельств, которые приводят к выводам о его недействительности.

Исходя из современной проблематики исследования вопросов изменения и расторжения брачного договора, возникает необходимость в анализировании судебной практики соответствующей сфере исследования, что позволит вывить и определить главные нюансы института брачного соглашения.

Основные аспекты брачного договора

Исходя из роли брачного договора в семейных правоотношениях в первую очередь необходимо определить цель заключения такого рода договора. Как было указано ранее, целью заключения брачного договора является установление и регулирование семейно-правовых отношений супругов, носящих имущественный характер.

Вторым, немаловажным аспектом заключения брачного договора является его правовое оформление. Так, для правильного, законно-правового закрепления всех существенных условий брачного договора необходимо обязательное нотариальное заверение соответствующего договора. Именно нотариус выступает гарантом фиксации имущественных взаимоотношений между сторонами брачного соглашения [3].

Правовая природа брачного договора также исходит из порядка его заключения, из чего следует вывод, что: «брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации заключения брака, так и в любое время в период брака»¹. Однако под правовым действием брачного договора следует понимать обязательное наличие супружеского статуса между сторонами соответствующего договора [10].

Учитывая то обстоятельство, что стороны брачного соглашения вольны самостоятельно определять условия, касающиеся их имущественных прав и обязанностей, в совершенном варианте брачный договор содержит следующие положения: «о режиме совместной, раздельной и долевой собственности на все имущество супругов, в том числе на то, что они приобретут в будущем» [2]. Помимо этого, сторонам брачного соглашения не стоит забывать о режиме их раздельной собственности. Включение соответствующих положений в договор является немаловажным аспектом в вопросе распределения имущественных прав и обязанностей сторон. Итак, в части регулирования вопроса раздельной собственности супругов действует правило, при котором имущество априори остаётся в собственности того супруга, который изначально, до вступления в брак, имел на него соответствующие права, либо фактически пользуется им больше или же право на такого рода имущество возникло у одного из супругов гораздо позже, в отличие от другого имущества супругов [8]. Так, в решении суда по делу о разделе совместно нажитого имущества во внимание суда были приняты условия ранее заключенного между супругами брачного соглашения. Исходя из соответствующего брачного договора, собственностью супруги В.

¹ Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗРФ. 1996. № 1. Ст. 16.

будет являться квартира, так как ей было удобнее и комфортнее проживать в городе, а в единоличной собственности супруга Р. остаётся жилой дом с хозяйственными постройками, так как для него был важен загородный быт и уединённое от городской суеты место проживания [8].

Вместе с тем целесообразным является вывод о недопустимости ограничения или ущемления прав сторон брачного соглашения. В случае несоблюдения указанных требований такой договор может являться недействительным. Между тем важным аспектом правовой природы брачного соглашения является недопустимость включения в него положений, нарушающих нормы семейного законодательства, а также каких-либо иных положений, не связанных с имущественными взаимоотношениями супругов.

Учитывая изложенное, возможно сделать вывод о том, что в целях сохранения и гарантированной защищённости своих имущественных прав, будучи в браке, супругам следует использовать вариант заключения брачного договора. Такой механизм регулирования имущественных прав супругов действует не только в интересах собственности одного супруга, а также может быть направлен на распределение прав и обязанностей супругов в отношении имеющейся совместной собственности супругов и будущей совместной собственности. В целом наличие возможности заключения брачного договора упрощает не только процедуру раздела имущества между его сторонами, но и является документальным подтверждением регулирования имущественных прав супругов в случае судебного спора.

Изменение условий брачного договора и его расторжение. Признание брачного договора недействительным

Учитывая общее намерение супругов, брачный договор может быть изменён или расторгнут при условии

соблюдения соответствующей формы его изначального заключения. Однако при расторжении брачного соглашения супругов необходимо учитывать, что такой договор утрачивает свою силу с момента заключения между его сторонами соответствующего соглашения о расторжении. В целом, если какие-либо новые условия брачного договора отменяют или устанавливают невозможность использования и применения условий, которые действовали ранее, соответствующие условия теряют свою силу, и стороны обязаны руководствоваться новыми условиями брачного соглашения [5]. Вместе с тем одним из ключевых условий соблюдения законно-правой формы изменения и расторжения брачного договора является обязательное нотариальное заверение соответствующего факта.

Если с юридическим оформлением изменений или расторжением брачного договора не возникает особых вопросов, то сам процесс указанных действий не всегда является обоюдным решением супругов. В большинстве случаев стороны, заключившие брачный договор, не могут прийти к компромиссу решения вопроса о его изменении либо расторжении, что в свою очередь порождает значительное количество судебных споров.

Основывая свой вывод на существующей судебной практике, зачастую именно изменение имущественного статуса одного из супругов и отсутствие условий в брачном договоре, регулирующих порядок распределения имущества в таком случае, способствует желанию другого супруга внести соответствующие изменения в договор или признать его недействительным в судебном порядке. Тем не менее, если учитывать сложившуюся судебную практику в части признания брачного соглашения супругов недействительным, в первую очередь суд оценивает характер и правомерность условий брачного договора, а затем проводит оценку иных обстоятельств судебно-

го спора, способных в той или иной степени повлиять на дальнейшее действие соответствующего договора.

Таким образом, при заключении брачного договора, помимо установления условий, отвечающих за регулирование прав и обязанностей в отношении конкретного имущества супругов, необходимо соблюсти порядок регулирования взаимоотношения сторон, при условии приобретения новой собственности супругов в браке, а также учесть при этом все возникающие последствия. В случае наличия имущественного спора супругов, образовавшегося в связи с недоговорённостью сторон относительно условий брачного соглашения, а равно в связи с намерением одного из супругов признать такой договор неправомерным и недействительным, возникает необходимость решения соответствующих вопросов в судебном порядке.

Учитывая нормы семейного права, следует, что «по требованию одного из супругов брачный договор может быть изменен или расторгнут по решению суда по основаниям и в порядке, которые установлены Гражданским кодексом Российской Федерации для изменения и расторжения договора»¹.

Вместе с тем, в части вопроса расторжения брака между супругами Пленум Верховного суда Российской Федерации разъясняет, что, если условиями брачного соглашения сторон предусмотрено фактическое распределение прав и обязанностей в отношении общего имущества сторон, приобретённого в браке, суд обязан в обязательном порядке учитывать условия такого договора. Однако при таких обстоятельствах существенным фактором выступает гарантированная защищённость прав каждого из супругов на их общее

¹ Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

имущество. Речь идёт об отсутствии в соответствующем договоре между сторонами таких ограничений прав, которые в будущем могут поставить одного из супругов в ухудшающее имущественное положение. В случае несоблюдения таких условий брачное соглашение супругов может быть признано судом неправомерным, и как следствие, недействительным¹.

С учётом применения положений о недействительности сделок, законодательством Российской Федерации предусмотрено частичное и полное признание брачного соглашения супругов недействительным посредством обращения в суд².

Таким образом, учитывая мнение некоторых авторов, законодатель поясняет, что «лица, которые заранее осознали правовые последствия заключения брачного договора (или, по крайней мере, должны были осознать в силу требования о нотариальной форме брачного договора), по требованию одного из них в судебном порядке могут признать такой договор недействительным» [4]. Кроме того, существенным является тот факт, что в большом количестве брачных договоров содержатся двусмысленные или неточные формулировки условий. Особенно это касается условий договоров, которые регламентируют положения о режиме раздельной собственности супругов, в частности условие о конкретном указании на имя одного из супругов, на которого был зарегистрирован тот или иной объект имущества. В таком случае другой супруг рискует остаться в более уязвимом положении, т. к. в момент приобретения соответствующего имущества его финансовое положение не позволяло зарегистрировать данное имущество на своё имя [7].

¹ О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: постановление Пленума Верховного суда РФ от 05.11.1998 № 15 (с изм. и доп.).

² Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

Вместе с тем расторжение брачного договора невозможно при условии перехода большей части общего имущества супругов в собственность одного супруга, с учётом твёрдого денежного компенсирования соответствующей части имущества другому супругу. При таких обстоятельствах сторона брачного соглашения, передавшая в собственность другой стороны большую часть общего имущества и получившая взамен соответствующую компенсацию, не могла не знать о возможных последствиях [14].

Исходя из проведенного анализа судебной практики, следует, что признание брачного договора недействительным посредством обращения в суд является обоснованным только в случае возникновения существенных обстоятельств, явно свидетельствующих об ограничении прав одного из супругов. Кроме того, помимо наличия существенных обстоятельств, суд в обязательном порядке должен удостовериться в том, что на момент заключения брачного договора был соблюден обязательный регламент и правовой характер соответствующего заключения, в том числе могли ли быть стороны такого договора осведомлены о наличии существенных обстоятельств, могли предостеречь себя от них или же избежать их, а также было ли отражено в тексте договора, что в случае возникновения существенных обстоятельств все риски будут возложены на заинтересованного в этих обстоятельствах супруга [1].

Заключение

Основываясь на правовых аспектах изучения понятия брачного договора и его особенностей, следует, что «заключение брачного договора является правовым документом, на основании которого, при расторжении брака происходит процесс разделения имущества, находящегося-

ся у супругов при заключении брака и в процессе совместного ведения хозяйства» [11]. К особенностям начала правового действия брачного договора можно отнести обязательное наличие зарегистрированного брака между сторонами такого соглашения [13].

Вместе с тем неоднозначной является природа изменения и расторжения брачного договора. Так, внесение изменений или расторжение брачного соглашения является возможным исключительно при наличии обоюдного согласия супругов. Нельзя не отметить актуальность темы расторжения брачного договора между супругами, так как при изначальном намерении заключить брачный договор зачастую стороны такого соглашения опускают множественные моменты развития событий, связанных с действием соответствующего соглашения супругов. Практически желание одного из супругов расторгнуть брачный договор связано с возникновением неординарных ситуаций, которые оказывают непосредственное влияние на дальнейшее исполнение обязательств в рамках соответствующего договора. Именно так довольно часто порядок изменения условий или расторжения брачного договора переходит в судебное русло. Такой исход событий связан с отсутствием компромисса между супругами в решении вопроса урегулирования прав имущественного характера, в частности прав на общую совместную собственность супругов, прав на имущество конкретного супруга или же прав на имущество супругов, которое будет приобретено в будущем [6]. В основном особо остро стоит вопрос нарушения имущественного права одного из супругов, вытекающего из заключения брачного договора, что и приводит к принятию им решения изменить условия такого договора, расторгнуть его или вовсе признать договор недействительным в судебном порядке [15].

Основываясь на вышеизложенном, целесообразно сделать вывод о том, что при заключении брачного договора

сторонам следует уделить особое внимание не только своей правовой защищённости, но и условиям договора, которые регламентируют порядок изменения и расторжения брачного договора [9].

Включение в брачный договор грамотных с юридической точки зрения условий создаст безопасность правового положения супругов и уменьшит риск инициирования судебных разбирательств в будущем.

Список литературы

1. Ананских И. А., Полугрудова Т. А., Семёнова М. В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Учёные записки юридического факультета. – 2015. – № 38 (48), с. С. 86–91. – EDN: WBCRIJ
2. Батдыева Ф. Т., Ковязин В. В. Брачный договор как вид гражданско-правового договора // Молодой учёный. – 2023. – № 9 (456). – С. 241–243. – EDN: KXDLZG
3. Беглярова А. Л., Белукова Ф. К., Ларина О. В., Щербинина Н. С. Несоблюдение формы и условий заключения брачного договора как одно из оснований его недействительности // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2020. – № 49–3. – С. 15–18. – EDN: YEVFOG
4. Бурков И. Д. Проблемы правоприменения положений о недействительности брачного договора // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 25. – С. 72–81. – EDN: RTEMIU
5. Воробьёва Л. И., Ветрова Д. В., Анпилогова Т. И. Проблемы изменения и расторжения брачных контрактов в России // Сборник научных трудов 2-й Международной научной конференции. Эволюция государства и права: проблемы и перспективы. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 54–58. – EDN: HDTEWN
6. Лазарев К. Н. Проблемы недействительности брачного договора // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (социальный инженер-2019): Сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием. Том 4. – Москва: Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Москва, 2019. – С. 348–350. – EDN: CVQCJU
7. Маслова Н. Р. Применение срока исковой давности к требованиям о признании брачного договора недействительным // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2022. – № 3. – С. 53–58. – EDN: GCWSTD
8. Пономарёва И. М., Новосёлова С. Р. Содержание брачного договора // Аллея науки. – 2023. – № 5 (80). – С. 1114–1118. – EDN: LLQARW
9. Позднякова В. В. Основания и особенности изменения, прекращения и признания брачного договора недействительным // Юридический факт. – 2019. – № 57. – С. 23–25. – EDN: ILKFND
10. Самидинова У. С., Татенов М. Б. Особенности регулирования имущественных отношений супругов брачным договором // Вестник филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет». – 2022. – № 1 (25). – С. 170–173. – EDN: KCCR XV

11. Семендяев С. С. Условия и порядок заключения брачного договора, как одного из элементов современной жизни общества // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – № 5 (25). – С. 293–299. – EDN: OMOVHCL
12. Святкина А. В. К вопросу о форме брачного договора // Научный лидер. – 2023. – № 23 (121). – С. 105–107. – EDN: VWTPBA
13. Токарева В. Е. Вопросы ответственности в брачном договоре // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). – С. 631–634. – EDN: RSOYDV
14. Шергунова Е., Рязанцева В. Разрешение споров, связанных с изменением или расторжением брачного договора // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2017. – № 6–6 (26). – С. 79–84. – EDN: YYYYJI
15. Юрьева К. О., Шевчук Е. П. Недействительность брачного договора // Вестник науки. – 2021. – № 4 (37). – С. 92–97. – EDN: EUIBAX

References

1. Ananskij, I. A., Polugrudova, T. A., Semyonova, M. V. (2015) K voprosu ob izmenenii i prekrashhenii brachnogo dogovora po rossijskomu zakonodatel'stvu [On the issue of changing and terminating a marriage contract under Russian law]. *Uchyony'e zapiski yuridicheskogo fakul'teta – Academic notes of the Faculty of Law*. No. 38 (48). Pp. 86–91. (In Russian). EDN: WBCRIJ
2. Batdy`eva, F. T., Kovyazin, V. V. (2023) Brachny`j dogovor kak vid grazhdansko-pravovogo dogovora [Prenuptial agreement as a type of civil contract]. *Molodaj uchyony`j – Young scientist*. No. 9 (456). Pp. 241–243. (In Russian). EDN: KXDLZG
3. Beglyarova, A. L., Belukova, F. K., Larina, O. V., Shherbinina, N. S. (2020) Nesoblyudenie formy` i uslovij zaklyucheniya brachnogo dogovora kak odno iz osnovanij ego nedejstvitel`nosti [Non-compliance with the form and conditions of the marriage contract as one of the grounds for its invalidity]. *Norwegian Journal of Development of the International Science*. No. 49–3. Pp. 15–18. (In Russian). EDN: YEYFOG
4. Burkov, I. D. (2023) Problemy` pravoprimeniya polozhenij o nedejstvitel`nosti brachnogo dogovora [Problems of law enforcement of provisions on the invalidity of a marriage contract]. *Voprosy` rossijskoj yusticii – Issues of Russian justice*. No. 25. Pp. 72–81. (In Russian). EDN: RTEMIO
5. Vorob`yova, L. I., Vetrova, D. V., Anpilogova, T. I. (2020) Problemy` izmeneniya i rastorzheniya brachny`x kontraktov v Rossii [Problems of changing and terminating marriage contracts in Russia]. *E`volyuciya gosudarstva i prava: problemy` i perspektivy* [The Evolution of the State and Law: Problems and Prospects]. Collection of scientific papers of the 2nd International Scientific Conference. Kursk. Yugo-Zapadny`j gosudarstvenny`j universitet. Pp. 54–58. (In Russian). EDN: HDTEWN
6. Lazarev, K. N. (2019) Problemy` nedejstvitel`nosti brachnogo dogovora [Problems of invalidity of the marriage contract]. *Social`no-gumanitarny`e problemy` obrazovaniya i professional`noj samorealizacii* [Socio-humanitarian Problems of Education and Professional Self-Realization]. Collection of materials from the All-Russian Conference of Young Researchers with International Participation. Volume 4. Moscow. Rossijskij gosudarstvenny`j universitet imeni A. N. Kosy`gina (Texnologii. Dizajn. Iskusstvo). Pp. 348–350. (In Russian). EDN: CVQCJU
7. Maslova, N. R. (2022) Primenenie sroka iskovoj давности k trebovaniyam o priznanii brachnogo dogovora nedejstvitel`ny`m [The application of the limitation period to the requirements for the recognition of the marriage contract as invalid]. *Pravovoe regulirovanie e`konomicheskoj deyatel`nosti – Legal regulation of economic activity*. No. 3. Pp. 53–58. (In Russian). EDN: GCWSTD
8. Ponomaryova, I. M., Novosyolova, S. R. (2023) Soderzhanie brachnogo dogovora [The content of the marriage contract]. *Alleya nauki – Science Alley*. No. 5 (80). Pp. 1114–1118. (In Russian). EDN: LLQARW

9. Pozdnyakova, V. V. (2019) Osnovaniya i osobennosti izmeneniya, prekrashheniya i priznaniya brachnogo dogovora nedejstvitel'ny'm [The grounds and features of the amendment, termination and invalidation of the marriage contract]. *Yuridicheskij fakt – Legal fact*. No. 57. Pp. 23–25. (In Russian). EDN: ILKFND

10. Samidinova, U. S., Tatenov, M. B. (2022) Osobennosti regulirovaniya imushhestvenny'x otnoshenij suprugov brachny'm dogovorom [Peculiarities of regulation of property relations between spouses by a marriage contract]. *Vestnik filiala Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vy'sshego obrazovaniya «Rossijskij gosudarstvenny'j social'ny'j universitet» – Bulletin of the branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Social University»*. No. 1 (25). Pp. 170–173. (In Russian). EDN: KCCR XV

11. Semendyaev, S. S. (2022) Usloviya i poryadok zaklyucheniya brachnogo dogovora, kak odnogo iz elementov sovremennoj zhizni obshhestva [The conditions and procedure for concluding a marriage contract as one of the elements of modern society]. *Teoriya prava i mezhdogovornyye otnoshenija – Theory of law and interstate relations*. No. 5 (25). Pp. 293–299. (In Russian). EDN: OMVHCL

12. Svyatkina, A. V. (2023) K voprosu o forme brachnogo dogovora [On the issue of the form of the marriage contract]. *Nauchny'j lider – Scientific Leader*. No. 23 (121). Pp. 105–107. (In Russian). EDN: VWTPBA

13. Tokareva, V. E. (2023) Voprosy otvetstvennosti v brachnom dogovore [Issues of responsibility in the marriage contract]. *Molodoj uchyony'j – Young scientist*. No. 20 (467). Pp. 631–634. (In Russian). EDN: RSOYDV

14. Shergunova, E., Ryazanceva, V. (2017) Razreshenie sporov, svyazanny'x s izmeneniem ili rastorzheniem brachnogo dogovora [Resolution of disputes related to the amendment or termination of the marriage contract]. *Aktual'ny'e nauchny'e issledovaniya v sovremennom mire – Current scientific research in the modern world*. No. 6–6 (26). Pp. 79–84. (In Russian). EDN: YYYZIJ

15. Yur'eva, K. O., Shevchuk, E. P. (2021) Nedejstvitel'nost' brachnogo dogovora [Invalidity of the marriage contract]. *Vestnik nauki – Bulletin of Science*. No. 4 (37). Pp. 92–97. (In Russian). EDN: EUIBAX

Об авторе

Дадашова Эстелита Гусунбековна, преподаватель, Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал) Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Ивангород, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0002-0911-0356, e-mail: esti_94@mail.ru

About the author

Estelita G. Dadashova, Lecturer, Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch) Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Ivangorod, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0002-0911-0356, e-mail: esti_94@mail.ru

Поступила в редакцию: 01.04.2024
Принята к публикации: 27.05.2024
Опубликована: 28.06.2024

Received: 01 April 2024
Accepted: 27 May 2024
Published: 28 June 2024

Перспективы развития хозяйственных партнерств в Российской Федерации

А. С. Кучина, П. А. Лысиков

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируются ключевые особенности хозяйственных партнерств в сравнении с другими формами юридических лиц в Российской Федерации. Выделяются хозяйственные партнерства как потенциально эффективные и востребованные средства для привлечения инвестиционных ресурсов в экономику.

Сформулированы проблемы, препятствующие активному использования хозяйственных партнерств в Российской Федерации.

Делается вывод, что преимущества, безусловно, имеются у хозяйственных партнёрств, однако они не перекрывают недостатки, что ставит под вопрос перспективы их дальнейшего развития.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, правовой статус, хозяйственные партнерства, капитал, правовое развитие, судебные споры.

Для цитирования: Кучина А. С., Лысиков П. А. Перспективы развития хозяйственных партнерств в Российской Федерации. // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 117–132. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_117. EDN: ICMTXU

Prospects for the Development of Business Partnerships in the Russian Federation

Anastasia S. Kuchina, Pavel A. Lysikov

Saint-Petersburg State Economic University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the key features of business partnerships in comparison with other forms of legal entities in the Russian Federation. The article emphasizes business partnerships as potentially effective and demanded means for attracting investment resources into the economy.

The problems hindering the active use of business partnerships in the Russian Federation are formulated.

It is concluded that the advantages, of course, there are advantages of business partnerships, but they do not cover the disadvantages, which calls into question the prospects for their further development.

Key words: investment activity, legal status, business partnerships, capital, legal development, litigation.

For citation: Kuchina, A. S., Lysikov, P. A. (2024) Perspektivy razvitiya hozjajstvennyh partnerstv v Rossijskoj Federacii [Prospects for the Development of Business Partnerships in the Russian Federation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (76). Pp. 117–132. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_117. EDN: ICMTXY

Введение

Прежде чем перейти к вопросу о перспективах развития хозяйственных партнерств в Российской Федерации, необходимо кратко рассмотреть причины появления такой организационно-правовой формы, изучить её особенности, существующие проблемы, и на основе изложенного определить перспективы развития.

Для экономического развития государству в современном мире требуется делать большой акцент на внедрении и стимулировании интеллектуальных и творческих ресурсов. Государство, стремящееся к лидерству, должно осваивать новые виды деятельности, что ведет к развитию инновационной экономики. Для этого необходима поддержка государства и заинтересованность общества. Государство должно предоставлять не только финансовые ресурсы для успешных венчурных проектов, но и создавать благоприятные условия для развития инновационного предпринимательства. Развитие, в свою очередь, это «цепь сменяющих друг друга состояний» [8, с. 14] без которых невозможен прогресс, поэтому перед государством появилась новая задача – развитие инновационной экономики.

Осуществление инновационной деятельности требует энтузиазма со стороны как отдельных лиц, так и корпораций, а также государственной поддержки. Это включает не только финансовые вложения для реализации данного типа проектов, но также активную стратегию государственного внедрения подобных инициатив в жизнь общества через создание благоприятной среды для развития инновационных бизнес-проектов. Поэтому в Российской Федерации была разработана новая форма юридического лица – хозяйственные партнерства.

Потребность в создании новой организационно-правовой формы ведения бизнеса подробно из-

ложена в пояснительной записке к Федеральному закону от 03.12.2011 № 380 «О хозяйственных партнерствах». Ключевая цель такого закона, по мнению законодателя – дать возможность несоразмерного распределения прав, обязанностей, доходов, убытков и голосов между участниками для создания правовых условий с целью привлечения инвестиций в венчурные проекты. Президентом Российской Федерации было также отмечено, что Россия пока что проигрывает другим странам-конкурентам в области инвестиционной привлекательности, и это является актуальной проблемой для нашей страны, однако «вся Россия должна стать территорией опережающего развития» [15, с. 2]. Неэффективное использование потенциальных ресурсов для инноваций обусловлено отсутствием отлаженного правового механизма для сотрудничества между инвесторами и новаторами. В связи с этим в Федеральном законе «О хозяйственных партнерствах» законодатель предусмотрел главным образом диспозитивные меры для регулирования этих отношений, поскольку реализация инноваций всегда связана с риском.

Если обратиться к вопросу о природе хозяйственного партнерства, то можно сделать вывод, что такое юридическое лицо является довольно специфичным, поскольку хозяйственное партнерство представляет собой объединение капиталов (черта хозяйственных обществ), и объединение лиц (черта хозяйственных товариществ).

При этом важно отметить, что хотя хозяйственное партнерство предназначено для привлечения венчурных инвестиций, оно обладает универсальной правосубъектностью, что прямо следует из положений закона и общих положений гражданского кодекса [9, с. 27].

Особенности правового регулирования хозяйственного партнерства

Устав хозяйственного партнерства не обладает регулятивным значением [10, с. 81], поскольку он ясно не определяет ряд важных вопросов в области управления партнерством: права и обязанности участников, порядок и последствия выхода участника, информацию об уступке доли в партнерстве. Вместо устава регулятивную функцию осуществляет соглашение об управлении, которое как раз и даёт возможности упорядочивать внутренние механизмы этой юридической структуры, что нивелирует эту проблему. В соответствии с этим соглашением участники самостоятельно утверждают это соглашение и его содержание определяют свои права обязанности по управлению партнерством, регулируют вопросы распределения прибыли, определения внутренней структуры и иных значимых аспектов для осуществления своей деятельности, что напоминает учредительные документы хозяйственных товариществ. При этом возможности для определения условий в таком соглашении достаточно широки, ключевым требованием для соглашения является соблюдение действующего законодательства.

Данные особенности организации деятельности партнерства создают проблемы с определением правового статуса субъектов хозяйственных партнерств, так как в корпоративном праве подразумевается, что «правовой статус учредителя корпорации ограничен его правами, обязанностями и ответственностью» [5, с. 50], а в данном случае права и обязанности учредителя неограниченны, а также могут оставаться конфиденциальными, что вызывает сложность во взаимодействии с инвесторами.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О хозяйственных партнерствах», хозяйственное партнерство невозможно основать всего одним лицом, как это допу-

стимо для общества с ограниченной ответственностью. Наименьшее количество составляет два лица. Такая форма сотрудничества подразумевает, что участники, вступающие в хозяйственное партнерство, должны не только внести свой капитал, но также и напрямую участвовать в работе общества. Таким образом, формируются правоотношения, обусловленные тем, что участник оказывает «влияние на корпорацию» [12, с. 15]. Основные права и обязанности участников хозяйственного партнерства устанавливаются в Федеральном законе «О хозяйственных партнерствах». Так, стандартные права и обязанности, заданные федеральным законом, составляют фундамент для любого юридического лица (включая право на участие в управлении, получение доли имущества при ликвидации, обязанность по внесению вкладов в складочный капитал и прочее). В то же время эти условия могут быть дополнены и доработаны в управляющем соглашении. Это означает, что в соглашении об управлении участники партнерства могут формировать любую процедуру выполнения прав и обязанностей.

Ключевая особенность соглашения об управлении состоит в том, что участники партнерства могут устанавливать права и обязанности не только для его участников, но и для иных лиц. При этом данная категория не конкретизирована, но можно предположить, что к другим лицам относятся лишь те, которые вправе приобретать права и осуществлять такого рода обязанности (данная конкретизация имеет существенное правовое значение, поскольку не все лица имеют право заниматься предпринимательской деятельностью. Например, такой запрет установлен для депутатов Государственной думы Российской Федерации и сенаторов Совета Федерации), другая же уникальная черта кроется в конфиденциальном характере такого соглашения.

Таким образом, условия соглашения об управлении могут создавать правовую неопределенность, вызванную тем, что участники и другие лица могут наравне осуществлять управление партнерством, но сведения об этом конфиденциальны.

Также существует перекрестие законодательных норм в вопросе определения права и обязанностей участников общества. Например, ст. 65.2 ГК РФ установила, что участники имеют право «в случаях и порядке, определенных законом и уставом корпорации, получать информацию о деятельности корпорации и ознакомляться с ее бухгалтерской и иной документацией». Но в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О хозяйственных партнерствах» такое право есть не только у участников объединения, но и у других лиц, указанных в соглашении об управлении. При этом законом не предусмотрено четкого плана обязанностей участников и других лиц, хотя, согласно мнению Н. Д. Грибова, «обязанности являются границами реализации прав участников корпоративных отношений» [3, с. 130]. Схожая ситуация может проявляться и в отношении других прав и обязанностей, если они указаны в управленческом соглашении. Так, уникальные права участника юридического лица могут быть достигнуты без необходимости иметь аналогичный правовой статус. Такая гибкая модель регулирования отношений в рамках партнерства является новацией для Российской Федерации.

Существует еще ряд особенностей хозяйственного партнерства в вопросе определения минимального уставного капитала – он вообще законодательно не определен и участники вправе самостоятельно определить его размер и также распределить между собой свои корпоративные права, без учета размера внесенной доли в капитал партнерства, что является нарушением

существующего в корпоративном праве принципа пропорциональности. Е. А. Суханов дал следующий комментарий по этой теме: «По соглашению один партнер может внести сто тысяч долларов и не иметь права голоса вообще, а второй – добавить в уставный капитал две копейки, но руководить всеми делами» [13, с. 10].

Также законом установлен запрет на эмиссию облигаций и иных эмиссионных ценных бумаг.

Хозяйственные партнерства являются уникальной формой ведения бизнеса. Как отмечает А. И. Гончаров: «Авторы полагают, что появился совершенно необъяснимый субъект гражданского права» [4, с. 12]. Подобной организационно-правовой формы не существует нигде в мире.

Хоть закон и дал участникам хозяйственных партнерств весь необходимый правовой инструментарий для создания таких юридических лиц в сфере инвестиций, но практика свидетельствует о том, что, во-первых, хозяйственные партнерства не пользуются широким спросом у участников рынка, а во-вторых, не все зарегистрированные хозяйственные партнерства ведут свою деятельность в области инвестиций. Данные из ЕГРЮЛ подтверждают данный тезис. Так, хозяйственное партнерство «Содружество» в соответствии с выбранными видами экономической деятельности функционирует в области архитектуры, инженерных изысканий и занимается предоставлением технических консультаций в данных областях. А хозяйственное партнерство «Пульс» занимается розничной продажей лекарственных средств в аптеках, но при этом есть примеры деятельности хозяйственных партнерств в области финансов. Например, хозяйственное партнерство «Аспект» ведет свою экономическую деятельность в сфере предоставления финансовых услуг, а хозяйственное партнерство «Строители» занимается капиталовложениями и венчурными инвестициями.

Итак, хозяйственные партнерства представляют собой относительно специфическую форму юридического лица, обладающего рядом уникальных характеристик. Эта форма была введена в российское законодательство с целью повышения инвестиционной привлекательности России и стимулирования развития инновационной экономики путем создания правовой среды для осуществления венчурных инвестиций, что непременно приведет к положительному экономическому эффекту.

Основные проблемы хозяйственных партнерств

При этом невостребованность такой организационно-правовой формы, как хозяйственные партнерства, у субъектов предпринимательских отношений явно свидетельствует о наличии значительных проблем и недостатков, которые препятствуют активному использованию хозяйственных партнерств в России и реализации тех целей, для которых и принимался данный федеральный закон.

Рассмотрим некоторые из них:

1) отсутствует достаточная инфраструктура для поддержания ведения бизнеса в инновационной среде. Об этом прямо указывается в научной литературе: «Россия значительно уступает по показателям развития венчурной индустрии» [14, с. 298].

Таким образом, появление такой формы юридического лица не является достаточным для его активного применения, поскольку требуется создание необходимой инфраструктуры;

2) широкая диспозитивность правового регулирования в части определения условий соглашения об управлении. В том случае, если лица решат объединить свои капиталы и свои усилия для достижения совместной цели, им потребуется уделить значительное внимание проработке условий такого соглашения с целью миними-

зировать или вовсе устранить разнообразные риски, что является достаточно сложной и нетипичной задачей.

Справедливо отмечается, что такая широкая диспозитивность является непривычной для участников рынка. Зачастую они не обладают достаточными знаниями для регламентирования своих корпоративных отношений и распределения рисков между участниками, что в конечном итоге отталкивает участников рынка от использования такой организационно-правовой формы юридического лица в предпринимательской деятельности [10, с. 14].

Наличие широкой диспозитивности, как верно отмечается в литературе, увеличивает вероятность споров между участниками партнерства [10, с. 14], что в свою очередь приводит к следующей проблеме;

3) высокая степень неопределенности в случае возникновения судебных споров. Поскольку хозяйственное партнерство является ранее неизвестной для российской правовой системы организационно-правовой формой юридического лица, разумно ожидать сложности при возникновении корпоративных споров. Ведь в случае возникновения судебных споров между партнерами, перед судом возникнет крайне сложный вопрос о возможности и целесообразности применения уже сформированной и устоявшейся судебной практики по корпоративным спорам внутри хозяйственных обществ и хозяйственных товариществ к спорам, возникающим внутри хозяйственного партнерства.

Следует согласиться с тем, что такая организационно-правовая форма, как ООО на сегодняшний день остается вне конкуренции в силу понятности, широкой практики применения [6, с. 9], а хозяйственное партнерство на сегодняшний день лишено таких существенных достоинств.

Таким образом, перед судами встанет сложная задача, состоящая одновременно в необходимости форму-

ликовать правовые позиции и выносить решения без оглядки на прошлый судебный опыт, искать и применять (с учетом специфики правового регулирования и правовой природы хозяйственных партнерств) сложившуюся и устоявшуюся судебную практику по корпоративным спорам хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств, что лишь усиливает правовую неопределенность для участников хозяйственных партнерств;

4) сложности при осуществлении предпринимательской деятельности из-за прямого запрета на рекламу деятельности хозяйственного общества. Очевидно, что в современном мире достаточно сложно осуществлять предпринимательскую деятельность посредством использования такой организационно-правовой формы, ведь реклама является одним из самых популярных способов донесения информации о компании и её деятельности;

5) значительные риски контрагентов во взаимодействии с хозяйственными партнерствами. Существует высокий риск для третьих лиц (контрагентов) сотрудничать с хозяйственными партнерствами, ведь контрагенты фактически не имеют возможности установить лиц, осуществляющих управление в хозяйственном партнерстве. Такая проблема существует по той причине, что соглашение об управлении партнерством носит закрытый характер, а сведения из ЕГРЮЛ о складочном капитале не содержат в себе перераспределения голосов в соответствии с достигнутом соглашением об управлении [2, с. 44];

6) риски, связанные с привлечением третьих лиц к гражданско-правовой ответственности. В области предпринимательского права существует целый ряд проблем, связанных с выявлением и привлечением к юридической ответственности фактических собственников того или иного бизнеса.

В литературе такая проблема именуется по-разному: «снятие корпоративной вуали» [7, с. 45] или проблема определения «бенефициарного владельца» [1, с. 50]. Суть её в том, что порой управлением юридического лица занимается лицо, формально не являющееся его участником, но при этом оно может осуществлять косвенной или прямой контроль такого юридического лица без каких-либо на то правовых оснований, и действующее законодательство, допуская привлечение третьих лиц для управления хозяйственным партнерством, фактически легализуют возможности для появления лиц, которые де-юре не имеют никаких правовых связей и отношений с хозяйственным партнерством, но де-факто являются его владельцами.

Как справедливо отмечается в литературе: «можно будет создать хозяйственное партнерство из двух подобранных бродяг с улицы, а реальное управление будут осуществлять совсем другие лица. Что получим: соглашение об управлении или корпоративный договор есть, и есть люди, управляющие фикцией на достаточно законном основании» [6, с. 8];

Пристальное внимание на эту проблему обратил Е. А. Суханов, который отметил: «Закон широко распахивает двери для любых мыслимых и немыслимых злоупотреблений и афер, поскольку легализует возможность создания корпораций, всеми делами которых по секретному нотариальному соглашению будут заправлять глубоко законспирированные третьи лица. В роли этих лиц, надо полагать, охотно выступают чиновники и депутаты, которым запрещено заниматься коммерческой деятельностью. Отсутствие минимального капитала и полная свобода внутренней организации предлагаемого партнерства удачно сочетается в Законе с полным произволом публичной власти» [11, с. 19].

Заключение

Таким образом, хозяйственные партнерства имеют целый ряд существенных проблем, которые связаны напрямую с их правовым регулированием (например, установленный законом запрет на рекламу), проблемами в области практики применения (отсутствие опыта участников рынка в заключении таких соглашений, сложности при рассмотрении корпоративных споров в российских судах) и рисках при взаимодействии третьих лиц с хозяйственными партнерствами.

Тем не менее, нужно учитывать, что существующие проблемы хозяйственных партнерств не отменяют того факта, что они потенциально могут стать эффективным и востребованным правовым инструментом для развития инновационной экономики и привлечения венчурных инвестиций в Российскую Федерацию. Однако до тех пор, пока данные проблемы не будут разрешены, хозяйственное партнерство так и останется потенциальным, но фактически неиспользуемым правовым инструментом, а перспективы их развития будут крайне сомнительными.

Список литературы

1. Алексеева Д. Г. Правовые проблемы, возникающие при идентификации кредитными организациями бенефициарных владельцев // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 1. – С. 49–61. – EDN: HGJKLT
2. Волос А. А. Хозяйственное партнерство: вопросы теории и практики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 77–83. – EDN: RUSKFP
3. Вяльцева Н. Е. Хозяйственное партнерство как субъект предпринимательской деятельности // Вестник Самарского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 71–83. – EDN: BVNFLP
4. Грибов Н. Д. Обязанности участников корпорации // Правосудие. – 2021. – № 3. – С. 129–147. – EDN: FDTRHG
5. Гончаров А. В., Черноморец А. Е. Российские хозяйственные партнерства: перспективы «брака по расчету» для предпринимателей в результате брака законодателей // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 48. – С. 11–17. – EDN: YNMKLO
6. Ключагин А. В. Правовое регулирование управления хозяйственным партнерством // Проблемы экономики и юридической практики. – 2016. – № 6. – С. 259–261. – EDN: WESDFV

7. Колемачкина Е. А. Хозяйственное партнерство: итоги принятия федерального закона № 380-ФЗ // Сборник статей участников IV Международного научно-студенческого конгресса. – 2014. – № 5. – С. 65–73. – EDN: NMUНJK

8. Колонтаевская И. Ф. Проблемы взаимодействия корпоративного права России и зарубежных стран. Доктрина «снятия корпоративной вуали» // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. – 2017. – № 4. – С. 43–48.

9. Нетишинская Л. Ф. К вопросу об особенностях правового регулирования юридической личности хозяйственного партнерства // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: сборник научных трудов 13-й Международной научно-практической конференции. – Курск, 2024. – С. 487–490. – EDN: TVCSEQ

10. Серебрякова С. С. Хозяйственное партнерство: проблемы внутренней гармонизации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 10. – С. 79–84. – EDN: YHBNF

11. Суханов Е. А. Хозяйственные партнерства в России // Закон. – 2012. – № 1. – С. 19–29. – EDN: CVBVMU

12. Суханов Е. А. Предпринимательские корпорации в новой редакции гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 12. – С. 5–12. – EDN: TGVVRS

13. Трифонова А. Н. Анализ хозяйственного партнерства // Киберюрист. – 2020. – № 6. – С. 70–85. – EDN: IFSZVP

14. Фатихов Р. В. Правовые проблемы становления и развития хозяйственного партнерства в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 1. – С. 80–85. – EDN: YWSDC

15. Шевелева К. И., Шуринова Н. А., Стефанова Н. А. Венчурные инвестиции в России: особенности, тенденции и актуальные проблемы // Креативная экономика. – 2021. – № 2. – С. 295–308. – EDN: LFMVTH

16. Щепкина С. В. Проблемы инвестиционной привлекательности России // Экономика и социум. – 2014. – № 4. – С. 533–536. – EDN: UFGVLP

References

1. Alekseeva, D. G. (2017) *Pravovie problemy, voznikaushie pri identifikacii beneficiarnih vladelcev* [Legal problems arising in the identification of beneficial owners by credit organizations]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)-Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)* No. 1. Pp.49–61. (In Russian). EDN: HGJKLT

2. Volos, A. A. (2021) *Econovicheskie partnerstva: voprosi teorii i praktiki* [Economic partnership: Questions of theory and practice]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal policy and legal life*. No. 1. Pp. 77–83. (In Russian). EDN: RUSKFP

3. Vyaltseva, N. E. (2016) *Hozaystvennie partnerstva kak subect predprinimatelskoy deyelnosti* [Economic partnership as a business entity]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Samara State University*. No. 3. Pp. 71–83. (In Russian). EDN: BVNFLP

4. Gribov, N. D. (2021) *Obyazannosti uchastnikov korporacii* [Responsibilities of the participants of the corporation]. *Pravosudie – Justice*. No. 3. Pp. 129–147. (In Russian). EDN: FDTRHG

5. Goncharov, A. B., Chernomorets, A. E. (2012) *Hoziystvennie partnerstva: perspektivi braka po raschetu* [Russian economic partnerships: prospects of a marriage of convenience for entrepreneurs as a result of the marriage of legislators]. *Nacional'nye*

interest: priority i bezopasnost' – National interests: priorities and security. No. 48. Pp. 11–17. (In Russian). EDN: YNMKLO

6. Klyuchagin, A. V. (2016) Pravovoe regulirovanie upravleniy hoziystvennim partnerstvom [Legal regulation of management of economic partnership]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Problems of economics and legal practice.* No. 6. Pp. 259–261. (In Russian). EDN: WESDFV

7. Kolemachkina, E. A. (2014) Hoziystvennoe partnerstva: itogi prinyztyi federalnogo zakona [Economic partnership: the results of the adoption of federal law No. 380-FZ]. *Sbornik statej uchastnikov IVMezhdunarodnogo nauchnogo studencheskogo kongressa – Collection of articles by participants of the IV International Scientific Student Congress.* No. 5. Pp. 65–73. (In Russian). EDN: NNUHJK

8. Kolontaevsкая, I. F. (2017) Problemy vzaimodejstviya korporativnogo prava Rossii i zarubezhnyh stran. Doktrina «snyatiya korporativnoj vuali [Problems of interaction between corporate law in Russia and foreign countries. The doctrine of «removing the corporate veil». *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte – Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University.* No. 4. Pp. 43–48. (In Russian).

9. Netishinskaya, L. F. (2024) K voprosu ob osobennostyah pravovogo regulirovaniya yuridicheskoy lichnosti hozyajstvennogo partnerstva [On the question of the peculiarities of legal regulation of the legal personality of economic partnership]. *Sovremennye podhody k transformacii koncepcij gosudarstvennogo regulirovaniya i upravleniya v social'no-ekonomicheskikh sistemah* [Modern approaches to the transformation of concepts of state regulation and management in socio-economic systems]. Collection of scientific papers of the 13th International Scientific and Practical Conference. Kursk. Pp. 487–490. (In Russian). EDN: TVCSEQ

10. Serebryakova, S. S. (2015) Hozyajstvennoe partnerstvo: problemy vnutrennej harmonizacii [Economic partnership: problems of internal harmonization]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice.* No. 10. Pp.79–84. (In Russian). EDN: YHBNF

11. Sukhanov, E. A. (2012) Hozyajstvennye partnerstva v Rossii [Economic partnerships in Russia]. *Zakon – Law.* No. 1. Pp. 19–29. (In Russian). EDN: CVBNMU

12. Sukhanov, E. A. (2015) Predprinimatel'skie korporacii v novoj redakcii grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Entrepreneurial corporations in the new edition of the Civil Code of the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law.* No. 12. Pp. 5–12. (In Russian). EDN: TGVRS

13. Trifonova, A. N. (2020) Analiz hozyajstvennogo partnerstva [Analysis of economic partnership]. *Kiberyurist – Cyberurist.* No. 6. Pp. 70–85. (In Russian). EDN: IFSZVP

14. Fatikhov, R. V. (2016) Pravovye problemy stanovleniya i razvitiya hozyajstvennogo partnerstva v Rossijskoj Federacii [Legal problems of the formation and development of economic partnership in the Russian Federation]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika – The rule of law: theory and practice.* No. 1. Pp. 80–85. (In Russian). EDN: YWSDC

15. Sheveleva, K. I., Shurina, N. A., Stefanova, N. A. (2021) Venchurnye investicii v Rossii: osobennosti, tendencii i aktual'nye problemy [Venture investments in Russia: features, trends and current problems]. *Kreativnaya ekonomika – Creative Economics.* No. 2. Pp. 295–308. (In Russian). EDN: LFMVTH

16. Shchepkina, S. V. (2014) Problemy investicionnoj privlekatel'nosti Rossii [Problems of investment attractiveness of Russia]. *Ekonomika i socium – Economics and society.* No. 4. Pp. 533–536. (In Russian). EDN: UFGVLP

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Кучина Анастасия Сергеевна, студент, Санкт-Петербургский экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0002-4261-3473, e-mail: kuchinaanastasia043@yandex.ru

Лысков Павел Алексеевич, студент, Санкт-Петербургский экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-5868-3467, e-mail: ricevon50@gmail.com

About the authors

Anastasiya S. Kuchina, Student, Saint-Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0002-4261-3473, e-mail: kuchinaanastasia043@yandex.ru

Pavel A. Lysikov, Student, Saint-Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0006-5868-3467, e-mail: ricevon50@gmail.com

Поступила в редакцию: 10.04.2024

Принята к публикации: 30.05.2024

Опубликована: 28.06.2024

Received: 10 April 2024

Accepted: 30 May 2024

Published: 28 June 2024

Информационно-образовательная среда в условиях цифровой трансформации

Л. Ю. Свистунова^{1,2} Ю. А. Свистунов²

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В настоящей статье изложен анализ цифровизации и информатизации образования в Российской Федерации в современных условиях. Исследование цифровизации образования имеет важнейшее значение для характеристики вектора развития Российской Федерации, поскольку отражает современную ситуацию и динамику. В современном мире, цифровые технологии проникают в каждый аспект общественной жизни, экономику, культуру и другие сферы.

Проблемы цифровизации образования всегда сопровождаются необходимостью правового регламентирования и администрирования. В условиях осуществляемой в России реформы образования особое внимание ученых и практических работников уделяется выстраиванию государственной политики государства в сфере науки, образования и просвещения. При этом в числе основных направлений ее развития обязательно выступает качественная организация образовательного процесса в целом, а также отдельных необходимых аспектов, сопровождающих его.

Актуальность данного исследования обусловлена общей проблемой для огромного числа образовательных учреждений – максимально использовать возможности цифровых технологий для российской системы образования, показать многообразие и обеспечить доступность качественного образовательного контента. Показаны возможности создания и внедрения системы LMS – Learning Management System на базе облачных сервисов для организации и повышения эффективности учебного процесса, создания авторского образовательного контента, проведения факультативных занятий.

Ключевые слова: образование, совершенствование и гармонизация законодательства, информатизация и цифровизация.

Для цитирования: Свистунова Л. Ю., Свистунова Ю. А. Информационно-образовательная среда в условиях цифровой трансформации // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 133–149. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_133. EDN: QSF5WU

The Information and Educational Environment in the Context of Digital Transformation

Lyudmila Yu. Svistunova^{1,2}, Yuri A. Svistunov¹

¹ Saint-Petersburg State Economic University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article presents the analysis of digitalization and informatization of education in the Russian Federation in modern conditions. The study of digitalization of education is crucial for characterizing the vector of development of the Russian Federation, as it reflects the current situation and dynamics. In the modern world, digital technologies penetrate every aspect of social life, economy, culture and other spheres.

The problems of digitalization of education are always accompanied by the need for legal regulation and administration. In the context of the ongoing education reform in Russia, scientists and practitioners pay special attention to the development of the state policy of the state in the field of science, education and enlightenment. In this case, among the main directions of its development is necessarily the quality organization of the educational process as a whole, as well as some necessary aspects accompanying it.

The relevance of this study is due to the common problem for a huge number of educational institutions – to maximize the opportunities of digital technologies for the Russian education system, to show the diversity and ensure the availability of quality educational content. The possibilities of creating and implementing LMS – Learning Management System on the basis of cloud services for organizing and improving the efficiency of the educational process, creating author's educational content, conducting optional classes are shown.

Key words: education, improvement and harmonization of legislation, informatization and digitalization.

For citation: Svistunova, L. Yu., Svistunov, Yu. A. (2024) Informatsionno-obrazovatel'naya sreda v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [The Information and Educational Environment in the Context of Digital Transformation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 2 (76). Pp. 133–149. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_133. EDN: QSF5WU

Введение

В современном мире цифровые технологии проникают в каждый аспект политической и общественной жизни, экономику, культуру и образование. При этом образование становится важнейшим фактором для эффективной адаптации людей в цифровой среде.

Развитие информационных технологий существенно меняет формат и содержание образования, это обуславливает необходимость сферы образования быстро адаптироваться к новым реалиям и вызовам, внедрять инновации, которые приведут к изменению информационно-образовательной среды и позволят обеспечить формирование новых цифровых навыков, создающих конкурентные преимущества в перспективе.

Интеграция цифровых и образовательных технологий расширяет возможности получения новых знаний, обеспечивает персонализированный процесс обучения по образовательным программам, выбор темпа обучения, ориентированного на возможности обучающихся, убирает географические и социальные барьеры. Кроме того, появляются широкие возможности для администрирования учебного процесса, управления деятельностью образовательной организацией, оптимизации использования организационных, кадровых и материальных ресурсов. Для управленческой сферы перспективно применение системы электронного документооборота, внедрение новых методов контроля учебного процесса, расширение контента образовательных ресурсов.

В условиях активного развития информационных технологий и цифровизации образовательного процесса появляется необходимость комплексного исследования и модернизации информационно-образовательной среды средней школы. В результате данной модернизации будет обеспечено эффективное использование

цифровых и информационных ресурсов, повышена цифровая грамотность обучающихся и профессорско-преподавательского состава, сформированы условия для современного и компетентностно-ориентированного образовательного процесса.

Правовое регулирование информационной среды образовательного учреждения

В настоящее время направление цифровизации образования, более известное как «цифровизация», закреплено рядом нормативных актов: ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203²; паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда»³ и др.

Направление цифровизации образования имеет два направления реализации. Первое направление охватывает цифровую образовательную среду, а второе направлено на профессиональную деятельность в условиях развивающейся цифровой экономики [5].

Национальный проект «Образование» направлен в первую очередь на достижение национальной цели Российской Федерации, определенной Президентом России Владимиром Путиным, – обеспечение возможности самореализации и развития талантов [3]. Также отдельные мероприятия национального проекта направлены на достижение целей других проектов, таких как «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» и «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей».

¹ Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

³ URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/>

Целевые показатели национальной программы по обеспечению возможностей для самореализации и развития талантов следующие: вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования; формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся; создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций; увеличение доли граждан, занимающихся волонтерской (добровольческой) деятельностью или вовлеченных в деятельность волонтерских (добровольческих) организаций, до 15 процентов; внедрение современной и безопасной цифровой образовательной среды обеспечит высокое качество и доступность образования всех видов и уровней [8].

Следовательно, независимо от места проживания обучающегося, доступ к качественному образованию будет предоставлен на равных условиях [2]. На реализацию программы выделено 74,4 млрд р. из федерального бюджета, из них 62,9 млрд р. переданы субъектам Российской Федерации.

Цифровизация образования на современном этапе развития информационного общества

Современное общество диктует потребность в квалифицированных кадрах, способных работать в напряженных, постоянно меняющихся политических, экономических и социальных условиях. Образование, являясь одним из ключевых институтов, создает условия для развития цифровой экономики [1].

Цифровизация образования представляет собой процесс перехода к цифровой форме и оптимизацию образовательного процесса [11]. Для цифровизации характерно улучшение существующих процессов путем внедрения ИТ-методов оптимизации процессов, их реинжиниринг, анализ данных для принятия решений. Цифровая трансформация является серией глубоких и скоординированных изменений в праве, культуре, персонале и технологиях, которые задействуют новые образовательные и операционные модели и приводят к трансформации институциональных операций, стратегических направлений и ценностных предложений [10]. Для цифровой трансформации характерно соединение возможностей технологий и традиционной сферы деятельности, что приводит к появлению новых продуктов и процессов с принципиально новыми качествами [15].

Современные школьники и студенты выросли в цифровом мире, им нравится использовать гаджеты в повседневной жизни и в учебе. Так, по данным Росстата, более 90 % детей в возрасте от 3 до 14 лет имеют дома персональные компьютеры или планшетные устройства, и 80 % ежедневно пользуются Интернетом [12]. Использование технологий в учебном процессе может помочь педагогам сделать учебный процесс более увлекательным, например при проведении онлайн-квизов от учащихся требуется внимание и сосредоточенность, чтобы быстрее найти правильный ответ. Исследования показывают, что именно такие виды и формы обучения повышают интерес учащихся к предмету [4].

Для достижения целей цифровизации Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве одного из целевых показателей национальной идеи «цифровая трансфор-

мация» указано достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы. Стратегия обозначает ключевые траектории достижения цифровой зрелости отрасли науки и высшего образования как для образовательных организаций высшего образования [10]. Представляется, что без качественного и современного образования достижение подобных целей невозможно.

Мотивационная модель цифровизации образовательного процесса

Достижение целей цифровизации образовательного процесса возможно только при наличии следующих мотивационных моделей:

1. Потребность повышения эффективности и конкурентоспособности – эффективное использование информационных ресурсов и технологий способствует обогащению образовательного процесса.
2. Появление новых технологий – Развитие информационной среды дает возможность внедрять современные образовательные технологии, что делает обучение более интерактивным и увлекательным. Также открывается возможность для персонализированного и дистанционного обучения, электронные образовательные платформы позволяют обучающимся получать знания независимо от места нахождения.
3. Создание системы мотивации и стимулирования сотрудников – мотивированные учащиеся и педагоги более открыты к новым технологиям, креативным подходам и систематическому улучшению знаний. Система мотивации побуждает педагогов и обучающихся к постоянному самосовершенствованию и получению новых компетенций.
4. Стремление к цифровой трансформации – цифровая трансформация позволяет предоставлять учебные материалы онлайн, обеспечивая доступ к образованию всех

обучающихся. Также открывается возможность создания персонализированных учебных планов и материалов, учитывая индивидуальные особенности и потребности каждого обучающегося.

5. Развитие облачных технологий – позволяет собирать и анализировать данные об обучении, что помогает учителям лучше понимать возможности и потребности обучающихся.

Облачные сервисы позволяют автоматизировать административные, хозяйственные и образовательные процессы. Например контроль посещаемости и успеваемости, учет хозяйственных операций, финансовое планирование позволяют улучшить коммуникации между педагогами, учащимися и родителями, обеспечить удобное их взаимодействие [9].

Таким образом, основными целями мотивационной модели образовательного процесса являются: повышение эффективности и конкурентоспособности образовательной организации; осуществление мониторинга новых ИТ-технологий для возможного внедрения в образовательный процесс; внедрение системы мотивации обучающихся для более интенсивного и эффективного использования ИТ-ресурсов; реализация цифровой трансформации образовательного и воспитательного процесса; интеграция облачных технологий в инфраструктуру образовательной организации; улучшение качества и доступности сервисов для ее сотрудников.

Необходимо отметить, что цифровая трансформация нацелена в конечном счете на формирование компетенций и расширений возможностей образовательного процесса, в том числе:

1. На повышение показателей эффективности, рейтинга, рост удовлетворенности потребителей, что приводит к стабильному развитию учреждения.

2. Регулярное обновление технологической базы и оптимизация процессов укрепляет конкурентные преимущества и приводит к снижению издержек.

3. Повышение вовлеченности сотрудников и их работоспособности улучшает качество работы и повышает лояльность сотрудников.

4. Увеличение эффективности и конкурентоспособности гарантирует долгосрочное развитие.

5. Масштабируемость и надежность системы повышает доступность ресурсов.

6. Удовлетворение потребностей сотрудников повышает производительность педагогического персонала.

Отметим, что мотивационные модели цифровизации образовательного процесса в целом и развитие цифровой модели образовательной организации неразрывно связаны и взаимозависимы. Достижение целей развития должно основываться на детальной нормативно-правовой базе, каждой образовательной организации необходимо проработать механизм реализации цифровой образовательной среды.

Образовательные технологии для обучающихся

Образовательные технологии – это широкое понятие, которое включает в себя множество методов и приемов обучения. Важно помнить, что эти технологии не заменяют преподавателей, а лишь помогают им более эффективно осуществлять свою миссию – предоставлять знания новым поколениям.

Одно из наиболее популярных направлений современных технологий обучения – дистанционное обучение. Эта форма обучения позволяет получить знания и умения в удобное для себя время, без необходимости посещения учебных заведений. Она основана на использовании интернет-ресурсов, специальных программ для обучения. Сегодня,

она активно используется в различных сферах деятельности – от получения высшего образования до повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Другим видом современных технологий обучения является мобильное обучение. Эта форма обучения основана на использовании мобильных устройств и различных приложений. Многие образовательные организации и компании предоставляют доступ к обучающим программам и курсам, которые можно проходить на мобильных устройствах в любом месте и в любое время.

Одной из наиболее распространенных технологий обучения являются онлайн-курсы. Они предоставляют доступ к учебному материалу через интернет-ресурсы. Как правило, такие курсы могут быть начаты в любое время и взяты их можно по необходимости, что позволяет сохранить гибкость и свободу в учебном процессе.

Также нельзя забывать и об интерактивном обучении, базирующемся на использовании компьютерных игр и других интерактивных учебных программ. Эти методы обучения стали особенно популярны в последнее время благодаря возможности совместить образование и развлечение.

Дистанционный формат – это метод обучения, основанный на использовании интернет-ресурсов, а также различных программ и приложений для учения. Концепция дистанционного обучения рассматривается как подход, который позволяет обучающимся работать в своем темпе, изучать материалы по своему выбору и получать квалификацию без необходимости посещения учебных заведений. Эта форма обучения нашла свое применение в различных областях деятельности, включая профессиональную подготовку и высшее образование.

Одним из наиболее распространенных видов дистанционного обучения являются онлайн-курсы. Это форма

обучения, которая предоставляет доступ к учебному материалу через Интернет. Обычно эти курсы позволяют начать обучение в любое время и получить сертификат о прохождении курса.

Дистанционное обучение также может быть осуществлено через специальные программы, в которых можно выбирать курсы и просматривать лекции в свое свободное время. Это помогает получить знания и навыки в соответствии с вашими временными и финансовыми возможностями.

Многие учебные заведения также используют видеолекции как форму дистанционного обучения. Учащиеся могут просматривать видеолекции в любое удобное для них время и получать необходимые знания.

Сегодня дистанционные технологии также получили свою форму в виде мобильного обучения. Многие учебные заведения и компании предоставляют доступ к обучающим программам и курсам, которые можно проходить на мобильных устройствах в любом месте и в любое время.

Преимущества дистанционного обучения – экономия времени и денег, а также возможность получить квалификацию в «своем темпе жизни». Однако стоит отметить также и недостатки, такие как отсутствие общения с преподавателем и другими обучающимися, возможные технические проблемы при работе с программами дистанционного обучения и ограниченная возможность общения в режиме реального времени.

Речь идет о новых подходах к продвижению знаний, которые интегрируют различные ресурсы, такие как Интернет, мобильные устройства и различные программы для обучения.

Один из наиболее развивающихся инновационных методов обучения – геймификация. Она основана на использовании игр и элементов игр в обучении. Такие методы помогают создать интерактивный и увлекательный

процесс обучения, что помогает как детям, так и взрослым лучше понять и запомнить материал.

Быстрое развитие Интернета и онлайн-технологий привело к значительному увеличению онлайн-образовательных ресурсов. Сегодня мы имеем открытый и доступный Интернет, поэтому можно найти большое количество бесплатных уроков, онлайн-курсов и образовательных программ.

Кроме того, научно-исследовательский метод обучения также приобрел новые черты благодаря новым технологиям. Использование компьютерных симуляторов, виртуальных лабораторий и других инструментов позволяет студентам получать новые знания и навыки, имитируя научные эксперименты и исследования.

Система электронного обучения и тестирования Moodle

Moodle – Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment – бесплатная система электронного обучения.

Интеграция Moodle – возможность внедрения дистанционного развития и тестирования обучающихся. Модули системы обеспечивают расширение функциональной работы системы, важно учесть, что большинство из них предоставляются бесплатно.

Организации, использующие Moodle, имеют в своем распоряжении широчайший спектр как встроенных, так и интегрируемых функций и плагинов, при помощи Moodle можно создать любую среду обучения, которую только можно придумать. Возможности масштабируемости Moodle поражают, ведь его можно масштабировать от небольших аудиторий до крупных учебных учреждений. Moodle, являясь платформой с открытым исходным кодом, стремится обеспечить безопасность данных и конфиденциальности пользователей, предоставляя

средства контроля безопасности. Для полного контроля присутствует возможность развернуть Moodle на частном сервере учреждения. Учитывая поддержку мобильного интерфейса и кросс-браузерной совместимости, контент на платформе доступен на каждом устройстве.

На данный момент Moodle является одной из самых популярных систем электронного обучения, поддержка осуществляется более чем на 100 языках. Большинство университетов мира работает именно на этой платформе.

Несмотря на то что Moodle раньше закрывала потребности только образовательного сегмента, сейчас в ней появляются новые функции для бизнеса (управления, в случае общеобразовательной организации), например интеграция с корпоративными сервисами, позволяющие как обучающимся, так и сотрудникам учиться где угодно.

Минималистичный дизайн пользовательского интерфейса Moodle не отвлекает от обучения, позволяя обучающимся полностью сконцентрироваться на выполнении текущих задач.

Заключение

Основной целью изменений, связанных с цифровой трансформацией образования, является осуществление перехода к массовому качественному образованию, направленному на всестороннее развитие личности обучающегося. Суть цифровой трансформации образования – достижение каждым обучающимся необходимых образовательных результатов за счет многих факторов, в числе которых персонализации образовательных траекторий благодаря инновационным технологиям, искусственный интеллект, технологии дополненной и виртуальной реальности, управление данными, интернет вещей, блокчейн; расширения ИТ-структуры в образовательных учреждениях: ИТ-оборудование, широкополос-

ный доступ в Интернет, сети передачи данных, наличие специализированного цифрового оборудования и программных продуктов, наличие доступа к сервисам универсального и учебного назначения; изменения учебной работы при помощи цифровых средств обучения других. Представляется, что решение данных проблем возможно и необходимо решать созданием качественной правовой базы, формированием новых организационных условий и выстраиванием системы непрерывного повышения квалификации педагогов, развитием цифровой грамотности у участников образовательного процесса; обеспечением гибкости управления образовательной организацией: совершенствования рабочих процессов, разработки стратегии, создания структур, которые позволят образовательным учреждениям эффективно реагировать на изменения и управлять ими в неопределенной и динамичной среде и др.

В итоге это приведет к повышению качества образования в Российской Федерации.

Список литературы

1. Гумерова Г. Р., Мансурова Т. Г. Проектирование и разработка компонентов информационной системы образовательного учреждения на примере проекта автоматизации работы специалиста по научно-исследовательской работе. – Курск: Университетская книга, 2022. – 140 с. – DOI: 10.47581/2022/Gumerova.01. – EDN: REZXIP
2. Ильина О. П. Информационные технологии в науке и образовании: учебное пособие; Министерство образования и науки Российской Федерации, Санкт-Петербургский гос. экономический ун-т, Кафедра информатики. – СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2015.
3. Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы: сборник статей XII всероссийской научно-практической конференции, Орел, 03 декабря 2021 года / Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. – Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. – 264 с. – EDN: UUXMZU
4. Информационные системы и технологии в образовании, науке и бизнесе: материалы всероссийской научно-практической конференции, Улан-Удэ, 09–10 июня 2022 года / научный редактор А. А. Тонхонова. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2022. – 158 с. – DOI: 10.18101/978-5-9793-1757-1-2022-1-158. – EDN: WXWKUD

5. Калимуллина О. В., Троценко И. В. Современные цифровые образовательные инструменты и цифровая компетентность: анализ существующих проблем и тенденций // Открытое образование. – 2018. – Т. 22. – № 3. – С. 61–73.

6. Кононова, О. В., Прокудин Д. Е. Технологии поиска и анализа данных в научных исследованиях: учебно-практическое пособие – СПб.: Институт Мира и исследования конфликтов, 2022. – 106 с. – DOI: 10.31312/978-5-6044886-4-5. – EDN: HMMBUA

7. Модернизация научной инфраструктуры и цифровизация образования: материалы XI Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 23 июня 2021 года. Том Часть 2. – Ростов-на-Дону: Издательство ВВМ, 2021. – 165 с. – EDN OCXFTA

8. Муртузалиев, М. М. Информационные технологии в образовании: учебно-методическое пособие – Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2022. – 138 с. – DOI: 10.33580/9785001289357. – EDN: VUMYMM

9. Сахарова, О. Н. Формирование информационной компетентности обучающихся на основе использования тренинг-работ при изучении информационных технологий // Актуальные проблемы современной экономики. Математические методы, модели и информационные технологии: сборник докладов XVIII научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых, Таганрог, 14–15 апреля 2017 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2017. – С. 157–162. – EDN: XNXNXN

10. Свистунов Ю. А., Свистунова Л. Ю. Правовые проблемы цифровизации экономики в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 21 (71). – С. 174–187.

11. Свистунов Ю. А., Свистунов А. Ю. Информатизация образования в современных условиях: проблемы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 4 (66). С. 126–137.

12. Современные информационные технологии в образовании и научных исследованиях (СИТОНИ-2021): материалы VII Международной научно-технической конференции, Донецк, 23 ноября 2021 г. / Под общей редакцией В. Н. Павлыша. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2021. – 626 с. – EDN: MOVKSL

13. Трофимов В. Б. Информационно-управляющие системы: учебник для обучающихся по соответствующим специальностям. – М.: Новотроицкий филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», 2022. – 178 с. – EDN: DWQEXV

14. Цифровая культура: учебное пособие для студентов института математики, физики и информационных технологий / А. В. Самохвалов, А. А. Скворцов, И. А. Киселева [и др.]. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А. В., 2022. – 400 с. – EDN: IYMCXG

15. Цифровизация образования: теоретические и прикладные исследования современной науки: материалы XXVII Всероссийской научно-практической конференции в 2-х частях, Ростов-на-Дону, 25 января 2021 года. Том 1. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), ВВМ, 2021. – 348 с. – EDN: UXIKJI

References

1. Gumerova, G. R. (2022) *Proektirovanie i razrabotka komponentov informacionnoj sistemy obrazovatel'nogo uchrezhdeniya na primere proekta avtomatizacii raboty specialista po nauchno-issledovatel'skoj rabote* [Design and development of components of the information system of an educational institution on the example

of a project for automating the work of a research specialist]. Kursk: Universitetskaya kniga. (In Russian). DOI: 10.47581/2022/Gumerova.01. EDN: REZXIP

2. Ilyina, O. P. (2015) *Informatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii: uchebnoe posobie* [Information Technologies in Science and Education: textbook]; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, St. Petersburg State University of Economics, Department of Informatics. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics (In Russian).

3. *Informatsionnoe razvitiye Rossii: sostoyanie, tendentsii i perspektivy* (2022) [Information development of Russia: status, trends and prospects]. Collection of articles of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference, Orel, December 03, 2021 / The Central Russian Institute of Management is a branch of the RANEPA. Orel: Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA. (In Russian). EDN: UUXMZ Y

4. Tonkhonoeva, A. A. (2022) (ed.) *Informatsionnye sistemy i tekhnologii v obrazovanii, nauke i biznese: materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Information systems and technologies in education, science and business]. Materials of the All-Russian scientific and practical conference, Ulan-Ude, June 09–10, 2022. Ulan-Ude: Dorji Banzarov Buryat State University. (In Russian). DOI: 10.18101/978-5-9793-1757-1-2022-1-158. EDN: WXWKUD

5. Kalimullina, O. V., Trotsenko, I. V. (2018) *Sovremennyye tsifrovyye obrazovatel'nye instrumenty i tsifrovaya kompetentnost': analiz sushchestvuyushchikh problem i tendentsiy* [Modern digital educational tools and digital competence: analysis of existing problems and trends. *Otkrytoe obrazovanie – Open Education*. Vol. 22. No. 3. Pp. 61–73. (In Russian).

6. Kononova, O. V., Prokudin, D. E. (2022) *Tekhnologii poiska i analiza dannykh v nauchnykh issledovaniyakh* [Technologies of data search and analysis in scientific research: an educational and practical guide]. St. Petersburg: Institute of Peace and Conflict Research. (In Russian). DOI: 10.31312/978-5-6044886-4-5. EDN: HMMBUA

7. *Modernizatsiya nauchnoy infrastruktury i tsifrovizatsiya obrazovaniya* (2021) [Modernization of scientific infrastructure and digitalization of education]. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, June 23, 2021. Volume 2. Rostov-on-Don: VVM Publishing House, LLC. (In Russian). EDN: OCXFTA

8. Murtuzaliev, M. M. (2022) *Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: uchebno-metodicheskoe posobie* [Information technologies in education: An educational and methodological guide]. Makhachkala: IP Ovchinnikov Mikhail Arturovich (Alef Printing House). (In Russian). DOI: 10.33580/9785001289357. EDN: VUMYMM

9. Sakharova, O. N. (2017) *Formirovaniye informatsionnoy kompetentnosti obuchayushchikhsya na osnove ispol'zovaniya trening-rabot pri izuchenii informatsionnykh tekhnologiy* [Formation of information competence of students based on the use of training works in the study of information technologies]. *Aktual'nye problemy sovremennoy ekonomiki. Matematicheskie metody, modeli i informatsionnye tekhnologii* [Current problems of the modern economy. Mathematical methods, models and information technologies]. Collection of reports of the XVIII scientific and practical conference of teachers, students, postgraduates and young scientists, Taganrog, April 14–15, 2017. Taganrog: Taganrog Institute of Management and Economics. Pp. 157–162. (In Russian). EDN: XNXNXN

10. Svistunov, YU. A., Svistunova, L. YU. (2023) *Pravovyye problemy cifrovizatsii ekonomiki v Rossiyskoy Federatsii* [Legal problems of digitalization of the economy in the Russian Federation]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 21 (71) Pp. 174–187. (In Russian)

11. Svistunov, YU. A., Svistunov, A. YU. (2021) *Informatizatsiya obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh: problemy teorii i praktiki* [Informatization of education in modern conditions: problems of theory and practice]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 4 (66). Pp. 126–137. (In Russian).

12. Pavlysh, V. N. (2021) (ed.) *Sovremennye informacionnye tekhnologii v obrazovanii i nauchnyh issledovaniyah (SITONI-2021)* [Modern information technologies in education and scientific research (SITONI-2021)]. Proceedings of the VII International Scientific and Technical Conference. Doneck, 23 November 2021. – Doneck: Doneckij nacional'nyj tekhnicheskij universitet. (In Russian). EDN: MOVKSL

13. Trofimov, V. B. (2022) *Informacionno-upravlyayushchie sistemy: Uchebnik dlya obuchayushchihsya po sootvetstvuyushchim special'nostyam* [Information and control systems: A textbook for students in the relevant specialties]. Moscow: Novotroickij filial federal'nogo gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya «Nacional'nyj issledovatel'skij tekhnologicheskij universitet "MISI'S". (In Russian). EDN: DWQEXV

14. Samohvalov, A. V., Skvorcov, A. A., Kiseleva, I. A. [i dr.], (2022) (eds.) *Cifrovaya kultura: Uchebnoe posobie dlya studentov instituta matematiki, fiziki i informacionnyh tekhnologii* [Digital culture: A textbook for students of the Institute of Mathematics, Physics and Information Technology]. Tambov: Izd-vo IP Chesnokova A. V. (In Russian). EDN: IYMCXG

15. *Cifrovizaciya obrazovaniya: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya sovremennoj nauki* [Digitalization of education: theoretical and applied research of modern science]. Materials of the XXVII All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Rostov-On-Don, 25 January 2021. Vol. 1. Rostov-On-Don: YUzhnyj universitet (IUBiP), VVM. (In Russian). EDN: UXIKJI

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Свистунова Людмила Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-7864-7566, e-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Свистунов Юрий Андреевич, магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-0155-1015, e-mail: svistunovyuri99@gmail.com

About the authors

Lyudmila J. Svistunova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics; Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-7864-7566, e-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Yuri A. Svistunov, Master's student, Saint-Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-0155-1015, e-mail: svistunovyuri99@gmail.com

Поступила в редакцию: 16.04.2024
Принята к публикации: 30.05.2024
Опубликована: 28.06.2024

Received: 16 April 2024
Accepted: 30 May 2024
Published: 28 June 2024

К вопросу о взаимосвязи концепции предмета доказывания в гражданском процессе и теории иска

Е. А. Нахова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируется взаимосвязь концепции предмета доказывания в гражданском процессе и теории иска. Выявлена взаимосвязь предмета доказывания и фактического основания иска в цивилистическом процессе. Констатируется, что фактический состав спорного правоотношения рассматривается как элемент механизма определения предмета доказывания. Фактический состав спорного правоотношения – уже понятие основания иска. При выполнении общей обязанности по доказыванию подтверждаются именно факты основания иска и возражений против него.

Ключевые слова: цивилистический процесс, предмет доказывания, механизм определения предмета доказывания, теория иска.

Для цитирования: Нахова Е. А. К вопросу о взаимодействии концепции предмета доказывания в гражданском процессе и теории иска // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 150–162. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_150. EDN: AUWRSU

On the Issue of the Relationship Between the Concept of the Subject of Proof in Civil Procedure and the Theory of the Claim

Elena A. Nakhova

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
The North-Western Branch of the Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the relationship between the concept of the subject of proof in civil procedure and the theory of the claim. The interrelation of the subject of proof and the actual basis of the claim in the civil procedure is revealed. The author states that the actual composition of the disputed legal relationship is considered as an element of the mechanism for determining the subject of proof. The actual composition of the disputed legal relationship has already established the basis of the claim. When fulfilling the general obligation of proof, it is the facts of the basis of the claim and objections against it that are proved.

Key words: the civil process, the subject of proof, the mechanism for determining the subject of proof, the theory of the claim.

For citation: Nakhova, E. A. (2024) K voprosu o vzaimosvyazi koncepcii predmeta dokazyvaniya v grazhdanskom processe i teorii iska [On the Issue of the Relationship Between the Concept of the Subject of Proof in Civil Procedure and the Theory of the Claim]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (76). Pp. 150–162. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_150. EDN: AUWRSU

Введение

В гражданском процессе под предметом доказывания понимаются существенные фактические обстоятельства, которые требуется выявить и установить суду для разрешения конфликта между его участниками.

Доказывание может быть осуществлено путем предъявления разнообразных средств доказывания, которые помогут суду принять законное, обоснованное и справедливое решение. В качестве отдельных фактов предмета доказывания можно привести следующие: факты, необходимые для установления прав и обязанностей сторон (факт заключения договора, его условия, исполнение обязательств, нарушение правил и т. д.); факты, связанные с возникновением спора (различные события, обстоятельства или действия, которые стали причиной конфликта между сторонами); факты, подтверждающие или опровергающие юридические аргументы сторон (связаны с обстоятельствами, приводимыми в качестве доказательств в пользу своей позиции); факты, необходимые для определения размера ущерба или компенсации (если дело связано с причинением вреда имуществу, здоровью или другим правам) и др.

Впервые термин «предмет доказывания» был упомянут в работах К. И. Малышева «Курс гражданского судопроизводства»¹.

Значимые исследования категории «предмет доказывания» провели советские процессуалисты: Я. Л. Шутин, Т. А. Лилуашвили, Л. П. Смышляев [3; 7; 10].

Повторим, что в гражданском процессе предметом доказывания являются обстоятельства, которые имеют значение для разрешения дела. Указанные факты определяются в соответствии с применимым законодательством (материальным и (или) процессуальным) и позициями сторон

¹ Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. 2-е. изд. СПб., 1876. Т. 1. С. 272.

в споре. Иск – это одна из значимых категорий процессуальной доктрины, требование, которое предъявляется стороной в отношении другой с целью урегулирования, изменения или прекращения правовых отношений. Иск представляет собой средство защиты прав и интересов граждан и организаций в рамках судебного процесса. Иск может быть направлен на защиту гражданских прав, восстановление нарушенных прав, возмещение ущерба или установление факта наличия или отсутствия правоотношений. Иск может быть подан в суд в отношении как юридических, так и физических лиц. Процесс возбуждения искового производства заключается в письменном обращении к суду, в котором указываются фактическое и юридическое основания иска, требования к ответчику и доказательства, подтверждающие правомерность требований. Теория иска определяет сущность искового процесса, его правовую основу, основные аспекты и содержание права на предъявление и удовлетворение исковых требований, различные виды исков, а также способы защиты ответчика от предъявленных требований и т. д.

Связь между предметом доказывания и теорией иска заключается в том, что предмет доказывания должен быть непосредственно связан с фактическим основанием иска, отдельные исследователи даже отождествляют предмет доказывания и основание иска [1, с. 111–112]. С указанным доводом не согласен О. В. Баулин, справедливо утверждая, что «на суде все равно лежит обязанность соотнести основание иска и перечень фактов, с которыми закон, регулирующий спорные правоотношения, связывает юридические последствия. Такая же обязанность тем более лежит на суде и в случае вольной или невольной ошибки истца в определении основания иска»¹.

¹ Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 106–107.

Исследуя механизм определения предмета доказывания в гражданском процессе, следует указать, что важным элементом в нем является выявление фактического состава правоотношения как предмета доказывания в гражданском процессе. Причем при определении предмета доказывания должны учитываться виды фактических составов, например такие, как фактические составы с элементом конкретизатором [4, с. 205–212], определенный порядок накопления элементов в фактическом составе, динамика фактических составов, а также оценка их завершенности. Фактический состав спорного правоотношения – уже понятие основания иска. При выполнении общей обязанности по доказыванию доказываются именно факты основания иска и возражений против него. Вопросы соотношения теории иска и предмета доказывания в своих исследованиях поднимали следующие процессуалисты: М. К. Треушников, О. В. Баулин, Л. П. Смышляев и др. [7; 9], концепция иска фундаментально исследована в трудах М. А. Гурвича, Г. Л. Осокиной, О. В. Исаенковой, Н. Н. Ткачевой и др.¹[5; 8].

1. Концепции иска в гражданском процессе

Доктринальная концепция иска в процессуальной теории вызывает споры и обсуждения. В научной литературе выделяются различные подходы к пониманию иска, среди которых основными можно считать следующие концепции. Одну из концепций термина «иск» в гражданском процессе можно объяснить через материально-правовой подход, согласно которому иск представляет собой материальное требование одного лица к другому. Процессуально-правовая концепция

¹ Гурвич М. А. Учение об иске: учеб. пособие. М., 1981. 40 с.; Исаенкова О. В. Иск в гражданском судопроизводстве: учеб. пособие / под ред. М. А. Викут. Саратов, 1997. 96 с.; Исаенкова О. В., Николайченко О. В., Соловьева Т. В., Ткачева Н. Н. Иск в гражданском судопроизводстве: учеб. пособие / под ред. О. В. Исаенковой. М., 2024. 208 с.

иска характеризует просьбу лица к суду о защите нарушенного или оспоренного права через обращение за защитой. Третий подход к определению иска находит большее одобрение среди исследователей процессуальной доктрины. Согласно данной концепции, иск рассматривается в двух аспектах: материально-правовом, определяющим требование одного лица к другому, и процессуально-правовом, выражающим обращение лица к суду о защите нарушенного или оспоренного права.

2. Элементы иска

В юридической литературе обычно используется термин «элементы иска». В доктрине впервые введено понятие «черты, характеризующие иск» О. В. Исаенковой¹. В некоторых исследованиях авторы используют термин «элементы иска», чтобы охарактеризовать предмет, основание и содержание иска² [6, с. 85–87]. Некоторые ученые расширяют аспекты исследования, дополняя элементы иска упоминанием его сторон. Юристы часто выделяют только предмет и основание иска. Думается, целесообразно указать следующие элементы: предмет, основание и содержание. Предметом иска является само правовое требование, выдвигаемое одной стороной против другой. Основание иска объединяет фактические обстоятельства (фактическое основание) и нормы права (юридическое основание), демонстрирующие нарушение или предполагаемое нарушение прав и законных интересов истца, что дает ему право обратиться за судебной защитой. Содержание иска определяет требуемое действие, которого истец ожидает от суда в отношении ответчика.

¹ Исаенкова О. В. Указ соч.

² Гурвич М. А. Указ. соч. С. 6–10.

3. Виды исков в гражданском процессе

Судебной практике известны различные виды исков, наиболее распространенные из них: иски о взыскании денежных средств в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением договора, возмещением ущерба и т. д.; иски о защите личных неимущественных прав, подаваемые в целях их защиты, таких как честь, достоинство, неприкосновенность личности и др.; иски о восстановлении нарушенных прав (иски о расторжении договора, о признании сделки недействительной, о признании права собственности и др.); иски о признании определенных состояний (признании брака недействительным, признании наследника и др.); иск о принуждении к совершению определенных действий и др.

В каждом конкретном случае необходимо правильно определить вид иска в соответствии с доктринальной классификацией исков, о которой пойдет речь далее, и обосновать требования и возражения в соответствии с законодательством.

Проблематика видов исков в доктрине цивилистического процессуального права представляется дискуссионной. Традиционна классификация исков по двум основаниям: а) процессуально-правовому признаку; б) характеру материально-правового требования. Классификация исков по характеру материально-правового требования позволяет дифференцировать дела по отдельным категориям споров: семейные, жилищные, земельные, наследственные и т. д.

Классификация исков по процессуально-правовому признаку позволяет различать иски о присуждении, о признании и преобразовательные иски. Причем последние выделяются не всеми. Впервые обосновал концепцию преобразовательных исков М. А. Гурвич. Иски о присуждении направлены на принудительное

подтверждение судом права истца, обязанности ответчика, в целом правоотношения «в состоянии пригодном к принудительному исполнению». Иски о признании – это направленное к суду требование о подтверждении существования (положительный иск) или отсутствия (отрицательный иск) права истца, обязанности ответчика, правоотношения в целом. Преобразовательные иски – это иски, которые имеют своим содержанием материально-правовое действие (правообразующее, правоизменяющее, прекращающее)¹.

В научной литературе и действующем законодательстве представлены и иные виды исков: групповые, косвенные; иски, возникающие из корпоративных отношений и т. д.

4. Фактическое основание иска как предмет доказывания в гражданском процессе

Фактический состав правоотношения рассматривается нами как составная часть механизма определения предмета доказывания, который представляет собой процессуально-правовой феномен, включающий систему взаимодействующих компонентов.

Юридическая классификация спорного материального правоотношения является первым элементом механизма определения предмета доказывания. Вторым элементом выступает определение предмета доказывания через структуру норм материального права. Третий элемент можно описать как осуществление конкретизации как формы судебного усмотрения при определении предмета доказывания. Четвертый элемент заключается в реализации судебных полномочий при установлении фактических обстоятельств дела. Понимание и учет судом требований и возражений сторон является ключевым аспектом определения предмета доказывания, выступая пятым эле-

¹ Гурвич М. А. Указ. соч. С. 21–39.

ментом. Шестым элементом служит выявление порядка реализации этапов определения юридически значимых обстоятельств. В качестве седьмого элемента механизма рассматривается установление общих и частных правил определения предмета доказывания. Также элементами выступают выявление фактического состава правоотношения и с учетом его динамика. В качестве девятого факультативного элемента может быть охарактеризован порядок выявления судебных ошибок в определении фактического состава [4, с. 342–343]. Как было указано, фактический состав спорного правоотношения – уже понятие основания иска. По справедливому утверждению О. В. Исаенковой, в основание иска дополнительно включаются юридические факты, подтверждающие право на судебную защиту в целом, и в исковом производстве в частности¹. Правовое основание иска составляют юридические нормы, которые определяют как материальное, так и процессуальное право, регулирующие субъективные права или охраняемые законом интересы. Оно также включает право на доступ к судебной защите через исковую процедуру и нормы, определяющие процесс реализации этого права².

В зависимости от разделения исков по процессуально-правовому критерию, суд рассматривает разнообразные совокупности юридически значимых фактов.

При рассмотрении исков о присуждении и признании, суд определяет основные факты спорного правоотношения между сторонами и основания иска. Индивидуализирующим обстоятельством в контексте иска о присуждении выступает субъективное право истца, получившее качество притязания. В преобразовательном иске³ уста-

¹ Исаенкова О. В., Демичев А. А., Соловьева Т. В., Ткачева Н. Н. Иск в гражданском судопроизводстве / под ред. О. В. Исаенковой. М., 2009. С. 39 (автор главы – О. В. Исаенкова).

² Там же.

³ Так, Т. А. Григорьева возражает против выделения преобразовательных исков, см: Григорьева Т. А. Проблемы арбитражной юрисдикции в России. История возникновения и пути решения на современном этапе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 355.

навливаются обстоятельства спорного правоотношения. Индивидуализирующими обстоятельствами в данном контексте являются факт и условия, ведущие к прекращению или изменения правоотношения [2, с. 26–27, 32].

Таким образом, не лишено логики утверждение отдельных исследователей о связи основания иска и предмета доказывания. В современной процессуальной литературе справедливо акцентируется связь между предметом доказывания и обязанностями по доказыванию [9, с. 29]¹, поэтому «предмет доказывания рассматривается в комплексе с учением об иске, его основании и опровержении и иска (возражениями)» [7, с. 6–10; 9, с. 29].

Заключение

В порядке искового производства рассматривается основная масса дел в судах.

В научной литературе широко признается выделение ключевых черт искового производства: наличие спора о праве, осуществление процессуальной деятельности способами, установленными в ст. 12 ГК РФ, равенство субъектов спора в материально-правовом отношении, наличие истца и ответчика как сторон искового производства и исковых средств защиты права. При этом дискуссионна концепция административного иска. Административный иск возбуждается и предъявляется в административном порядке с целью защиты публичных прав. Административный иск может быть подан, например, в случае нарушения прав и законных интересов граждан или организаций государственными учреждениями или должностными лицами.

В доктрине выделяют три основных точки зрения на правовую природу административного иска: некоторые исследователи различают простой и экстраординар-

¹ Баулин О. В. Указ. соч. С. 95.

ный административный иск (В. А. Рязановский); другие разделяют концепцию гражданского и административного иска, где под последним понимается требование заявителя к суду о проверке законности актов, решений и действий (или бездействия) государственных органов и их должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, подлежащее рассмотрению в административном судопроизводстве (Ю. А. Попова); третьи исследователи утверждают, что иск не должен применяться в качестве способа защиты в административных правоотношениях (П. Ф. Елисейкин)¹.

Нами разделяется точка зрения о разграничении гражданского и административного исков. Способами защиты публичных прав являются признание недействующим акта нормативного или ненормативного характера органа государственной власти, органа местного самоуправления, незаконным действия (бездействия) должностного лица, государственного или муниципального служащего, признание права, возложение обязанности, восстановление положения до нарушения публичного права, изменение или прекращение существующего правоотношения и др.

Таким образом, к условиям удовлетворения иска в полном объеме можно отнести соответствие его основания гипотезе и диспозиции применяемой нормы материального права, предмета – санкции. Необходимо убедиться, что все исковые требования подтверждены соответствующими доказательствами².

В ходе анализа мы исследовали сущность и значение иска в судебном процессе, осветили концепции иска, черты, характеризующие иск. Особое внимание удели-

¹ Исаенкова О. В. Демичев А. А. Соловьева Т. В., Ткачева Н. Н. Иск в гражданском судопроизводстве / под ред. О. В. Исаенковой. М., 2009. С. 14–16 (автор главы – О. В. Исаенкова).

² Трофимова Л. В. Основания к отмене судебных решений, не вступивших в законную силу: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 58.

ли материально-правовым и процессуально-правовым сторонам иска, которые определяют иск как требование одного лица к другому и обращение к суду для защиты права. Исследовали значимость теории иска для понимания процесса правовой защиты и осуществления прав в суде, охарактеризовали фактическое основание иска как предмет доказывания. Проведенный анализ выявил спорные вопросы в теории иска и различные подходы к их пониманию.

Список литературы

1. Амосов С. Предмет доказывания в арбитражном процессе // Хозяйство и право. – 1997. – № 9. – С. 111–114.
2. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М., 1966. – 192 с.
3. Лилуашвили Т. А. Предмет и бремя доказывания в советском гражданском процессе. Тбилиси, 1957. 103 с.
4. Нахова Е. А. Теоретические и прикладные проблемы учения о предмете доказывания в гражданском судопроизводстве: монография. – СПб.: ВВМ, 2023. – 439 с.
5. Осокина Г. Л. Иск: теория и практика. – М., 2000. – 186 с.
6. Осокина Г. Л. Проблемы иска и права на иск. – Томск, 1989. – 193 с.
7. Мышляев Л. П. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе. – М., 1961. – 47 с.
8. Ткачева Н. Н. Гарантии защиты прав и интересов в исковом производстве. – Саратов, 2021. – 220 с.
9. Треушников М. К. Судебные доказательства. – 5-е изд., доп. – М., 2021. – 302 с.
10. Штутин Я. Л. Предмет доказывания в советском гражданском процессе. – М., 1963. – 186 с.

References

1. Amosov, S. (1997) *Predmet dokazyvaniya v arbitrazhnom processe* [The subject of proof in the arbitration process]. *Hozyajstvo i pravo – Economy and law*. No. 9. Pp.111–114. (In Russian)
2. Zejder, N. B. (1966) *Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu* [A court decision in a civil case]. Moscow. (In Russian)
3. Liluashvili, T. A. (1957) *Predmet i bremya dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject and burden of proof in the Soviet civil procedure]. Tbilisi. (In Russian)
4. Nakhova, E. A. (2023) *Teoreticheskie i prikladnyye problemy ucheniya o predmete dokazyvaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Theoretical and applied problems of the doctrine of the subject of evidence in civil proceedings]. Monography. Saint-Peterburg: VVM. (In Russian)

5. Osokina, G. L. (2000) *Isk: teoriya i praktika* [Lawsuit: theory and practice]. Moscow. (In Russian)

6. Osokina, G. L. (1989) *Problemy` iska i prava na isk* [The problems of the claim and the right to claim]. Tomsk. (In Russian).

7. Smy`shlyayev, L. P. (1961) *Predmet dokazy`vaniya i raspredelenie obyazannostej po dokazy`vaniyu v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject of proof and the distribution of evidentiary duties in the Soviet civil procedure]. Moscow. (In Russian)

8. Tkacheva, N. N. (2021) *Garantii zashhity` prav i interesov v iskovom proizvodstve* [Guarantees of protection of rights and interests in the claim proceedings]. Saratov. (In Russian)

9. Treushnikov, M. K. (2021) *Sudebny`e dokazatel`stva* [Judicial evidence]. 5th ed. Moscow. (In Russian)

10. Shtutin, Ya. L. (1963) *Predmet dokazy`vaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject of proof in the Soviet civil procedure]. Moscow. (In Russian)

Об авторе

Нахова Елена Александровна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

About the author

Elena A. Nakhova, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, The North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

Поступила в редакцию: 15.04.2024
Принята к публикации: 06.05.2024
Опубликована: 28.06.2024

Received: 15 April 2024
Accepted: 06 May 2024
Published: 28 June 2024

Становление понятия стандарта доказывания в российской правовой доктрине и соотношение с иными категориями доказательственного права

Е. А. Нахова,¹ Д. В. Царькова²

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируется формирование стандарта доказывания в российской правовой доктрине исходя из исторического аспекта англосаксонской и романо-германской правовых семей. Выявлена взаимосвязь стандарта доказывания с процессом доказывания, предметом доказывания. Констатируется положение о дифференциации правовых категорий «предмет доказывания» и «стандарт доказывания». Под предметом доказывания понимаются юридически значимые обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения спора. Стандарт доказывания можно охарактеризовать как критерий (модель доказывания), в соответствии с которым суд выносит решение в пользу той стороны, которая успешнее справилась с обязанностями по доказыванию.

Ключевые слова: цивилистический процесс, доказывание, стандарт доказывания, предмет доказывания.

Для цитирования: Нахова Е. А., Царькова Д. В. Становление понятия стандарта доказывания в российской правовой доктрине и соотношение с иными категориями доказательственного права // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 163–178. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_163. EDN: BLKQJW

The Formation of the Concept of the Standard of Proof in the Russian Legal Doctrine and its Relation to Other Categories of Evidentiary Law

Elena A. Nakhova,¹ Daria V. Tsarkova²

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² Northwest Branch of the Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the formation of the standard of proof in the Russian legal doctrine based on the historical aspect of the Anglo-Saxon and Romano-German legal families. The interrelation of the standard of proof with the process of proof, the subject of proof, is also revealed. The authors state the position on the differentiation of the legal categories "subject of proof" and "standard of proof". The subject of proof is understood to be legally significant circumstances that are important for the proper consideration and resolution of the dispute. The standard of proof can be described as a criterion (model of proof) according to which the court makes a decision in favor of the party that has successfully coped with the duties of proof.

Key words: civil procedure, proof, standard of proof, subject of proof.

For citation: Nakhova, E. A., Tsarkova, D. V. (2024) Stanovlenie ponyatiya standartov dokazyvaniya v rossijskoj pravovoj doktrine i sootnoshenie s inymi kategoriyami dokazatel'stvennogo prava [The Formation of the Concept of the Standard of Proof in the Russian Legal Doctrine and its Relation to Other Categories of Evidentiary Law]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (76). Pp. 163–178. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_163. EDN: BLKQIW

Введение

Тематика стандарта доказывания в последнее время приобретает все большую актуальность. Установление фактических обстоятельств дела – это основа для разрешения судебного спора. Судья при признании доказательств достаточными, бремя доказывания соответствующей стороны выполненным, а спорного факта установленным как раз руководствуется принципом судебной истины, но достижение этого принципа происходит путем соотнесения тех характеристик, которые содержит в себе стандарт доказывания.

Проблематикой стандарта доказывания занимались следующие исследователи: И. В. Решетникова [7; 8], М. А. Плюхина¹, Е. Ю. Веденев², А. И. Бычков [4], Ю. А. Свирин [10], А. Г. Карапетов [5], А. С. Косарев [4], И. О. Бурцев [3], А. А. Смола [11], В. О. Робышев [9], М. А. Козлов [6], С. Л. Будылин [1; 2] и др.

1. Стандарт доказывания в правовых доктринах стран англосаксонской системы права

Прежде чем подходить к вопросу исследования значения и места стандарта доказывания в цивилистическом процессе современной системы процессуального права, необходимо проанализировать возникновение и становление стандарта доказывания в различных правовых доктринах. Определение «стандарт доказывания» нехарактерно для системы отечественного права, оно получило активное развитие лишь в настоящее время, по тематике стандарта доказывания проводятся научные конференции, формируется судебная практика, в том числе прак-

¹ Плюхина М. А. Процессуальные средства обеспечения эффективности судопроизводства по гражданским делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 7.

² Веденев Е. Ю. Доказывание в арбитражном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики: на примере доказывания в спорах по имущественному страхованию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 6–7.

тика Верховного суда РФ. Но в странах англосаксонского права стандарт доказывания приобрел главенствующее значение, так как при принятии судебных решений, а также при заседании присяжных необходимо распределять риски при вынесении ошибочного решения и ориентироваться в допустимости уровня сомнения.

Процесс доказывания, характерный для английского процессуального права, осуществляет в себе последовательно совершаемые действия, которые направлены на установление фактических обстоятельств дела и устранение возражений и обоснования требований сторон. Английское доказательственное право для отечественного исследователя-процессуалиста составляет целый пласт ценных знаний, которые основываются на более глубоком историческом опыте и преемственности, а также фундаментальной разработанности судебной практики. На современном этапе развития рассматриваемой категории теологический аспект стандарта доказывания, безусловно, не играет той роли, что придавалась ему в Средневековье. Однако само название «стандарт доказывания» говорит о необходимости убедиться в достоверности тех доказательств, которые представляются в процесс с целью устранить сомнения в установлении вины подсудимого. «Законодатель предполагает, что в достоверности факта нет вообще ни тени сомнения (*beyond a shadow of doubt*), подразумевается, что все иные возможности объяснения доказательств являются маловероятными» [1, с. 25–57]. Разграничение стандартов доказывания в американской правовой системе достаточно обширно, они применяются не только в осуществлении правосудия. Иные стандарты, как например «достаточное основание» (*probable cause*) и «обоснованное подозрение» (*reasonable suspicion*) осуществляется в целях различных следственных действий (обыска или

ареста). Применение описываемых стандартов осуществляется в связи с тем, чтобы при выполнении своих обязанностей полицейским была обоснована разумность своих подозрений. При отсутствии этого следственные действия признаются незаконными. В европейской системе права такой стандарт, как «достаточное основание» (*reasonable suspicion*) также нашел свое достаточно частое применение. Также данная формулировка закреплена в российской норме при избрании меры пресечения обвиняемому или подозреваемому (ст. 97 УПК РФ). При обосновании применения перечисленных стандартов доказывания можно сделать вывод, что в англосаксонской правовой системе при использовании данного стандарта существует определенная оценочная система допустимых и недопустимых последствий. Наилучшая совокупность таких последствий как положительных, так и отрицательных, дает возможность наиболее выигрышного итога, так как от него зависит степень общественной полезности [13, с. 352–370]. Ошибка, которую допускают присяжные или суд, является итогом возникновения негативного последствия, но полностью исключить ошибки невозможно. Именно стандарт доказывания сокращает возможность получения ошибок, но преимущественную роль олицетворяют вопросы вероятности и ее предположения. Множественность законодательства американских штатов не влияет на смежный подход к стандарту доказывания, а специальный доказательственный Кодекс подтверждает масштабность подходов к вопросам доказывания. Представленные ранее доказательства являются основанием к рассмотрению дела в цивилистическом процессе США, так как главным отличием американского процесса является досудебное разрешение спора, а применение стандарта доказывания в данном случае достаточно нечастое свойство.

2. Стандарт доказывания в правовых доктринах стран континентальной правовой системы

Правила доказывания, действующие в континентально-европейских странах, радикально отличаются от правил доказывания, действующих в англосаксонских странах. Проводя анализ стандарта доказывания в континентальной правовой системе, необходимо отметить, что процессуальное законодательство стран основывается на фактах при вынесении решения судьей. Необходимо, чтобы судья был убежден в их достоверности, которая базируется на всесторонней оценке представленных доказательств. В отличие от англосаксонской правовой системы, где суд молчаливо выслушивает предъявленные доводы, в романо-германской правовой семье суд – активный участник процесса. Копирование континентальными юристами системы суда присяжных в процессе реформ XVIII в. послужило отправной точкой современного правосудия в отрасли оценки доказательств. Можно сказать, что большую роль играет стандарт «по внутреннему убеждению», а стандарт доказывания о «допустимом уровне сомнений» уходит на второй план. Такая доказательственная практика сложилась в ряде стран, например во Франции. Заимствование французскими законодателями суда присяжных получило развитие в уголовном судопроизводстве, которое, безусловно, было перестроено на континентальный лад, где система шла по пути развития идеи стандарта «внутреннего убеждения», сравнивая его со стандартом «вне разумных сомнений». Большую роль приобрел стандарт «по внутреннему убеждению», он был закреплен в Уложении об уголовных инструкциях 1808 г. Статья 342 Уложения гласит, что прежде чем приступить к совещанию, председатель присяжных зачитывает им следующую инструкцию, которая также вывешивается крупным шрифтом

на самом видном месте в их комнате: «Закон не говорит им: вы будете считать истинным любой факт, подтвержденный таким-то и таким-то количеством свидетелей; и не говорит им: вы не будете принимать во внимание, если они достаточно известны, какие-либо доказательства, которые не будут составлены на основе такого отчета, таких документов, таких свидетелей или таких показателей; она задает им только этот единственный вопрос, в котором заключена вся мера их долга: есть ли у вас внутреннее убеждение?»¹.

Переходя к современному историческому этапу, можно сказать, что континентальная судебная система носит смешанный характер. Как ясно из вышеизложенного, само определение понятия «внутреннего убеждения» не имело иных вариаций в прочно законодательно принявшем его континентальном праве. При осмыслении соотношений определения «внутреннего убеждения», суть которого в оценке доказательств судьей и присяжными по своему внутреннему убеждению, и стандарта доказывания, у правоведов сложились противоположные точки зрения. Безусловно, оно отличается от вышеописанных стандартов доказывания англосаксонской системы права. В первую очередь, потому что несет в себе субъективный характер. Понять, действительно ли суд так считает, представляется затруднительным, потому что отсутствует логическое построение мысли на теории вероятности как в стандартах иной правовой семьи. Представляется возможным как итог уделить отдельное внимание краткому сравнительному анализу двух правовых систем в вопросе применения стандарта доказывания, но исключить при этом повторения теоретической части и сделать акцент на тенденции развития данной тематики в научных кругах.

¹ URL: https://ledroitcriminel.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_instruction_criminelle_1808/code_instruction_criminelle_2.htm. (дата обращения 21.04.2024).

В юридической литературе активно противопоставляются две правовые системы в качестве подходов к стандарту доказывания. Одни ученые-юристы приравнивают европейский позитивный стандарт доказывания к англоамериканскому стандарту «вне разумных сомнений», но затем, противореча самим себе, критикуют континентально-европейское правосудие за использование повышенного стандарта доказывания по гражданским делам. Правоведы уверены, что такое использование повышенного стандарта доказывания нецелесообразно, но существует альтернативное мнение ученых, которые считают, что такое положение дел не соответствует действительности, и на самом деле континентальные суды руководствуются подходящим стандартом доказывания по гражданским делам [14, с. 84]. Первичные упоминания о доказательствах и их оценке появились еще до общего разделения систем права, но и после произошедшего разделения каждая система продолжила усовершенствовать существующие нормы в связи со своими правовыми особенностями. Например, система континентального права хоть и имела в практике нормы, когда могла действовать по своему усмотрению, но все же делала больший упор на сами доказательства, чем англосаксонская.

Существовавшая в континентальной природе правоприменительная практика действовать по своему усмотрению не означала, что имеются только лишь всеобъемлющие права и отсутствуют какие-либо обязанности. Вышестоящая инстанция при проверке правильности вынесенного решения указывала в своем нормативном документе принятые судьей определяющие объективные критерии при вынесении вердикта, это было своеобразной проверкой законности. В отличие от англосаксонской системы права, которая негласно делилась

на профессиональную (суд) и непрофессиональную (присяжные заседатели) и где правила оценки доказательств были сформированы в инструкциях, а порядком реализации руководили присяжные, в прописанных законах континентальной системы права правила оценки доказательств являлись теоретическим базисом, а форма и степень их реализации зависела от усмотрения суда.

Безусловно, чтобы основательно совершать исследование, направленное на анализ двух систем права, требуется значительная подготовка и различные исследования, целью которых будет выявление абсолютно одинаковых дел, с одинаковым набором доказательств, и лишь тогда будет ясна картина отправления правосудия в англосаксонской и континентальной системах права.

3. Формирование стандарта доказывания в российской правовой доктрине исходя из исторического аспекта англосаксонской и романо-германских правовых семей

Анализ двух семей права нацелен на функционирование понятия стандарта доказывания в отечественном праве.

Представляется возможным определить стандарт доказывания в историческом промежутке как модель, применяющаяся в российском судопроизводстве, достаточно молод, но за ним уже закрепились определенные базисы для его определения и применения. Эти базисы дают основу для дальнейшего совершенствования понятия стандарта доказывания и развития в российском судопроизводстве, что приводит к более тщательному и достоверному разрешению дела. Тенденции развития стандарта доказывания проходят с анализом зарубежной практики и формирования точечного подхода применительно к российскому судопроизводству. Для более глубокого понимания стандарта доказывания необходимо разобрать

степень влияния права на него. Процесс признания права доказывания российскими судьями происходит в связи с правовыми нормами, это безусловно правильно. Но при анализе подхода стандарта доказывания в сознании судей необходимо прибегать не только к правовому обеспечению, но и пытаться разработать субъективную уверенность судьи в установлении истинности факта, опираясь на подходящие стандарты доказывания. Так как стандарт доказывания – это не логически последовательные действия, где результат предопределен, это лишь способ в достижении допустимого уровня сомнений, уровень допустимых сомнений должен быть регламентирован.

Происходящий процесс доказывания в настоящее время осуществляется в рамках позитивного стандарта, т. е. определения степени убедительности комплекса доказательств, который предоставляет сторона, как суд определяет их достаточными и допустимыми, а также, как такой подход раскрывается на практике. Иначе говоря, применяя позитивный стандарт, мы говорим о том, что есть сейчас, т. е. существует в настоящем и является социально принятой нормой. С помощью данного стандарта мы можем анализировать применение права на практике, пытаться повлиять на этот процесс и модернизировать, а впоследствии закрепить различные подходы к определению допустимому уровню сомнений. Право неразрывно связано со стандартом доказывания и влияет на него, пытаюсь унифицировать стандарт доказывания, закрепить за определенной категорией споров повышенный или наоборот пониженный стандарт, работая при этом над формированием более упорядоченного и заранее проработанного процесса доказывания для сторон, тем самым уменьшить количество ошибок.

Все это описание нормативного стандарта доказывания, который подразумевает за собой предполагаемое

должное. Он осуществим только при том условии, когда ученые-юристы, законодатель или высшие суды в связи со своими возможностями стремятся улучшить применение волнообразно развивающегося стандарта доказывания. Разрабатывающийся нормативный стандарт доказывания может иметь существенные различия от иных категорий, сформировавшихся на практике. Так как российское правотворчество идет по пути континентально-европейской системы права, то в отечественном процессе отличается линия позитивного стандарта доказывания. Иными словами, выбор подходящего стандарта, а также поиск оптимальной степени уверенности в истинности доказываемого факта остается на усмотрение суда.

Существующая проблема отсутствия законодательного закрепления понятия стандарта доказывания, а значит и характеристики его видов, приводят к множеству различных подвидов и трактовок. Поэтому представляется возможным внести предложения по совершенствованию существующего законодательства и предложить свою сформулированную градацию стандартов, а также пояснений, которые помогают отличить их друг от друга. Установление оптимально выбранного стандарта доказывания не должно происходить в хаотичном порядке и быть непонятным для иных заинтересованных лиц, ведь тогда можно ставить вопрос о легитимности данного процесса.

4. Предмет доказывания и стандарт доказывания в гражданском процессе

В судебной практике иногда смешиваются понятия «предмет» и «стандарт доказывания». В качестве первого рассматриваются юридически значимые факты, определяемые судом на основании применения нормы материального и (или) процессуального права, с учетом требований и возражений лиц, участвующих в деле. Со-

временная процессуальная доктрина определяет понятие «стандарт доказывания» как совокупность следующих позиций исследователей-процессуалистов: 1) критерия, заключающегося в том, что суд принимает решение в пользу той стороны, которая предоставила более убедительные и весомые доказательства в поддержку своей позиции, успешнее выполнив обязанности по доказыванию¹; 2) стандарты (критерии) доказывания устанавливают минимальные требования к доказательствам, которые должна предоставить сторона, несущая первичное бремя доказывания, чтобы суд мог принять решение в ее пользу, прежде чем обязанность по доказыванию перейдет к другой стороне²; 3) установление истины представляет собой определённый стандарт доказывания, последний определяет момент завершения рассмотрения дела, когда судья обладает всеми основаниями для вынесения решения в интересах одной из сторон. Решение суда основывается на внутреннем убеждении в наличии или несуществовании фактов, на которые ссылаются участники процесса, при этом разрешается принятие решений, основанных на вероятности [8, с. 286–287].

Поэтому стандарт доказывания служит связующим элементом между предметом доказывания и обязанностями по доказыванию. Изложенные выше определения стандарта доказывания отражают в полной мере его черты. При выполнении этого критерия обязанной стороной устанавливается одно из юридически значимых обстоятельств предмета доказывания с той ли иной долей вероятности и обязанность по доказыванию переходит к другой стороне. При недостаточности доказательств либо несоответствии их пороговым требованиям, суд отказы-

¹ Плюхина М. А. Указ. соч. С. 7.

² Цветков И. В. Налогоплательщик в судебном процессе: практ. пособие по судебной защите. М., 2004. С. 27.

вает в удовлетворении иска на основании невыполнения обязанности по доказыванию истцом.

Заключение

В историческом отрезке понятие стандарта доказывания для отечественной науки нехарактерно, оно появилось в ней сравнительно недавно, но анализ возникновения данного понятия в англосаксонской и континентальной правовой семье говорит об обратном.

Первичные упоминания о доказательствах и их оценке появились еще до общего разделения систем права, но и после произошедшего разделения каждая система продолжила усовершенствовать существующие нормы в связи со своими правовыми особенностями. Например, система континентального права хоть и имела в практике нормы, когда могла действовать по своему усмотрению, но все же делала больший упор на сами доказательства, чем англосаксонская.

Проанализировав и обобщив различные подходы к пониманию определения стандарта доказывания в теории и его практического применения в англо-саксонской и романо-германской системе права представляется возможным говорить о проникновении понятия стандарта доказывания в российскую доктрину и судебную практику.

Но при возникновении новых категорий дел, формирования новой правоприменительной практики появилась необходимость модернизировать подходы к стандарту доказывания.

Стандарт доказывания в историческом промежутке как модель, применяющаяся в российском судопроизводстве, достаточно молод, но за ним уже закрепились определенные базисы для его определения и применения. Эти базисы дают основу для дальнейшего совершенствования понятия стандарта доказывания и развития

в российском судопроизводстве, что приводит к более тщательному и достоверному разрешению дела. Тенденции развития стандарта доказывания проходят с анализом зарубежной практики и формирования точечного подхода на российское судопроизводство.

Отвечая на вопрос, оптимальна ли потребность отечественного права в теоретическом определении и законодательном закреплении стандарта доказывания, необходимо обратиться к анализу судебной практики, включая практику высших судебных инстанций. Результат этого анализа говорит о необходимости такого определения, которое должно исходить из нормы права. На сегодняшний день примером такой нормы может служить п. 5 ст. 393 ГК РФ, согласно которому размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности.

Список литературы

1. Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 3. – С. 25–57.
2. Будылин С. Л. Стандарты доказывания в банкротстве. По мотивам определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.06.2018 № 305-ЭС18–413 // Вестник экономического правосудия. – 2018. – № 11. – С. 130–157.
3. Бурцев И. О. Стандарты доказывания и проблема установления истины // Законодательство. – 2024. – № 1. – С. 16–21.
4. Бычков А. И. Правила поведения и стандарты доказывания в арбитражном процессе. – М., 2024. – 108 с.
5. Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. Приложение. – 2019. – № 5. – С. 4–96.
6. Козлов М. А. Стандарты доказывания как результат рецепции иностранного процессуального права // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – № 4. – С. 28–39.
7. Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. – М., 2021. – 320 с.
8. Решетникова И. В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. Екатеринбург, 1997. – 366 с.
9. Робышев В. О. Свободная оценка доказательств или стандарты доказывания: российский и английский гражданский процесс // Законодательство. – 2019. – № 2. – С. 65–70.

10. Сви́рин Ю. А. Размышления о гражданском процессе: монография. – М., 2022. – 544 с.
11. Смола А. А. Стандарты, доказывания и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия. – 2018. – № 8. – С. 129–165.
12. Токарева Е. В. К вопросу о стандартах доказывания в делах о банкротстве // Законодательство о банкротстве: преемственность и новации: монография / отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. – М., 2023. – 348 с.
13. Mungan M. C. A Utilitarian Justification for Heightened Standards of Proof in Criminal Trials // Journal of Institutional and Theoretical Economics. – 2011. – Vol. 167. – № 2. – P. 352–370.
14. Wright R. W. Proving Facts: Belief versus Probability // Koziol H., Steininger B. C., eds. European Tort Law. – Wien, 2008. – P. 79–105.

References

1. Budy`lin, S. L. (2014) Vnutrennee ubezhdenie ili balans veroyatnostej? Standarty` dokazy`vaniya v Rossii i za rubezhom [An inner conviction or a balance of probabilities? Standards of evidence in Russia and abroad]. *Vestnik VAS RF – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. No. 3. Pp. 25–57. (In Russian).
2. Budy`lin, S. L. (2018) Standarty` dokazy`vaniya v bankrotstve. Po motivam opredeleniya Sudebnoj kollegii po e`konomicheskim sporam VS RF ot 04.06.2018 N 305-E`S18–413 [Standards of proof in bankruptcy. Based on the definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/04/2018 N° 305-ES18–413]. *Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya – Bulletin of Economic Justice*. No. 11. Pp. 130–157. (In Russian).
3. Burcev, I. O. (2024) Standarty` dokazy`vaniya i problema ustanovleniya istiny` [Standards of proof and the problem of establishing the truth]. *Zakonodatel`stvo – Legislation*. No. 1. Pp. 16–21. (In Russian).
4. By`chkov, A. I. (2024) *Pravila povedeniya i standarty` dokazy`vaniya v arbitrazhnom processe* [Rules of conduct and standards of evidence in the arbitration process]. Moscow. (In Russian).
5. Karapetov, A. G., Kosarev, A. S. (2019) Standarty` dokazy`vaniya: analiticheskoe i e`mpiricheskoe issledovanie [Standards of proof: analytical and empirical research]. *Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya RF – Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. Prilozhenie*. No. 5. Pp. 4–96. (In Russian).
6. Kozlov, M. A. (2022) Standarty` dokazy`vaniya kak rezul`tat recepcii inostrannogo processual`nogo prava [Standards of proof as a result of the reception of foreign procedural law]. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka – Russian law: education, practice, science*. No. 4. Pp. 28–39. (In Russian).
7. Reshetnikova, I. V. (2021) *Dokazatel`stvennoe pravo Anglii i SSHA* [Evidentiary law of England and the USA]. Moscow. (In Russian).
8. Reshetnikova, I. V. (1997) *Dokazatel`stvennoe pravo v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Evidentiary law in civil proceedings]. Ekaterinburg. (In Russian).
9. Roby`shev, V. O. (2019) Svobodnaya ocenka dokazatel`stv ili standarty` dokazy`vaniya: rossijskij i anglijskij grazhdanskij process [Free evaluation of Evidence or standards of proof: Russian and English Civil Procedure] *Zakonodatel`stvo – Legislation*. No. 2. Pp. 65–70. (In Russian).
10. Svirin, Yu. A. (2022) *Razmy`shleniya o grazhdanskom processe* [Reflections on the civil process]: monography. Moscow. (In Russian).

11. Smola, A. A. (2018) Standarty`, dokazy`vaniya i Verhovny`j Sud [Standards, Evidence and the Supreme Court]. *Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya – Bulletin of Economic Justice*. No. 8. Pp. 129–165. (In Russian).

12. Tokareva, E. V. (2023) K voprosu o standartax dokazy`vaniya v delax o bankrotstve [On the issue of standards of proof in bankruptcy cases]. *Zakonodatel`stvo o bankrotstve: preemstvennost` i novacii – Bankruptcy legislation: continuity and innovations: monography*. Eds. S. A. Karelina, I. V. Frolov. Moscow. (In Russian).

13. Mungan, M. C. (2011) A Utilitarian Justification for Heightened Standards of Proof in Criminal Trials. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 167. No. 2. Pp. 352–370.

14. Wright, R. W. (2008) Proving Facts: Belief versus Probability. *Koziol H., Steinger B. C., eds. European Tort Law*. Wien. Pp. 79–105.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Нахова Елена Александровна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru.

Царькова Дарья Владимировна, специалист по учебной работе учебного отдела, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0009-8245-3989, e-mail: darya.tss@mail.ru.

About the authors

Elena A. Nakhova, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru.

Daria V. Tsarkova, Specialist in Academic Work of the Educational Department, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0009-8245-3989, e-mail: darya.tss@mail.ru.

Поступила в редакцию: 18.04.2024
Принята к публикации: 21.05.2024
Опубликована: 28.06.2024

Received: 18 April 2024
Accepted: 21 May 2024
Published: 28 June 2024

К вопросу о регулировании сроков страховой выплаты

М. В. Рыбкина

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье исследуются проблемы регулирования сроков страховой выплаты как с позиций нормативного правового регулирования, так и с доктринальной точки зрения. Анализируется правоприменительная практика. Определяется влияние положений, изложенных в договоре к обязательствам, возникающим при наступлении страхового случая.

Ключевые слова: страхование, договор страхования, разумный срок, исполнение обязательства, страховая выплата, условия договора, срок страховой выплаты.

Для цитирования: Рыбкина М. В. К вопросу о регулировании сроков страховой выплаты // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 2 (76). – С. 179–195. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_179. EDN: ENUHFW

On the Issue of Regulating the Timing of Insurance Payments

Marina V. Rybkina

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines the problems of regulating the timing of insurance payments both from the standpoint of normative legal regulation and from a doctrinal point of view, and analyzes law enforcement practice. The influence of the provisions set out in the contract on the obligations arising upon the occurrence of an insured event is determined.

Key words: insurance, insurance contract, reasonable period, fulfillment of obligation, insurance payment, terms of the contract, period of insurance payment.

For citation: Rybkina, M. V. (2024) K voprosu o regulirovanii srokov strahovoj vyplaty [On the Issue of Regulating the Timing of Insurance Payments]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (76). Pp. 179–195. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_2_179. EDN: ENUHFV

Введение

В условиях постоянных рисков страхование является основным способом обеспечения имущественных интересов на случай наступления события, которое может оказать негативное воздействие на материальные или личные блага. Одна из функций страхования – компенсационная – заключается в возмещении ущерба [7, с. 95]. Вместе с тем гражданско-правовое регулирование страхования на сегодняшний день имеет ряд проблем, нуждающихся в разрешении с целью обеспечения эффективного правового механизма защиты законных интересов страхователей. Проблемы эти касаются в том числе сроков исполнения страховщиком своего обязательства выплатить страховое возмещение.

Специфика отрасли страхования заключается в том, что состояние страхователя как стороны по договору страхования не остается стабильным, а резко ухудшается с наступлением страхового случая, в результате которого он вынужден восстановить благо и оказывается в опустошенном финансовом и эмоциональном состоянии, если такое восстановление не будет возмещено страховщиком или если срок страховой выплаты будет неразумно и неоправданно затянут страховщиком.

Вышеуказанное особенно актуально в отношении, например, страхования на случай наступления стихийных бедствий, которые сложно предупредить и даже прогнозировать и которые наносят значительный урон как имуществу населения, так и крупным предприятиям [12, с. 1], из-за чего лицо может оказаться лишенным собственного места проживания – жилья. Другой пример – сельскохозяйственное страхование как подвид страхования имущества, которое также характеризуется имущественными интересами страхователя, наиболее подверженными воздействию стихийных сил природы, поэтому

такое страхование, по мнению представителей научного сообщества, в большей степени нуждается в страховой защите [4, с. 97].

На основании изложенного срок исполнения обязательства по договору страхования страховщиком обладает ключевым значением в сфере страхования и нуждается в качественно проработанной модели регулирования действующим российским законодательством, чтобы страхователь мог получить то, на что рассчитывал при заключении соглашения.

Срок исполнения обязательства как условие договора страхования

Договор страхования имеет свои сроки действия и исполнения обязательств перед контрагентами, именно поэтому считаем необходимым обратиться к пониманию, что есть срок наступления и исполнения обязательств, а также особенности развития института страхования.

Как уже было сказано, каждый договор имеет свои сроки наступления необходимости в исполнении обязательств по нему, однако существуют практики, когда чёткие сроки не установлены. Более того, они могут быть поставлены в зависимость от наступления определенного обстоятельства, которое будет являться началом течения срока, и на момент заключения договора никто из сторон не может твердо определить, когда же наступает его обязательство и соответственно срок для его исполнения.

В практике существует такое понятие, как «бессрочное обязательство», однако это не значит, что у него срока не существует. Он может быть определён с учётом разных критериев, ведь сама суть любого договора заключается в том, чтобы удовлетворить свои цели и исполнить возложенное обязательство надлежащим образом, что справедливо для каждой из сторон договора.

Если обратиться к учению римского права, то увидим, что понимание сроков в тот период существенно отличалось от понимания в наше время. Например, мы можем заметить, что само по себе обязательство могло не иметь определенного срока для его исполнения, а также самих условий для его определения. В римском праве действовал следующий статут: если срок платежа не установлен, то он наступает незамедлительно. Анализируя настоящий принцип, можно сказать, что сторона по договору имела право требовать незамедлительного исполнения обязательства только лишь по факту его возникновения, а должник в свою очередь обязан исполнить его.

Если мы обратимся к трудам учёных дореволюционного периода России, то увидим, что на тот период законодательство Российской империи полагало следующее – наступление срока по бессрочному обязательству происходит сразу после заключения договора, т. е. здесь мы можем наблюдать некоторую преемственность, истоки которой лежат в догмах, изложенных римскими мыслителями.

В своих трудах выдающийся правовед прошлого периода Д. И. Мейер также отдавал дань римским учёным и писал, что при заключении договора с условием бессрочного обязательства требования кредитора по нему должны выполняться по первому требованию. В связи с этим, если субъект обязан совершить какое-либо действие, но точные сроки не определены, это означает, что кредитор может потребовать выполнения этого действия в любой момент.

Какие существуют особенности сроков по договору страхования? Сами страховые отношения в рамках подобных договоров подразумевают, что сроки взаимодействия сторон поставлены под условие и часто такое, которое является неопределённым, а возможность их определения становится возможным лишь путём указания приблизительных координат, однако в некоторых

случаях у сторон нет возможности вообще установить, наступит ли страховое событие.

Любое обязательство составляют условия, которые должны быть сформулированы достаточно недвусмысленно, чтобы в дальнейшем не порождать разночтений и необходимости толкования в связи с неполной или недостаточной ясностью [14, с. 62]. В совокупности условий договора страхования выделяются те, что именуются существенными [2, с. 55] и без согласования сторонами которых договор не будет считаться заключенным. Согласно ст. 942 ГК РФ, существенными условиями договора страхования являются:

- имущественный интерес (при имущественном страховании) или застрахованное лицо (при личном страховании);
- страховой случай;
- размер страховой суммы;
- срок действия договора.

Анализируя условия договора страхования, невозможно, однако, не обратить внимание на условие, хотя и не существенное, но такое, без которого институт страхования представляет собой феномен с наибольшей вероятностью развития недобросовестности в нем вследствие отсутствия регулирования наиважнейшего аспекта – срока страховой выплаты.

Между тем затягивание сроков страховых выплат является важной проблемой в области страхования [6, с. 139]. Указанная проблема обусловливается реальностью, в которой страховщики, затягивающие выплату страхового возмещения и нарушающие тем самым права потребителей, осознают невысокую вероятность дальнейшего обращения страхователя в суд. Порой страхователь, опасаясь затягивания страховой выплаты, может быть даже согласен с выплатой, заниженной по сравнению с той, что положена ему в соответствии с условиями договора [1].

Для успешного реагирования правового механизма на необходимость защиты прав и законных интересов страхователя наличие нормы, регламентирующей сроки исполнения обязательства страховщиком, обладает серьезной и достаточно весомой миссией. Совершенно очевидно, что договор страхования обладает отличительной от иных обязательств чертой, где одна сторона при наступлении события, причинившего определенный вред страхователю или его имущественным интересам, остается в течение неопределенного количества времени в ожидании помощи, на которую рассчитывала при заключении договора.

Важность наличия установленного срока характеризуется и тем фактом, что, согласно п. 18 постановления Пленума Верховного суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства», только по истечении установленного периода времени возможно принятие мер по досудебному урегулированию спора, в том числе обращение к финансовому уполномоченному, который рассматривает споры между потребителями и финансовыми организациями (за исключением требований о возмещении расходов на представителя), упущенную выгоду и моральный вред [3, с. 208].

Учитывая указанные проблемы, возникающие на основании отсутствия формального закрепления максимального срока исполнения страховщиком его обязательства по выплате страхового возмещения, можно сделать вывод о том, что страхователь на сегодняшний день не обладает в должной степени защитой в самый уязвимый момент, когда он стеснен обстоятельствами, сложившимися вследствие наступления страхового случая.

Правовой механизм регулирования срока осуществления страховой выплаты по договорам страхования

Прежде чем отобразить в данной работе отличительные черты правового регулирования договора страхования, обратимся к особенностям самого понимания правового регулирования и механизмов правового регулирования.

Как справедливо указал Е. В. Вавилин, «понятие "механизм правового регулирования" при всей его актуальности и ценности для фундаментальной науки и правоприменительной деятельности в первую очередь акцентирует внимание на создании правовых конструкций (идеальных моделей правового регулирования) с точки зрения удобства законодателя (публичной власти)» [15, с. 67].

Правовой механизм в теории права является неким синонимичным понятием механизма правового регулирования. Тут важно отметить, что понятия «механизм» и «правовое регулирование» имеют общие терминологические связи.

Правовое регулирование – это специфический способ воздействия на определённый спектр общественных отношения посредством системы особых юридических инструментов. Это определение широко используется и считается основным в юридической литературе.

В свою очередь механизм правового регулирования в самом общем виде является комплексом единого систематизированного правового воздействия, которое обеспечивает достаточно эффективное правовое влияние на общественные отношения.

В итоге мы можем сказать, что анализ вышеуказанных определений (механизм правового регулирования и правовой механизм) представляют собой понятие одного рода, имеют общий правовой смысл. Если мы обратимся к современным авторам, то увидим, что в мире цивилисти-

ческой науки таким понятиям придают разное значение лишь в зависимости от методологии подхода автора к той или иной проблеме.

В своих трудах выдающийся учёный С. С. Алексеев писал, что подход к пониманию правового механизма должен быть чётким и иметь самый широкий подход для его изучения и определения. Он предложил рассматривать правовой механизм как совокупность правоотношений между субъектами, задействованных в правовом влиянии, образующих динамическую и целостную систему, где элементы обретают новые качества благодаря взаимодействию друг с другом.

Возвращаясь к теме настоящей статьи, можно сказать, что в случае с обязательным страхованием регулирование сроков исполнения обязательства страховщиком формально определенное. Например, п. 21 ст. 12 Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» устанавливает, что по общему правилу в течение двадцати рабочих дней со дня принятия к рассмотрению заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков страховщик обязан произвести страховую выплату или выдать направление на ремонт транспортного средства, который будет оплачен страховщиком, либо направить мотивированный отказ в страховом возмещении.

Обратимся к зарубежному опыту. Раздел 14 немецкого Закона о договоре страхования регламентирует, что страховщик обязан выплатить денежное возмещение после завершения расследования, необходимого для установления наступления страхового случая и размера ответственности страховщика. Если эти запросы не были завершены через месяц после получения сообщения о наступлении страхового случая, страхователь может потребовать

частичной выплаты в размере, который по крайней мере должен быть уплачен страховщиком (течение срока приостанавливается до тех пор, пока расследование не может быть завершено по вине страхователя); соглашение, в силу которого страховщик освобождается от обязанности по уплате процентов за просрочку, ничтожно.

В российской законодательной базе подобные нормы содержатся в отношении иных, отличных от страховых, правоотношений. Согласно п. 1. ст. 810 ГК РФ, заемщик обязан возвратить займодавцу полученную сумму займа в срок и в порядке, которые предусмотрены договором займа. Если в договоре не содержится условие о сроке возврата или содержится условие об определении срока возврата моментом востребования, сумма займа должна быть возвращена в течение тридцати дней со дня предъявления соответствующего требования об этом, если иное не предусмотрено договором. Данная норма позволяет позиции судов приобрести более строгую направленность.

Разумным видится установить аналогичный максимальный срок рассмотрения заявления страхователя и в отношении института страхования с указанием, что страховщик обязан выплатить страховое возмещение или страховую сумму после завершения рассмотрения заявления страхователя, необходимого для установления наступления страхового случая и размера, подлежащего возмещению по договору страхования вреда, либо направить страхователю мотивированный отказ в выплате страхового возмещения или страховой суммы.

На сегодняшний день регулирование условия о сроке страховой выплаты находится в компетенции участников гражданских правоотношений: стороны приходят к соглашению о сроке осуществления страховой выплаты и устанавливают согласованное условие в договоре, либо срок осуществления страховой выплаты устанавливает-

ся в правилах страхования, ознакомление страхователя с которыми производится до заключения договора. Установление максимального срока страховой выплаты не нарушает существующий баланс, а лишь служит целью обеспечения защиты страхователю на случай, если страховщиком срок определен как, например, «разумный», что в цивилистике характерно для сроков исполнения гражданско-правовых обязательств [5, с. 142].

Особенно актуальной проблема современного регулирования исполнения обязательства становится в части изменения срока такого исполнения [11, с. 61]. Поэтому справедливо отметить, что ограничение права страховщика изменять сроки выплаты без необходимой мотивационной основы также необходимо страховому законодательству по аналогии с обязательным страхованием.

Таким образом, если рассмотрение заявления страхователя не было завершено через тридцать дней после получения страховщиком уведомления о наступлении страхового случая, страхователь может потребовать осуществить часть страховой выплаты, соответствующую фактически определенной части указанного вреда.

Более того, при неисполнении страховщиком своего обязательства по выплате страхового возмещения, страхователь имеет право потребовать выплаты страховщиком не только страхового возмещения, но и процентов за пользование чужими денежными средствами [13, с. 80], и срок для предъявления указанного требования напрямую зависит от окончания срока исполнения обязательства страховщиком.

Неустойка как способ правовой защиты страхователей

Неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств между сторонами естественным образом не может не подвергаться нормативно-правовому закреплению в законодательстве. Однако, как известно, стороны

по договору могут предусматривать свои видения и особенности порядка исчисления, определения, размеров и условий для начисления неустойки.

Гражданский кодекс Российской Федерации в гл. 48 закрепляет основы правового регулирования данного способа обеспечения. Однако применительно к договору страхования мы руководствуемся специальным законом, а именно Законом РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Здесь мы можем отметить, что положения Гражданского кодекса Российской Федерации не отражают специфику ответственности сторон отличительно от иных договорных институтов гражданского права, особенно в контексте ответственности страховщика при нарушении возложенных на него обязательств. В свою очередь, аналогично в федеральном законе РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» отсутствуют нормы регулирующие ответственность сторон по договору страхования.

Стороны по договору страхования представляют собой субъектов права, которые заинтересованы в получении выгоды, а соответственно наступление обстоятельств, при которых их права нарушаются, к примеру неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, вызывают необходимость применения к нарушителю мер гражданско-правовой ответственности.

Существуют следующие общепризнанные меры ответственности, применяемые в рамках гражданско-правового взаимодействия – это собственно сама неустойка, проценты за пользование чужими денежными средствами, компенсация морального вреда и иные поименованные способы привлечения к ответственности.

Неисполнение обязательств порождает необходимость применения к правонарушителю правового принуждения имущественного характера [9, с. 190]. Законом или согла-

шением может быть предусмотрена возможность использования различных способов обеспечения исполнения и правовых последствий неисполнения обязательства¹.

Одним из способов, позволяющих обеспечить исполнение обязательства, является неустойка, основная идея которой заключается в определенных санкциях в отношении сторон сделки [10, с. 181]. Вопрос в данном случае, прежде всего в методике исчисления неустойки, допустимой в отношении страхования.

Учеными выделяются следующие способы исчисления неустойки в целом: штраф, пеня и собственно неустойка [8, с. 79]. Упомянутое ранее обязательное страхование содержит требования, согласно которым в случае невыплаты страховщиком в срок возмещения, он обязан уплачивать за каждый день просрочки неустойку в виде пени. Отметим, что главное отличие пени от штрафа в том, что последний – это фиксированная в соглашении сумма, которая не позволяет применить санкцию относительно количеству дней, просроченных в части исполнения обязательства, в связи с чем очевидно применения неустойки именно в виде пени.

Неустойка может быть установлена законом или договором. В отличие от предыдущей версии законодательства, нынешнее законодательство в сфере страхования не предусматривает законную неустойку, поэтому требование страхователя о выплате неустойки может быть основано только на условии о неустойке, прописанном непосредственно в договоре (правилах страхования), что происходит довольно редко.

Обязательство уплатить денежные средства, возникающее из договора, включая обязательство по выплате страхового возмещения, составляет суть денежного обязательства. Поэтому потерпевшая сторона, т. е. страхователь при

¹ Дерхо Д. С. Исполнение обязательств // СПС КонсультантПлюс.

задержке выплаты страхового возмещения имеет право требовать от страховщика проценты за использование чужими денежными средствами. Этот вид ответственности за неисполнение денежных обязательств определён ст. 395 ГК РФ, согласно которой за использование чужих денежных средств вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, другой просрочки в их уплате или необоснованного получения или сбережения за счёт другого лица начисляются проценты на сумму этих средств.

Возможность легитимного взыскания процентов по ст. 395 ГК РФ возникает в случае нарушения определённых условий по договору страхования, что может выражаться в необоснованном отказе стороны от обязательств по оплате, но помимо этого взыскателю необходимо достоверно установить факт использования должником чужих денежных средств в результате их незаконного удержания. Анализируя положения настоящей статьи, мы можем увидеть, что она является диспозитивной и может применяться только в том случае, если законом или договором не установлен иной размер процентов.

Соответственно можно указать на довольно интересную особенность сложившуюся в законодательной среде касательно защиты прав страхователей: нормы ГК РФ, а именно гл. 48 закрепляющая основные положения касающиеся страхования, устанавливая права и обязанности сторон, требования к форме договора страхования, порядок его заключения и прекращения, не содержит специальных норм, касающихся ответственности страховщика при нарушении договорных обязательств.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что норма о сроке исполнения страховщиком его обязательств необходима для эффективного гражданско-правового регу-

лирования страхования в России и должна приобрести формально определенный характер. Также отметим, что специальная норма о сроке выплаты страхового возмещения должна логическим образом располагаться перед основаниями освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения и страховой суммы (ст. 964 ГК РФ), в соответствии с чем предлагается ввести в ГК РФ ст. 963.1, содержащую изложенные в данной статье положения.

Данная новелла в законе необходима не только для установления баланса в страховых правоотношениях, где сделка уже специфична своим рисковым характером, но и для того, чтобы, когда закончился срок для выплаты страхового возмещения, страхователь при неосуществлении выплаты страхового возмещения узнал о нарушении своих прав, ведь именно с этого момента начинает течь срок исковой давности. Финансовая санкция в свою очередь должна исчисляться со дня, следующего за днем, установленным для принятия решения о выплате страхового возмещения.

В заключение полагаем возможным отметить, что результаты, полученные в ходе настоящего исследования, могут также послужить предметом дальнейших научных изысканий в сфере страхования.

Список литературы

1. Архипова А. Г. Правовое положение третьих лиц в страховании // Вестник гражданского права. – № 6. – 2022. – С. 7–54. – DOI:10.24031/1992-2043-2022-22-6-7-54
2. Базанов А. Н. Существенные условия договора страхования автотранспорта // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2015. – № 1 (49). – С. 55–60.
3. Бондаренко М. А. Досудебный порядок урегулирования споров по ОСАГО // Наукосфера. – 2021. – № 11 (2). – С. 206–211.
4. Брянцева Н. В., Зубковская В. Н., Попов Н. В., Дымов Д. Е. Страхование сельскохозяйственных угодий как способ защиты от эколого-экономических рисков в России // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 4. – С. 97–99.
5. Виниченко Ю. В. Разумный срок: тенденции законодательного развития // Известия БГУ. – 2011. – № 3. – С. 142–145.
6. Ильин И. В., Петухова А. М. О мерах ответственности страховщика за нарушение срока осуществления страхового возмещения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 5. – С. 138–140.

7. Колесников Ю. А., Бочарова Н. Н. Совершенствование правового регулирования института страхования и его роль в повышении эффективности экономики России // Евразийский Союз Ученых. 2015. – № 7–5 (16). – С. 94–97.
8. Корнилов А. Р., Климова А. Н., Кошелюк Б. Е. Понятие и значение неустойки // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 9 (225). – С. 77–79.
9. Крашенинников М. П. К вопросу о понятии мер гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязательств // Вестник СГЮА. – 2012. – № 2 (85). – С. 186–191.
10. Макиев С. А., Лолаева А. С. Неустойка как способ правовой защиты участников долевого строительства // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11 (215). – С. 181–184.
11. Романько Э. А. Вариативность условий изменения срока исполнения обязательства // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 4. – С. 61–65.
12. Русских О. И., Казанская Н. Н. Анализ рынка страхования имущества в России в современных условиях // Концепт. – 2015. – № 6. – С. 1–8.
13. Сидоров Е. Отказ в выплате страхового возмещения – негласное правило страховой компании // Хозяйство и право. – 2012. – № 10(429). – С. 75–81.
14. Сулейманова С. А. Толкование условий договора // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2004. – № 5. – С. 62–64.
15. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 360.

References

1. Arhipova, A. G. (2022) Pravovoe polozhenie tret'ih lic v strahovanii [The legal status of third parties in insurance]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. No. 6. Pp. 7–54. DOI: 10.24031/1992-2043-2022-22-6-7-54 (In Russian).
2. Bazanov, A. N. (2015) Sushchestvennye usloviya dogovora strahovaniya avtotransporta [Essential terms of the motor transport insurance contract]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki – Scientific notes of the St. Petersburg University of Management and Economics Technologies*. No. 1 (49). Pp. 55–60. (In Russian).
3. Bondarenko, M. A. (2021) Dosudebnyj poryadok uregulirovaniya sporov po OSAGO [Pre-trial procedure for settlement of disputes on CTP]. *Naukosfera – Naukosphere*. No. 11 (2). Pp. 206–211 (In Russian).
4. Bryanceva, N. V., Zubkovskaya, V. N., Popov, N. V., Dymov, D. E. (2012) Strahovanie sel'skohozyajstvennyh ugodij kak sposob zashchity ot ekologo-ekonomicheskikh riskov v Rossii [Agricultural land insurance as a way to protect against environmental and economic risks in Russia]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*. No. 4. Pp. 97–99. (In Russian).
5. Vinichenko, Yu. V. (2011) Razumnyj srok: tendencii zakonodatelnogo razvitiya [Reasonable time: trends in legislative development] *Izvestiya BGU – Izvestiya BSU*. No. 3. Pp. 142–145. (In Russian).
6. Il'in, I. V., Petuhova, A. M. (2019) O merah otvetstvennosti strahovshchika za narushenie sroka osushchestvleniya strahovogo vozmeshcheniya [On the insurer's liability measures for violation of the insurance indemnity period]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, socio-economic and social sciences*. No. 5. Pp. 138–140. (In Russian).
7. Kolesnikov, Yu. A., Bocharova, N. N. (2015) Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya instituta strahovaniya i ego rol' v povyshenii effektivnosti ekonomiki Rossii [Improving the legal regulation of the insurance Institute and its role in improving

the efficiency of the Russian economy]. *Evrazijskij Soyuz Uchenyh – Eurasian Union of Scientists*. No. 7–5 (16). Pp. 94–97. (In Russian).

8. Kornilov, A. R., Klimova, A. N., Koshelyuk, B. E. (2023) Ponyatie i znachenie neustojki [The concept and meaning of a penalty]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agrarian and land law*. No. 9 (225). Pp. 77–79. (In Russian).

9. Krashennikov, M. P. (2012) K voprosu o ponyatii mer grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za neispolnenie obyazatel'stv [On the issue of the concept of measures of civil liability for non-fulfillment of obligations]. *Vestnik SGYuA – Bulletin of the SSU*. No. 2 (85). Pp. 186–191. (In Russian).

10. Makiev, S. A., Lolaeva, A. S. (2022) Neustojka kak sposob pravovoj zashchity uchastnikov dolevogo stroitel'stva [Penalty as a way of legal protection of participants in shared-equity construction]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and the State: theory and practice*. No. 11 (215). Pp. 181–184. (In Russian).

11. Roman'ko, E. A. (2018) Variativnost' uslovij izmeneniya sroka ispolneniya obyazatel'stva [Variability of conditions for changing the term of performance of an obligation]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Bulletin of Economic Security*. No. 4. Pp. 61–65. (In Russian).

12. Russkih, O. I., Kazanskaya, N. N. (2015) Analiz rynka strahovaniya imushchestva v Rossii v sovremennyh usloviyah [Analysis of the Russian property insurance market in modern conditions]. *Koncept – Concept*. No. 6. Pp. 1–8. (In Russian).

13. Sidorov, E. (2012) Otkazat' v vyplate strahovogo vozmeshcheniya – neglasnoe pravilo strahovoj kompanii [Refuse to pay insurance compensation – the unspoken rule of an insurance company]. *Hozyajstvo i pravo – Economy and law*. No. 10 (429). Pp. 75–81. (In Russian).

14. Sulejmanova, S. A. (2004) Tolkovanie uslovij dogovora [Interpretation of the terms of the contract]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki – Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*. No. 5. Pp. 62–64. (In Russian).

15. Vavilin, E. V. (2009) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav* [Implementation and protection of civil rights]. Moscow: Volters Kluver. P. 360. (In Russian).

Об авторе

Рыбкина Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3321-0353, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

About the author

Marina V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-3321-0353, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

Поступила в редакцию: 16.05.2024
Принята к публикации: 03.06.2024
Опубликована: 28.06.2024

Received: 16 May 2024
Accepted: 03 June 2024
Published: 28 June 2024

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «Ленинградский юридический журнал»

ПРИ ОТПРАВКЕ файла присваивается имя типа "Иванов_статья".

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

1. Определите тип публикации:

- *научная статья / Original article* – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- *обзорная статья / Review* – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- *краткое сообщение / Short Communication* – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

2. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

3. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

4. Определите шифр ВАК согласно номенклатуре научных специальностей: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=1&name=91506173002&f=7892>

5. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

6. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. **NB!** В заголовке на английском языке все знаменательные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. *Пример:* Notary's Role in the Procedure of Purchase and Sale Turnover of Residential Premises Under Russian and Syrian Legislation.
- **Аннотация** имеет следующую структуру:
В первом абзаце «Введение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) кратко обосновывается актуальность статьи. *Во втором абзаце* «Результаты» необходимо изложить 3–5 основных положений, раскрываемых в статье, например: 1. Проанализировано... 2. Рассмотрено... 3. Обосновано... Не допускается копирование фраз из основного текста статьи. *В третьем абзаце* «Заключение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.
- Слова и словосочетания «Введение», «Результаты» и «Заключение» в аннотации не пишутся, в алгоритме приводятся для структурирования текста. Рекомендуемый объем аннотации – 500 знаков с пробелами.
- **Ключевые слова.** Не более 10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 1–2 абзаца. Обосновывается актуальность исследования и формулируется современное состояние проблемы.
- **Результаты**
В тексте основного исследования **необходимо** сделать 3–5 тематических рубрик в зависимости от содержания статьи, например:
 1. Дискуссионность положений доказательственного права;
 2. Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве;
 3. Этапы юридической квалификации;
 4. Стандарт доказывания.Слово "Результаты" в теле статьи набирается в том случае, если автор не имеет возможности использовать тематические рубрики.
- **Заключение.** Рекомендуемый объем 2–3 абзаца. Подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. **NB!** НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок). К каждому источнику необходимо указывать код EDN при его наличии (его можно узнать на странице публикации eLIBRARY.RU вверху страницы).

- **Информация об авторе.** После списка литературы необходимо указать следующие данные на русском и английском языках: ФИО (полностью); ученая степень; ученое звание; полное название организации без указания организационно-правовой формы; город; страна; идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>); e-mail.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать личный вклад в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
00/00 %

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисовочная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ со статьей, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/ JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

Особенности написания сокращения «г.» (город) в тексте статьи и в сведениях об авторе

- Сокращение «г.» не указывается при упоминании трёх городов федерального значения: *Москва, Санкт-Петербург, Севастополь.*
- Сокращение «г.» не указывается при упоминании иностранных городов и столиц: *Венеция, Париж, Берлин, Астана, Ташкент, Минск.*
- Сокращение «г.» не указывается при упоминании городов, в названии которых есть «-град», «-город», «-бург»: *Белгород, Калининград, Екатеринбург, Шлиссельбург.*
- Во всех остальных случаях сокращения «г.» рекомендуется указывать: *г. Вологда, г. Саранск, г. Краснодар, г. Новосибирск, г. Киров.*

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %. В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенном в разделе «Авторам» на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/leningradskiy-yuridicheskiy-zhurnal/avtoram-4>

Статья, оформленная в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляется в электронном виде на e-mail редакции: lenjurmag@lengu.ru.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

В журнале приняты следующие сокращения:

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

ГрК РФ – Градостроительный кодекс Российской Федерации.

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации.

ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации.

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации.

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации.

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.

УПК РФ – Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации.

Государственные органы

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

ФНС России – Федеральная налоговая служба

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (76)
2024

Редактор **Т. Г. Захарова**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 28.06.2024. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Oswald, Montserrat. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12,5. Тираж 500 экз (первый завод 50 экз.).
Заказ № 1964

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 470-56-74 <http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru